

Латиф Махмудов

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЛЕНТЯЕВ**

Рассказы

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1984

Уз2
М36

Перевод с узбекского
Ф. Камалова, Э. Умерова, П. Шуфа

Махмудов, Латиф.

Приключения лентяев: Рассказы. [Для среднего школьного возраста]/[Вступит. статья А. Алексина; Пер. с узб. Ф. Камалова, Э. Умерова, П. Шуфа]. — Т.: Изд-во лит. и искусства, 1984. — 175 с.

В эту книгу включены как уже полюбившиеся юным читателям, так и новые рассказы узбекского детского писателя Латифа Махмудова.

М $\frac{4803010000-75}{M352(04)-84}$ 121-84

Уз2

© Издательство литературы и искусства имени Гяфура Гуляма, 1984

ВЕСЕЛО И ВСЕРЬЕЗ

В. Г. Белинский утверждал: «Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание — великое дело: им решается участь человека». Думаю, каждый писатель, который посвящает свое творчество юным, должен помнить эти слова. Они могли бы, право же, стать эпиграфом ко всему лучшему, что создано в литературе для нашей подрастающей смены.

Узбекский писатель Латиф Махмудов хорошо помнит о том, что воспитание «решает участь» (то есть судьбу) человека. Вот почему он так взыскателен к себе... Я с удовольствием читаю его рассказы и повести, переведенные на русский язык. Почему с удовольствием? Сейчас объясню.

Самое трудное в литературе — это, пожалуй, воссоздание живых человеческих характеров. На страницах книг Латифа Махмудова мы встречаемся именно с такими характерами людей — юных и взрослых! Мы встречаемся с находчивыми, озорными, иногда огибающимися, но почти неизменно — добрыми мальчишками и девочками. Они дружат и спорят, ссорятся и мирятся, но чаще всего стремятся совершать поступки благородные, а иногда и решительные, смелые. Ребята в произведениях Латифа Махмудова пристально вглядываются в окружающую их действительность, жадно и непрерывно познают ее. Рядом с ними — старшие друзья, ибо мир юных неотторжим от мира взрослых.

Говорят, что хороший человек, сколько бы ему ни было лет, всегда сберегает в себе память детства и даже некоторые черты характера, которые свойственны юным. Латиф Махмудов сберег и то и другое. Вот почему он повествует о жизни молодых граждан, которые еще только входят в большую жизнь, столь правдиво и естественно.

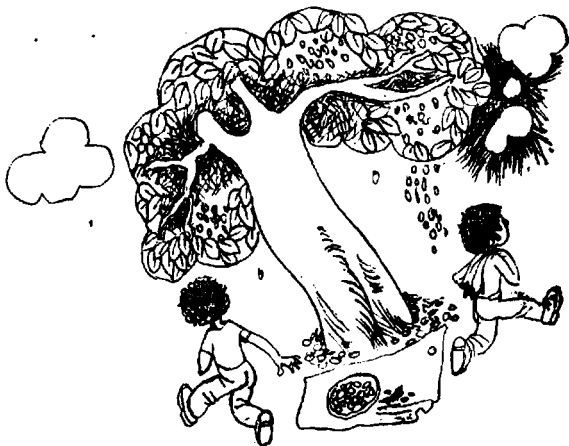
Я уже не раз писал о том, что лишь наивные люди ставят знак равенства между словами «весело» и «песерьезно». На самом же деле юмор и занимательность — это порой

кратчайшее расстояние между самой серьезной проблемой и сознанием юного человека. Понимая это, Л. Махмудов создает произведения, которые одновременно и серьезные, и озарены улыбкой, добрым юмором. М. Горький говорил, что для детей надо писать «забавно». Забавно — это не значит легкомысленно, а значит — интересно, увлекательно. Так именно и пишет Л. Махмудов.

Думаю, что юные читатели, раскрыв эту книгу, согласятся со мной!

Анатолий АЛЕКСИН,

*лауреат Государственных премий СССР
и РСФСР и премии Ленинского комсомола*

Миллион штук урюка

Мне никогда в жизни не было так тоскливо, как в начале этого лета.

Друг мой Мирвали бросил меня, удрал с отцом в Бостанлык. К какому-то отцовскому товарищу, у которого в горах дом, и сад, и пчелы, и... Мирвали, правда, пригласил и меня, но не мог же я сразу сказать — спасибо, конечно, я поеду! И пока я думал, как согласиться не сразу, он торопливо сунул мне руку.

— До свидания, друг, — сказал он, — я тебе письмо напишу из Бостанлыка.

И укатил без меня.

Я слонялся по двору. Ходил и ходил по кругу, как одноглазая лошадь вокруг колодца. Ходил, ходил, голова закружилась, а я ходил.

— Делом бы занялся!..

— Каким?

Бабушка всегда придумает дело.

— Урюк бы собрал! Варенье сварим.

Вот еще! Зачем из и так сладкого урюка варить варенье?!

Я взял мяч и пошел пинать его на улицу. Допинался до соседней махалли. Судьба у меня такая злощастная — попал мячом в чье-то окно. Еще и стекло не кончило звенеть, когда я со всех ног рванул от того дома. Прощай, мяч!

Вот жизнь! Хоть садись посреди двора и вой от тоски.

И тут заскрипела калитка и раздался знакомый голос:

— Эй, Батыр!

Мирвали! Ну, погоди!

— Вам кого? — спросил я.

— Тебе что, голову напекло? Уже не узнаешь друга?

— Какого друга? Вы кто?

— Э-э, Батыр, не сходи с ума! — закричал он, заглядывая мне в лицо. — Мирвали я, Мирвали!! Из Бостанлыка приехал.

— Знал одного Мирвали, — сказал я, — он обещал мне письмо прислать. Из Бостанлыка. Вы его там случайно не видели?

— Издеваешься?! Я, как дурак, тороплюсь к нему, хочу его обнять...

— Ладно, — сказал я примирительно. — Значит, отдохнул?

Мирвали подпрыгнул и уставился на меня.

— Я?! Отдохнул?! Да я не знал, как оттуда вырваться! Я тебе тысячу раз позавидовал, что ты остался дома.

— Мне?

— Тебе!

— Это уже интересно, — сказал я. — Рассказывай. Мирвали вздохнул.

— Интересно было только вначале. Едем мы туда на машине — кругом бахчи, сады, отары и горы. Душа — здорово было бы здесь пастухом поработать. Нам с тобой. Я бы на коне искал хорошее пастбище, а ты бы пас овец. У нас бы овцы потолстели, раздулись, как бочки...

— Ты бы на коне, а я бы пас овец? Спасибо, друг! Паси сам!

— Но ты же не умеешь на коне!

— А ты?

И мы заспорили, как всегда. А потом вдруг подумали, что оба никогда не ездили не только на горячем скакуне, а даже на смирном ослике, и замолчали. Ведь живые кони не продаются в магазинах, словно велосипеды, не попросишь отца купить.

— Рассказывай дальше, — сказал я.

Приехали они. Друг отца работает в саду. Дети его

работают в саду. Соседи и дети соседей тоже работают в саду. Все собирают урюк. Вечером хвастают друг перед другом: один собрал тридцать ведер урюка, другой — сорок, а третий — все пятьдесят.

А Мирвали бродит вокруг сада. Один, как отбившийся от отары барашек. Даже поговорить не с кем. Все работают, а он сидит, мучается.

— Да-а,— сказал я, пожалев его.

Потом и отец его пошел работать в сад, урюк собирать. Мирвали никто не попрекает, что он один не работает. Но и никто не разговаривает с ним. Как будто его тут нет вообще, и вовсе не приезжал он сюда.

— Ну и жизнь! — сказал я, и мне захотелось погладить друга по плечу.

— А однажды вечером,— продолжал он,— отец говорит мне: «И в кого ты уродился такой! У нас в семье никогда не было лентяев. Наверное, тебя Батыр с толку сбивает».

Обида вошла в мое сердце.

— А ты?..

— А что я! Сказал: наверное.

— Какой же ты балбес, Мирвали! — горько упрекнул я.— Значит, на меня все и свалил! Сам первый лодырь, бездельник.

— Кто, я? Никогда не был лодырем до знакомства с тобой. Это все ты!

— Сейчас я всем докажу!.. А ну пошли!

— Куда?

— К тетушке Жаннат.

— Чего я там не видел,— буркнул он, однако двинулся за мной.

Тетушка Жаннат жила одиноко в небольшом чистеньком доме с уютным двором. Во дворе журчал арычек, росли кустики райхана, а над всем двором раскинули ветви две огромные урючины. Плодов на них было так много, что урючины походили на две желтые тучи, столкнувшиеся над двором.

Тетушка обрадовалась, увидев нас, пригласила сесть под урючину и стала угощать чаем. Принесла полную миску розовых полупрозрачных плодов.

— Кушайте, сыночки! А я пойду маставу поставлю.

— Ах, урюк! — сказал я, прожевывая один плод и глядя на Мирвали.— Чистый нават.

Мирвали заерзал и с тревогой посмотрел на меня.
— Пока еще не нават,— сказал он.— Через неделю будет — нават. Придем сюда через неделю...

Кажется, он догадался о моих мыслях.

— Через неделю воробьи все склюют,— сказал я.

— Им тоже хочется есть...

— Надо сегодня убрать весь урожай! — решительно сказал я.

Мирвали неожиданно согласился.

— Хорошо, сегодня. Еще немного посидим...

Мы пили чай и говорили, и я все время удивлялся, чего это Мирвали подворачивает штанины. Держит пиалу в одной руке, а другой все подворачивает и подворачивает.

Он поставил пиалу и сказал:

— Я готов. Только договор: я трясу урюк, а ты подбираешь с земли.

Я было кивнул головой, а потом спохватился и быстренько засучил штаны.

— Трясти буду я, а подбирать — ты!

— Первое слово дороже второго! Я сказал первым.

— Ну и что! А я первым залезу.

И я полез, но он схватил меня за штанину и не пускает. Я хотел его лягнуть, но руки сорвались, и я шмякнулся.

— Упал один созревший фрукт,— нахально пропел Мирвали и быстро полез на дерево.

Далеко он не успел влезть, так как я схватил его за ногу, и он с воплем, обдирая руки о древнюю, всю в трещинах, кору сполз вниз.

Мы чуть не подрались. Уже, сопя, начали толкаться — плечом в плечо, уже я горестно размышлял — где раздобыть несколько пятак, лечить синяки. И вдруг Мирвали отступил.

— Два же дерева! — ахнул он.

— Ну и что?

— И нас двое. Каждому по урючине.

Тьфу, как все просто решилось. Почему это не пришло в мою голову?

В знак примирения мы снова сели под урючину и продолжили чаепитие. Хорошо! Вода течет по арычку, райхан благоухает, и иногда, как тяжелая градина, срывается с ветки спелый плод.

И мы сидим, как два уважающих друг друга человека, ведем за чаем неторопливую беседу.

— Богатый урожай!..

— Да уж не бедный.

— На каждой веточке не меньше, чем по сто штук.

— Может, больше. По пятьсот.

— А таких веточек на каждом дереве по тысяче.

— Да-а, полмиллиона штук на одной урючине.

— На двух — миллион.

И замолчали.

Наверное, мы подумали одновременно одно и то же — а кто будет собирать этот миллион? Мы? Мил-

н т

оч о ал а я с азу з ы все ко
с с и стал удто р а а ти он с

л асученн еш а н и о улся

и в от иди и о оче он

иллио

— е ез н'дел он сла е удет, ска ал

о да

р в льно од ват л и вали е е

е ел

о д е е и здесь

...

. — . , ,
 , ,
 .
 .
 .
 , ,
 ,
 .

-
-
.
.
,
-
,
.
-
-

А-а, ладно. Что я морочу себе голову чужими грушами.

В это лето нам с Мирвали пришла мысль купить фотоаппарат. Хоть бы на двоих один. Не самый дорогой бы, но, конечно, и не самый дешевый.

Мой отец... (да что говорить, все отцы, видимо, такие) говорит: «Научись сначала фотографировать!» А на чем учиться, если фотоаппарата нет. И отец Мирвали — тоже не подарок, тоже отказал сыну.

Тогда мне и пришла мысль о базаре. Я выложил ее Мирвали.

— Хорошо, просто здорово! — сказал он. — Дождемся, когда дедушки не будет дома.

Мы дождались.

Я слышал, как ночью задувал сильный ветер. Несколько раз прогремел сухой гром, хотя дождя не было — ветер разгонял грозу. Я лежал и думал о том, как сейчас сыплются на землю спелые груши.

Весь двор Мирвали был усыпан грушами.

Сам Мирвали сидел посреди двора, словно хан, и лениво жевал сочный плод — светлый сок стекал с его подбородка.

— Садись! — пригласил он, расчищая рядом местечко для меня.

— Сидеть некогда...

Мы набрали два полных ведра, с верхом. Тяжелые получились ведра. Мы только приготовились идти, как из дома вышла сестренка Мирвали Умида.

— Вы куда?

— Тебе какое дело! — правильно ответил ей Мирвали.

— Разве вы не идете в школу?

— Куда-а? В какую еще школу?

— Вчера всех предупреждали, что сегодня в школе субботник.

— Сегодня не суббота, а среда еще, — сказал Мирвали. — И потом, меня не предупреждали. Пусть идет.

И вот, когда мы вышли на улицу, Мирвали сказал: — Вы идите в школу, а мы поедем к дедушке. Он сидит в саду и жует грушу. Груша очень сладкая, как сахар. Мы поедем к дедушке, а вы идите в школу. Груша очень сладкая, как сахар. Мы поедем к дедушке, а вы идите в школу.

. — ».

,

,

.

,

... « , ».

?.. !.. !

— ?

— , ? —

— , ? —

, , ... — ,

,

— ? —

— :

— , ?'

,

,

?

!

Мне пришлось согласиться, и мы поволокли ведра с грушами совсем в другую от базара сторону.

У меня уже пальцы с трудом удерживали ручку ведра.

— Не это ли твой дом? — время от времени уныло спрашивал я девочку. — Может, тот?

Где же она живет?

Мне стало казаться, что правая рука вытягивается и стала сантиметров на десять длиннее левой...

Мирвали тоже выдохся. Он зло пнул грушу, выпавшую из ведра. Я взглянул на него и испугался: лицо искривлено, зубы оскалены. Я подумал, что он сейчас зарычит и набросится на девочку.

— Стойте! — крикнул я. — Ну-ка, малышка, думай, может, магазин около вашего дома, может, дерево растет...

— Дерево. Ореховое, — подумав, сказала она.

— Большое?

— Да. Когда под ним стоишь, неба не видно.

Принялись искать улицу с ореховым деревом.

Ужасно хотелось пить. Все жарче становилось. Мы едва брели и на ходу вяло жевали груши. От этого пить хотелось еще больше.

— Ой, как будто узнаю! — сказала девочка, и я обрадовался. А через минуту развела руками. — Нет, не то.

То, не то. Мне уже хотелось высыпать груши в арык, а ведро запустить куда-нибудь, чтобы улетело, превратилось в искусственный спутник земли. Век бы их больше не видеть: водянистые груши, жестяные ведра, плачущих девчонок...

Хоть бы кто из прохожих с добрым лицом попался навстречу. Мы бы ему отдали девочку... Нам же на базар нужно! А зачем на базар? Чтобы потом купить фотоаппарат. А зачем мне, вообще говоря, нужен фотоаппарат, провались он пропадом.

Я от усталости уже плохо соображал.

Однако напоследок меня посетила одна неплохая мысль.

— Эй, Мирвали! — позвал я. — Оставь ведро и идите ищите дом, а я посторожу.

Мирвали затосковал — почему ему пришло это в голову?

— После таких испытаний нам уже нельзя разделяться, — забубнил он.

— Откуда такой закон — нельзя! — из последних сил возмущился я. — Ставь, и все!

Я доволок свое ведро до куцей тени дувала и уселся. Мирвали стоял, почесывая в затылке.

— Ой, ореховое дерево! — запищала девчонка. — Кажется, оно!

— Если не оно, получишь!.. — сказал Мирвали.

— Оно, оно!

Мы плелись, и у меня в ушах стоял звон — может быть, даже малиновый — иногда так красиво пишут в книгах — звон казался мне красного цвета.

И все сильнее впереди слышался гул голосов, словно там шла демонстрация или находился стадион. Я так ничего и не понял, пока мы не дошли до орешины.

— Школа!

Наша же школа, вокруг которой было много народа. С лопатами, вениками, носилками.

Девочка оторвалась от нас и вбежала в школьный двор с криком:

— Умида-а! Умида-а!

Все повернулись в нашу сторону, и мы с Мирвали предстали перед школой — два красавца с грушами.

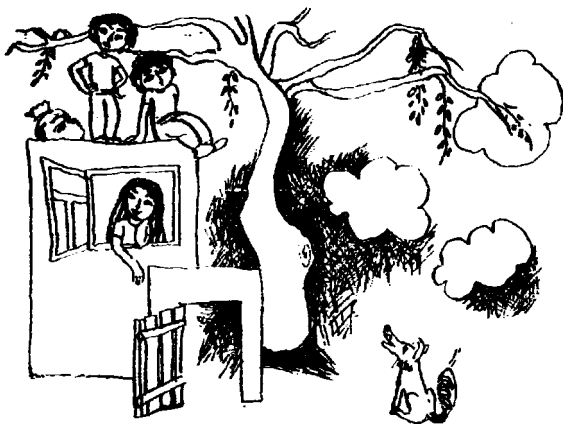
Навстречу нам выбежала Умида и в наступившей тишине громко сказала:

— Я ведь говорила, что Мирвали и Батыр принесут нам два ведра груш!

Все захлопали, закричали «Ура!» и бросились к ведам.

Я еще искал глазами эту любительницу мороженого, маленькую, а такую коварную, но она затерялась в толпе. Да и, честно говоря, я был рад, что не придется больше таскать чудовищное ведро.

— Оббо! — хрипло и потрясенно прошептал Мирвали, и кто его знает, что он вложил в это свое «оббо!»...

„Отдохнули“

Выходной день. Чего я сижу дома, как привязанная коза, подумал я и пошел к Мирвали. Прихожу, а он сидит на айване во дворе, совсем как Абу-Али-ибн-Мирвали. Думает, мыслитель.

— Привет! — Я подсел к нему. — Что случилось?

— Да так, ничего, — вздохнул он. — Скажу я тебе или не скажу, что изменится? Да ты и не поймешь.

— Ой-ой, мыслитель, так и не пойму?

— Ну, раз ты понятливый, объясни мне: есть у тебя, к примеру, сестренка, во всем тебе перечит, все делает наоборот, назло. Как бы ты с ней поступил?

— Как бы я поступил? — я задумался. — Растолковал бы ей, что такое хорошо, а что плохо. Книжки бы про всякие человеческие недостатки читал ей...

— Ну, а если ничего не помогает? — нетерпеливо перебил он меня. — Что тогда?

— Быть такого не может, — сказал я.

— Может! — закричал он. — Говорю, может! Что тогда делать?

— Тогда я бы, наверное, сказал: «Ну, держись!» — и треснул бы по затылку.

— Ага, молодец! -- обрадовался Мирвали.— Я именно так и сделал. Сначала ка-ак дал, а потом запер в комнате.

Я посмотрел на дверь комнаты и увидел, что с этой стороны торчит ключ. Честное слово, мне стало нехорошо. Этот хитрец повернул все так, будто сделал по моему совету. Если бы он сначала честно рассказал мне, я бы, конечно, ответил ему так: «Да ты что, разве можно бить девчонок!»

И еще смотрю — у моего друга глаза тоскливые. Не уверен в себе мой друг, в том, что его кулак оказался прав в споре с сестренкой.

Мы еще посидели молча.

— Эх! — вымолвил он.— Отцу наябедничает, да еще к одному подзатыльнику десять прибавит.

— Это уж точно, они такие,— поддакнул я.— А ты тоже хорош. Прежде чем начать колотить ее, надо было еще раз хорошенько поговорить.

— Хорошо тебе советовать! — Мирвали махнул рукой.— Ты же знаешь, я не лодырь, любую работу делаю: нарубить дрова, принести воды, подмести двор. Слова не говорю, сразу принимаюсь за дело. А она, эта Умида, какую работу мне подсовывает? Девчоночью! «Перебери рис!» Полтазика риса! Что мне, больше делать нечего, я ей нанялся рис перебирать, что ли?!

Мирвали начал кипятиться, и я поспешил пожалеть его:

— И правда, будто тебе делать нечего. И ты, конечно, отказался?

— Начальница нашлась! — Он сердито кивнул на дверь.— Мама на работе, так она изображает хозяйку, садится мне на голову. Ну я ка-ак дал!.. И еще могу!..

Он уже встал, но я ухватил его за штанину и заставил сесть на место.

— Охота тебе связываться с девчонками,— успокаивал я его.— К ним подход нужен. Подберешь ключик, они сами все сделают. Девчонки—круглые простофили. Да любое ласковое слово их растопит. И порядок, все выходит по-твоему. Не веришь? Сейчас сам убедишься.

Я подошел к двери, повернул ключ и вкрадчиво позвал:

— Умида, сестреночка, выйди к нам.

Дверь тихонько заскрипела, отворилась, и из комнаты выглянул бант, а потом он поднялся и под ним оказалось заплаканное девчоночье лицо.

И в такой вот обстановке, когда по ее щекам катились слезы, я заговорил ужасно сладким голосом.

— Ой, сестричка, как нехорошо получается,— сказал я.— Разве можно так относиться к братику, который старше тебя на три года!..

— Разве она понимает это? — буркнул Мирвали.— Только умничает.

Я поднял руку, останавливая его, мне самому хотелось говорить. И я повел разговор, да такой, что удивлялся, слушая себя. У меня с языка то лились мед и масло, то срывались острые стрелы. Откуда что бралось! Я приводил примеры из собственной жизни, из прочитанных книг и даже ударился в историю.

— Как видишь, сестричка, во все века, и у всех народов младшие уважали старших и слушались, а кто не слушался, те кончали жизнь очень плохо.

Слезы на щеках Умиды высохли, а глаза даже повеселели.

— А старшие?

Я не понял:

— Что старшие?

— Должны ли старшие слушать просьбы младших?

Я подумал и кивнул.

— Конечно, должны... если просьбы разумные.

— Поднимите на крышу, пожалуйста, полмешка риса и посмотрите — провялился там виноград или нет.

Я пожал плечами и посмотрел на Мирвали.

— Слазим?

Он не возражал. Эта просьба никак не унижала его мужского достоинства. Он приставил к крыше высокую лестницу — дом был двухэтажный. Мы вскарабкались по ней с грузом. На плоской крыше сушился виноград. Мы съели его по горсти и решили, что он чуть не доспел, чтобы называться изюмом.

День был жаркий, небо синее — глазу не за что зацепиться.

Во дворе раздался грохот, словно свалили дерево. Мирвали двумя прыжками оказался у края крыши и посмотрел вниз.

— Мы влипли! — закричал он.

Я сначала не понял.

— Как влипли?

— Нам крышка!

Я вскочил и подбежал к нему. Все стало ясно. Лестница лежала поперек двора.

— Умида, а ну иди сюда! — позвал Мирвали.

Умида выглянула из кухонной пристройки.

— Что?

— Это ты убрала лестницу?

Тут и спрашивать не надо было, не сама же она убралась.

Умида сложила в несколько раз скатерть и кинула ее так ловко, что она упала у моих ног.

— Переберите весь рис, потом поставлю лестницу. Я устала каждый день просить об одном и том же.

Конечно, сами же, дураки, втащили рис. Нормальный человек сразу бы заподозрил — зачем поднимать рис на крышу!

Я так и застыл на месте, будто мои шлепанцы приколотили к крыше. Ну ладно, Мирвали... а за что я должен страдать?

— А теперь послушай меня, тихоня! — крикнул Мирвали. — Сейчас же ставь лестницу, по-хорошему! Не то слезу и до вечера буду гонять по двору!

— Но это ведь просьба разумная. — Умида посмотрела на меня.

Мне хотелось сказать ей!.. Но я прикусил язык. Мирвали бегал с одного конца крыши на другой, словно курица, наступившая на горячие угли. Он и грозил сестренке, и просил. Но Умида шастала себе по двору, как будто на крыше сидели воробьи, а не люди.

Я обошел крышу — нельзя ли с нее слезть? Но рядом ничего — ни дерева, ни забора.

Мирвали сел, обхватив коленки. Я пристроился рядом.

— Хвалю! — съязвил Мирвали. — За коварную подсказку моей коварной сестренке. Теперь сиди и перебирай рис.

— С какой стати! — возмутился я. — Ты будешь есть плов, а я рис перебирать?

Мы с ним схватились, пока на словах. До драки дело не дошло, кончилось тем, что мы отвернулись друг от друга.

Умида прошла по двору, не поведя уком на наши крики, и принялась подметать двор.

Я придвинулся к Мирвали.

— Так не годится, надо что-нибудь придумать.

— Придумывай! Ты же мастер на выдумки.

У меня внутри все кипело.

— Ты не ехидничай! Не мог с сестренкой сам договориться, без меня!

Он сказал:

— Ну, ладно, ладно.

У меня созрел хороший план, я прошептал его на ухо Мирвали, и он согласился.

— Начинай!

Я схватился за голову, застонал и принялся бегать по крыше, а потом упал и затих.

— Эй, ты! — крикнул вниз Мирвали. — Смотри, что ты наделала с чужим человеком!

— А что я наделала? — спросила снизу Умида.

— Он единственный сын у родителей, отвечать будешь! У него солнечный удар! Быстро ставь лестницу, я его спущу вниз!

Я изо всех сил застонал и задрогал ногами. Наверное, перестарался. Снизу послышался смех.

— Скажи ему, — крикнула Умида, — что девочки не простофили!

Ага, она еще и подслушивала! Я вскочил и закричал во все горло:

— Поставь лестницу! Не то сейчас начну так орать, что весь народ сбежится!

Она пожала плечами и спокойно сказала:

— Ори. Про вас же скажут, что сумасшедшие.

Ну что делать? Я прямо дрожал от злости.

Солнце пекло нещадно. А на краю двора журчал арык. Я посмотрел туда — так хочется пить!

И Мирвали смотрел на арык.

— Послушай, может, переберем этот проклятый рис?

Он молчал.

— Эх, — сказал я, — я же мог к тебе не прийти сегодня...

— А ты завтра не приходи, — глупо сказал он и ухмыльнулся. Я испугался за него.

— Ты, которая во дворе, — сказал я, — твой брат с ума сходит. Сейчас прыгнет и разобьется насмерть. Подай хоть воды!

— Там работы на один час! — крикнула она. — Ничего с вами не случится.

— Ладно! — сказал вдруг Мирвали. — Только когда спустимся, ты сразу хватай, а я ее на метр в землю заколочу.

Мы еще поговорили немного про будущее страшное наказание Умиды и принялись за работу.

Полмешка риса...

Битых два часа мы пыхтели, потели и ползали вокруг скатерти с рисом, как два червяка. Это ужас, оказывается, самая проклятая работа — перебирать рис.

Уже солнце закатывалось за верхушки деревьев, когда мы закончили и хотели разогнуться. Не тут-то было! Так и остались согнутыми, словно две половинки колеса.

Мирвали все же дополз до края крыши и крикнул:

— Эй, ставь лестницу!

— Уже все?! Я сейчас... только сбегаю за Дильбар.

— Кто такая Дильбар, при чем здесь Дильбар! — закричали мы оба. Нам не удалось сделать голоса грозными, они получились скорее жалобными: «При чем здесь Дильбар?»

— Я же не смогу одна поднять лестницу...

Умида выбежала на улицу и скоро вернулась с моей сестренкой.

— Ой, что вы там делаете? — удивилась та, увидев нас.

— Греемся, — сказал я.

Они вдвоем кое-как поставили лестницу. Держимся мы с Мирвали за ее верхушку, а слезть не можем. Даже и расхотелось слезать.

— Как только спустимся, хватай ее! — напомнил мне Мирвали и полез первым. Я — за ним.

Еле-еле мы сползли.

Умида стояла в сторонке, ближе к воротам, и поглядывала на нас, готовая в любой момент сорваться с места.

— Ты говорила, Дильбар, что твой брат дома ни-

чего не делает,— сказала она.— Неправда. Если его хорошенько попросить, он горы своротит!

— Рисовые! — сказал Мирвали и схватился за поясницу.

Хотел я тут же двинуться на Умиду, схватить ее. Да, думаю, она уже нас с Мирвали в дугу согнула, неизвестно, чем кончится это хватание, и ноги, как ватные. Э-э, живи, ладно!

Да и Мирвали... поглядел на меня, покачал головой, пошелся в дом и закрыл за собой дверь.

Ну и я тоже потащился к себе домой...

Ленивый ветер

Когда шум в классе наконец поутих, Малика Азизовна, наш классный руководитель, с улыбкой сказала:

— Гляжу и не могу нарадоваться на вас, ребята! Вижу, за лето вы подтянулись не только ростом, но и умом, и в новом учебном году добьетесь еще больших успехов...

— Еще бы! — шепнул мне Мирвали. — Все отличниками станем. Через год в школу снова придем — Малике Азизовне совсем грустно будет.

— Это почему?

Мирвали хихикнул:

— Не догадываешься?.. А ты сам рассуди. Она ведь опять будет звать нас к еще большим успехам в учебе.

— Ну и что в этом плохого?

— Вот чудак! Если у нас все разом отличниками станут, то куда же нам расти дальше? Застой получится. Топтание на месте.

Было от чего задуматься. Но если следовать логике Мирвали, выходит, что классу выгодно иметь в резерве хотя бы одного спасительного двоечника, чтобы всегда иметь возможность обещать поднатужиться и стать к лету лучше.

Тут уж ничего не попишешь,— у моего дружка Мирвали своя логика. Только где она летом была — долгим жарким летом, когда надо было выполнить странное задание Малики Азизовны.

Спросите, какое задание? Да проще простого. Не кетменем махать и даже не гербарии собирать велела нам учительница. В последний день минувшего учебного года она сказала нам:

— У меня к вам маленькая просьба, ребята. Пусть каждый из вас за лето придумает хотя бы одно предложение — что нам следует сделать, чтобы улучшить нашу работу, чтобы жить нам стало интереснее, веселее. А первого сентября мы и поделимся идеями и самое лучшее примем на вооружение.

...Это я сейчас вспомнил, слушая взволнованные ответы одноклассников, которых одного за другим поднимала Малика Азизовна. Даже завидки взяли: вот ведь напридумывали! И чего только не сочинили за лето наши друзья. Такое могло прийти в голову только всезнайкам из телевизионного клуба «Что? Где? Когда?». Я с ужасом ждал момента, когда очередь дойдет до нас с Мирвали и... выяснится, что за долгое лето в наши с Мирвали головы не попросилась в гости ни одна захудалая мыслишка. Можно подумать, что в наших с ним головах мыслям так тесно, что новых постояльцев уже и вовсе некуда селить. Куда там! Если честно признаться, у Мирвали, как и у меня, с последним звонком начисто выветрилось из головы задание Малики Азизовны. И теперь оставалось лишь ждать, когда очередь блистать идеями дойдет до нас...

Я с тоской выглянул в окно. На пустынном школьном дворе водили хоровод сорванные ветерком листья. Посреди двора стояла с метлой и мешком огорченная тетушка Зумрад.

Тетушка Зумрад у нас палочка-выручалочка. До всего ей дело есть, все успевает — и классы убрать, и двор подмести. Она с позапрошлого года пенсионерка, ее всей школой с почетом проводили, в ее честь, помню, даже концерт дали. А она — вот чудачка! — через два дня в школу заявила. Буду, говорит, продолжать работать, даже если мне денег платить не будут. Не могу, говорит, без работы. Без детворы, говорит, не могу. Скучно ей, понимаете ли, дома одной-одиношеченькой... Мы с Мирвали, как ее на второй-то

день проводов на пенсию в школе увидели, так и покатались.

— Ну, умора! — сказал Мирвали. — Ничего не понимаю. Человек заработал право честно бить баклуши, а вот на тебе, снова на работу пришла.

Мечтательно закатив глаза, Мирвали вздохнул:

— Вот выйду на пенсию, как тетушка Зумрад, — вы меня тогда никакими шашлыками не заманите обратно.

— На пенсию собрался? — усмехнулся я. — А не рановато ли?

Мирвали сокрушенно махнул рукой.

— И не считай. Пальцев рук и ног не хватит.

И чего он так на пенсию захотел — не понимаю. Хотя, быть может, чуточку права Малика Азизовна, говоря про Мирвали, что второго такого лентяя можно увидеть только в зеркале, перед которым стоит Мирвали...

Вот такие мысли бродили у меня в голове тем временем, как одноклассники, напридумав за лето кучу идей, фехтовали ими сейчас друг с другом. Я скосил глаза на Мирвали и удивился, увидя, что и он невозмутимо уставился в окно, наблюдая за тем, как тетушка Зумрад безуспешно сражается метлой с разгулявшимся во дворе ветром. Вот тут-то и настиг нас голос Малики Азизовны.

— Ну, а теперь послушаем Мирвали! — сказала она. — Наверное, и он нашел летом время подумать о классе.

Я был готов заткнуть пальцами уши — лишь бы не слышать заикание своего дружка. Уж кому как не мне знать, о чем думал летом Мирвали. Вместе, так сказать, думали. И ничего такого, чего ожидала услышать Малика Азизовна от Мирвали, а затем и от меня, честно сознаюсь, у нас в мыслях не было... Как-то так получилось...

— Итак, мы слушаем тебя, Мирвали! — напомнила Малика Азизовна, и Мирвали, набрав побольше воздуха, к моему удивлению, громко выпалил:

— Стыдно, товарищи! Стыдно! А еще пионерами называются...

Все с удивлением поглядели на Мирвали, а он, как ни в чем не бывало, уверенно продолжил:

— Сидим вот мы сейчас с Батыром (это значит, со мной!) и гадаем: а скажут ли наши одноклассники

самое главное, или будут только своими фантазиями делиться.

Мирвали тяжело вздохнул и вдобавок махнул рукой — дескать, что с вас возьмешь, если вы такие недогадливые и несерьезные.

Надо ли говорить, что я и сам при этих словах Мирвали опешил не меньше остальных одноклассников. Мало того, что ничего нельзя было понять, он еще и меня зачем-то приплел. Придумал там чего-то, а мне потом за него еще и отдуваться придется. Всегда вот так...

Малика Азизовна, обеспокоенная всеобщим волнением, вызванным громким вступительным аккордом Мирвали, осторожно спросила:

— Так где же ваша с Батыром идея? Что-то нам ее пока не видно.

— Не видно? — невозмутимо усмехнулся Мирвали. — А вот она, вон, во дворе! — и он показал в окно.

— Где идея? Где?.. — зашумели одноклассники и повскакивали из-за парт, чтобы выглянуть в окно.

— Говорю же — по двору ходит. С метлой. Не видите, что ли? Тетушка Зумрад...

— Тетушка Зумрад?! — удивленно пропели разом сразу несколько голосов. — Какая же это идея?

— А вот то-то и оно! — лихо развивал свою мысль Мирвали. — Малика Азизовна, вы им подтвердите, а то ведь не поверят... Хорошая идея — она ведь всегда близко лежит, поэтому ее и не видно. Если на цыпочки встать, да еще и к биноклю приложиться, — разве заметишь муравья, который по твоей руке ползет. Скажи хотя бы вот ты, Батыр! — пригласил меня Мирвали, и я с готовностью затряс головой.

— Ни за что не заметишь! — авторитетно подтвердил я. — Ни в бинокль, ни в телескоп! Луну заметишь, всякие там на ней кратеры и моря запросто разглядишь, а чтобы муравья на собственной руке — это, извините, ни в коем разе.

И вот, выпалив все, что Мирвали, похоже, желал от меня услышать, я умолк, ожидая продолжения от моего дружка. Мирвали и не собирался молчать. Он шел в атаку, будто всю минувшую ночь только и делал, что разрабатывал операцию по захвату врасплох одноклассников, а с ними и ни в чем не виновной Малики Азизовны. И пока обескураженный «противник» молчал, говорил Мирвали.

— Вы только поглядите на тетушку Зумрад! — горестно воскликнул Мирвали. — Это в ее-то годы подметать огромный двор, листья сгребать!.. Некрасиво получается. Вот мы с Батыром и решили, что с сегодняшнего дня надо нам начать шефствовать над тетушкой Зумрад и решительно взять власть над ее метлой, так сказать, в свои руки... Верно говорю? — толкнул меня локтем Мирвали, и голова моя затряслась, как игрушечный шар на резинке. Надо ли говорить, что резинку эту цепко держал в своих руках Мирвали...

Самое удивительное, что после того, как я подтвердил слова Мирвали, все вдруг заплодировали, и Мирвали, довольный произведенным эффектом, скромно опустил голову и сел. Малика Азизовна, сияя улыбкой, которая запросто могла бы заменить шахтеру фонарь в штольне, сказал:

— Наши друзья, Мирвали и Батыр, придумали отличную идею. Я просто ушам своим не поверила... Так просто... и так здорово! Молодцы! Когда же вы хотите... взять власть?

— Над метлой? — догадался Мирвали. — А... это... Сразу после уроков.

— Вот и хорошо. Как, ребята, принимаем их идею? — обратилась она к классу, и вопрос ее захлебнулся в восторженном реве...

После уроков из класса вслед за нами высыпала гурьба одноклассников — наблюдать, как мы будем делать былью идею Мирвали. Чувствовал я себя, честно говоря, неуютно. Вот ведь влип в историю из-за длинного языка своего дружка. Уж лучше бы он просто промолчал, чем городить такое, что нам не под силу. Впрочем, почему это не под силу. Двор подмести — невелика работа. Но — чтобы каждый день?.. Извините... Да тут еще и одноклассники окружили. Вот еще — нашли развлечение. Шли бы лучше в кино, а то ведь не отвяжешься. Хорошо, Мирвали сообразил сказать им, что идти за нами не следует.

— Соображать надо! — сказал он, таинственно понижая голос. — Разве ж доверит нам метлу тетушка Зумрад, увидев такую ораву?! Еще и обидится. Подумает, что мы над ней насмехаемся и считаем неспособной какой-то школьный двор подмести.

— Тогда мы из-за угла тихонько наблюдать будем! — предложил кто-то.

— Ни за что! — отрезал Мирвали. — Тетушка Зум-

рад знаете какая пронизательная. Она сразу заметит неладное и не видать нам тогда ее метлы как своих ушей.

Как же мы тогда узнаем — удался ли ваш план? — приуныли одноклассники.

— Ха! — рассмеялся Мирвали. — Неужели непонятно? Вот придете завтра в школу, увидите чистый двор — и сразу все будет ясно.

И одноклассники, вняв уговорам Мирвали, разошлись по домам. Убедившись, что мы наконец-то остались одни, Мирвали хитро подмигнул мне:

— Ну как я их? Здорово?! Ты заметил — Малика Азизовна больше всего нас похвалила?

— Заметил, — уныло подтвердил я. — Только что теперь будем делать? — Гляди, что во дворе творится...

Было от чего прийти в уныние. Ветер посрывал с деревьев столько листьев, что их хватило бы весь город засыпать — не то что школьный двор. И как только тетушка Зумрад ухитрялась одна все листья убирать?

Делать было нечего, и мы уныло поплелись к тетушке Зумрад, которая знай себе скребла и скребла метлой двор, громоздя огромную кучу листьев.

— Хорманг, тетушка! — сладеньким голосом пропел Мирвали. — Не уставайте!

Таким голосом над стаканом с кипятком пять слов сказать — и сахар не потребуется, без него чай приторным станет.

Тетушка Зумрад приветливо кивнула:

— Спасибо, сынок. Доброе слово — оно и силы прибавляет. А вы чего домой не торопитесь? Или уроков вам не задали?

— Задали, тетушка. Ох, сколько задали. — Мирвали притворно закатил глаза. — Ужас как много задали. Но мы себе, тетушка, и сами задание дали.

— Это какое еще?

Мирвали на мгновение умолк. Напрягся и я. Неужели, думаю, спросит сейчас у нее — нужна ли помощь. Ясное дело — она не откажется. А нам потом до утра с листьями воевать. И сказал он совсем другое.

— Знаете, тетушка, — начал он, — решили мы у себя в классе сбор провести и пригласить на него вас. Чтобы рассказали...

— А о чем? — оживилась тетушка Зумрад.

— Ясно о чем... О героической жизни.

— Ну вот еще! — замахала руками тетушка Зумрад. — Какая ж я вам героиня! Вы лучше нашего завхоза Закира Каримовича позовите. Он на фронте воевал, у него по праздникам вся грудь в орденах.

— Можно и его позвать, — покорно согласился Мирвали. — Но нам важно, чтобы пришли и вы. Ведь сколько лет в нашей школе!..

Тетушка Зумрад вздохнула:

— Ну что мне с вами поделывать. Сбор-то ваш когда? Скоро?..

— Не-е... — протянул Мирвали. — Во второй четверти. А может, и в третьей... Мы вас предупредим, тетушка Зумрад. Вы только готовы будьте. Ладно?

Тетушка Зумрад кивнула:

— Зовите, приду, — и она снова налегла на метлу.

Мы, довольные собой, поспешили со двора. Едва завернули за угол мастерской — глянь, а одноклассники тут как тут! Ловко они нас провели!..

— Вы что здесь делаете? — отпрынул Мирвали. — За нами, что ли, следите? Не доверяете?

— Доверься вам! — хмыкнул Карим, редактор нашей стенгазеты. — Чего это вы домой топаете? А как же ваша идея? О чем это вы с тетушкой Зумрад толковали?

— Вот еще — Шерлок Холмс! — отбился Мирвали. — Так и знал, что ты где-нибудь неподалеку спрятался и глаза пялишь. Неужели непонятно? Мы с ней договорились, что сейчас быстро сбегает переодеться и будем ей помогать.

— Ну, это совсем другое дело! — повеселел Карим, а с ним и другие. — А мы уж было решили, что вы нас провели.

— Делать нам, что ли, больше нечего, — обиженно протянул Мирвали. — Вот увидите завтра чистый двор — и все вам будет ясно, — и Мирвали заторопил меня:

— Айда, скорее, Батыр. А то заболтаемся с этими — потом до темноты с листьями не управимся.

Убедившись в том, что мы не намерены отступить от своей идеи, одноклассники разошлись по домам уже по-настоящему.

...Наутро, пройдя чисто выметенным двором в класс, мы с Мирвали увидели, что Карим прикрепляет «Молнию». В глаза бросились слова, написанные красным фломастером: «Замечательная инициатива»

наших товарищей». Ага, ясно: наш редактор уже успел нас прославить. Оперативная работа — ничего не скажешь! Одноклассники толпились у «Молнии» и нахваливали проворного Карима.

Но тут Карим, глянув в окно, вдруг заволновался и завопил:

— Тетушку Зумрад надо позвать — пусть тоже прочтет. Ей будет приятно.

Надо же такому случиться — в это самое мгновение тетушка Зумрад проходила мимо наших окон. Тут уже все разом закричали и стали зазывать ее в класс, обещая показать что-то интересное... И никто не стал слушать Мирвали, кричавшего громче всех, что звать тетушку Зумрад не следует, потому что нескромно хвастать своими успехами.

Через минуту тетушка Зумрад входила в класс, и Карим, заранее ликуя, подвел ее к «Молнии».

...Надо ли вам рассказывать, какой после «Молнии» был гром? Наверное, вы и сами догадываетесь. Не знаю, как там у Мирвали, а у меня до сих пор в ушах звенит.

Чуть главное не забыл. Знаете, что мы с Мирвали делали в тот день после уроков? Точно! Побежали двор подметать. Жаль только — ветер нас в этот день подвел — мало листьев с деревьев сорвал. Устал он, наверное, накануне. Или просто обленился. Хоть сам лезь на деревья и листья срывай.

Всегда вот так у нас с Мирвали получается. Хочешь сделать хорошее дело — обязательно что-нибудь помешает. Ну почему нам с ним так не везет? Не подскажите?..

Новоселье

Лучше уж сразу честно признаться: в прошлый раз я вам не обо всем рассказал. Только не подумайте, что Батыр сгнал таким вруном, что ни одному его слову уже и верить нельзя. Разве ж я виноват, что не успеешь поставить точку в какой-нибудь очередной неприятной истории, а мой дружок Мирвали уже шьёт из жирной точки тощее многоточие...

С Мирвали не соскучишься. Плохо только, что от его идей ноги и у меня болят. А все потому, что мы с ним, как нитка с иглкой: куда один — туда и другой норовит. Вот и получается у нас с ним так — иголке на месте не сидится, а нитка из-за нее, неугомонной, рвется, да еще в самый неудобный момент...

Вы, конечно, помните, как по милости Мирвали взяли мы с ним шефство над метлой тетушки Зумрад, поклявшись, что отныне ни один листик не будет прохлаждаться на школьном дворе, валяясь на земле без всякого дела.

Мало этого Мирвали, так он возьми и ляпни в классе во всеуслышанье:

— Подумаешь, двор подметать! Разве это работа для двух крепких и работающих мальчишек?!

Карим усмехнулся:

— Не работа, говоришь? Чего ж вы тогда от нее отлынивали?

Мирвали делал невинные глаза.

— Говорю же — работа эта не для двоих. Тут и одному запросто управиться можно было. Мы бы только толкались и мешали друг другу.

— Это во дворе-то? — улыбнулся Карим.

— Во дворике, — с готовностью кивнул Мирвали. — Вы сами посудите: если уж тетушка Зумрад одна запросто управлялась, что там делать двоим?..

— Ну раз так, — подхватил Карим, — можете еще за что-нибудь взяться. Да хотя бы наш класс убрать. Мирвали махнул рукой.

— Идет! Сегодня же останемся, хоть и не наша очередь дежурить.

— Вот-вот! — ухмылялся Карим. — Покажите нам всем, как это делается.

— А что! — хорохорился Мирвали. — И покажем! — и он победно глянул на меня: — Говори ты, Батыр. Покажем ведь?

Я пожал плечами. С одной стороны, отчего бы и не показать высший класс? А с другой, не глупо ли не в свою очередь класс убирать — будто это премия нам за хорошую учебу или, точнее, еще за что-нибудь. Только куда теперь денешься, если у Мирвали язык подлиннее метлы будет. Была б моя воля, я б для беспокойного языка моего дружка Мирвали специальную кобуру сшил, а ключ от нее в своем кармане носил.

Еще никогда уроки не шли так быстро, как в этот день, стремительно приближая минуту нашей с Мирвали борьбы за чистоту класса. И когда он, наконец, опустел и одноклассники, пожелав нам приятного времяпрепровождения, разошлись по домам, Мирвали мигнул мне и, оперев руки в бока, бодро сказал:

— Начнем, пожалуй!

После таких зажигательных слов ему самое время было бы взяться за швабру. Только он явно не спешил беспокоить ее, все так же поглядывая на меня, отчего мне стало не по себе. Чего это он, думаю, на меня уставился? Сам ведь вызвался высший класс показать. Вот и показывай.

Поняв, что его пламенные речи и горячие взгляды не прибавили мне трудового энтузиазма, Мирвалл протянул с обидой:

— Чего же ты стоишь? Хватай скорей тряпку, а я ведро тебе принесу.

Хорошенькое дельце — хватай тряпку! Что она —

пирожное или горячая, прямехонько из тандыра, самса, чтобы, спеша оказаться первым, падать на нее грудь? Сам хватай, если тебе охота. А воду я и сам могу принести.

Раздосадованный моей несговорчивостью, Мирвали сощурился и махнул рукой.

— Ладно. Будь по-твоему. Обойдемся без тряпки.

— Без тряпки? — не выдержал я — Это как еще? Может, за пылесосом домой сбегает?...

— Сейчас увидишь, — невозмутимо ответил Мирвали, и спешно покидая класс, отрывисто бросил: — Жди здесь, я быстро.

Час от часу не легче. Видать, и вправду за пылесосом помчался. Ну и чудак!.. Я оглядел наш класс и, быть может, впервые поразился тому, какой он огромный. Это сколько же надо трудиться, чтобы его убрать — и полы вымыть, и парты протереть, и доску в порядок привести. А окна? А двери?.. С ума сойти!.. А ведь все ученые виноваты. Вот придумали ведь для олимпийских столовых особые стаканчики и тарелки, что только раз используются. Поел и мыть не надо. Дешевле выбросить, а взамен новую посуду на стол поставить. Точно говорю — сам в газете читал. А чем, если подумать, мы, ученики, хуже спортсменов? Может, у нас времени лишнего много? Так нет ведь! Несправедливо получается: вместо того, чтобы алчно грызть гранит науки, к урокам во все лопатки готовиться — вот сейчас будем с Мирвали вместо всего этого полы мыть. Трудно, конечно, требовать от ученых на каждый день новую школу, но все равно чуточку обидно...

Горестные мои размышления прервал сердитый возглас Мирвали:

— Эй, Батыр, уснул ты там что ли? Держи скорее!

Я выглянул в окно и увидел, что Мирвали протягивает мне конец длиннющего шланга, протянувшегося через весь школьный двор. У меня даже дыхание перехватило. Но и силен же ты, Мирвали, на идеи! Не голова, а совет дружины. А может быть, даже и учительская... Я с готовностью втянул в класс толстенную дельту шланга, а Мирвали помчался к водопроводу, чтобы река через весь двор смиренно потекла к нам на выручку.

Ну и прыть у Мирвали — раньше воды прибежал!

Она еще только урчала в шланге, грозя хлынуть прямо на пол, а Мирвали уже стоял в дверях, сияя от восторга.

— Ну как? — выдохнул он. — Здорово? Я эту змеюгу в кладовке у тетушки Зумрад нашел. Хорошо — вспомнил, что она этим шлангом школьный двор поливает. Дай-ка его сюда!.. — и, выхватив у меня шланг, он принялся купать окна и парты. Вода резво сбегала вниз и, с помощью веника в моих руках, исчезла в щелях в полу. Не прошло и десяти минут, а класс уже сверкал. Над партами стояла радуга. Под радугой стоял Мирвали с шлангом, и радуга реяла сейчас над его головой как нимб. Что и говорить, славно придумал Мирвали. До утра все высохнет, а воду в подполье никто и не обнаружит. Если люк сделать — можно и рыбу разводить. Вот биологичка рада будет! А что: класса-аквариума, кажется, ни у кого нет! Да за такое изобретение нам с Мирвали по биологии запросто пятерочка положена. И не какая-нибудь там рядовая, текущая, так сказать, а самая что ни есть годовая. И без всяких экзаменов!

Только мечты ведь все это несбыточные. Пока биологичка нас с Мирвали за супер-аквариум отличить надумает, другие, глядишь, и по голове не погладят. Хлебнешь еще горя с этим нашим аквариумом. Нет, лучше уж помалкивать...

Можно было уволочь шланг на место и смело отправляться домой. Только Мирвали был другого мнения.

— Надо бы пол хорошенько вытереть, — процедил он, почесывая затылок.

— Вот еще! — возмутился я. — Стоило ли такую гениальную идею со шлангом придумывать, если дело все равно тряпкой завершится?

— А почему ты решил, что тряпкой будем орудовать мы? — сощурился Мирвали, и по лицу его пробежала усмешка.

Я промолчал — настолько неожиданны для меня были его слова. Кто же тряпку возьмет, если не мы? И про самоходные швабры я пока что не слышал...

— Отнеси шланг на место, а я тут кое-что придумаю... — загадочно пообещал Мирвали.

Я пожал плечами, послушно вышел во двор и поволол за собой шланг.

Когда я вернулся, Мирвали заканчивал приделы-

вать к двери нашего класса табличку. И было на ней написано вот что: «1-й «А» класс».

— Соображаешь? — подмигнул Мирвали, глаза его горели восторгом.

— Ничего не понимаю! — честно признался я. — Зачем все это?

— Зачем... зачем... — ворчал Мирвали. — Учу тебя, учу, а толку все нет. Говорю же тебе — в любом деле смекалка нужна...

— ...как винтовка в бою! — с готовностью подсказал я. — Это я знаю, слышал...

Мирвали поморщился:

— Что с того, что слышал, если простой вещи сообразить не можешь. Стой здесь и жди, сейчас все поймешь. — С этими словами Мирвали побежал во двор и вскоре вернулся с пятью первоклашками, все это время игравшими во дворе в классики. Они с удивлением рассматривали свою табличку, почему-то украсившую чужую дверь.

— Вот видите!.. — щебетал между тем Мирвали. — Я же говорил вам, что вас решено переселить в новый просторный класс. А мы теперь ваши шефы. Вот уже и полы мы вам вымыли. И парты. Нужно только вытереть все хорошенько, а завтра будет новоселье. Ну-ка! Живо взяли тряпки!.. Ах, здесь только одна тряпка?.. Ничего, зато вон какая огромная. Сейчас мы ее разделим на пять кусков — всем хватит.

С этими словами Мирвали лихо разодрал на куски нашу тряпку и торжественно раздал первоклашкам — будто это не тряпка, а эскимо. Первоклассники ринулись вытирать парты и пол. Не прошло и получаса, а класс сиял как и физиономия Мирвали.

Выпроводив первоклассников и уже не сдерживая душившего нас хохота, мы в обнимку помчались домой, решив, что завтра придем чуточку позже, чтобы дать одноклассникам всласть налюбоваться потрясающей чистотой, а все их восторги получить разом.

Наутро мы с Мирвали спрятались за углом школы и стойко выждали звонок на урок. Когда двор опустел, мы двинулись в класс и, заранее предвкушая, какой бурей будет встречено наше появление, потянули на себя дверь, ожидая увидеть сияющую Малику Азизовну — ее урок был первым. Но у доски стояла совсем другая учительница. Еще ничего не понимая, мы протиснулись в класс и... с изумлением увидели, что

за нашими партами сидят первоклассники. Что за наваждение?!

— Вы куда, мальчики? — приветливо улыбнулась учительница.

— Мы... мы... мы ведь учимся в этом классе... — растерянно пролепетал Мирвали.

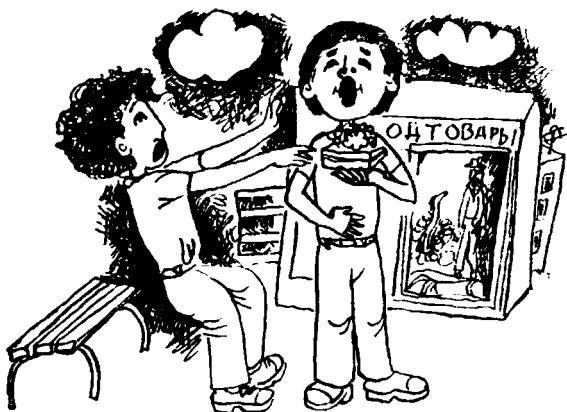
Первоклассники рассмеялись, а учительница заметила:

— Выходит, вы в шестой раз подряд остались на второй год. Кстати, могу подсказать — теперь ваш класс в конце коридора. Не смущайтесь, я и сама об этом узнала только десять минут назад.

Мы, пятясь, выскользнули из класса. Мой взгляд упал на ту самую злополучную табличку: «1-й «А» класс».

Ах, Мирвали, Мирвали! Куда же ты смотрел, когда мы вчера, заранее торжествуя победу, уходили из школы? Таблички-то надо было вновь поменять местами...

И мы уныло побрели в конец коридора. На печальное новоселье.

„Прощай, шеф!“

Едва кончились уроки, Мирвали говорит мне:

- Останься!
- Зачем?
- Разговор есть.

Тьфу, думаю, нашел время говорить, разговорчивый какой. Почему-то всегда так, когда торопишься, тебя хватают за рукав, наступают на ноги и кричат — стой! Вот так, размышляя, я все же тихонько пробираюсь к двери.

Мирвали же важно садится на место учителя и говорит, закинув ногу на ногу:

— Разговор такой. Во-первых, с сегодняшнего дня я беру над тобой шефство, во-вторых, ты будешь делать все так, как я тебе скажу, а в-третьих...

— А в-третьих, напрасно стараешься, — перебиваю я.

Мирвали, кинувшись к двери, преградил мне дорогу.

— Куда?

— Домой.

— Не выйдешь отсюда, пока не дослушаешь меня до конца.

Вижу, действительно не выпустит меня из класса. И говорю ему по-хорошему:

— Прошу тебя, пусти. Я ужасно тороплюсь. Сегодня день рождения моей сестренки и мне надо купить подарок.

Мирвали, оживившись, подхватил свою папку под мышку.

— Что же ты мне сразу об этом не сказал! Думаешь, мои советы тебе не пригодятся? Еще как!

Мы идем по улице, и я потихоньку начинаю злиться. А потом, подумав, решаю — пусть. Я считаю самым распоследним делом для мальчишки таскаться по магазинам. Тем более одному. А так, идет он за мной, что-то бубнит, ну и ладно. Не на плечах же я его ташу, своими ногами идет.

— Сколько ей лет?

— Три.

— Очень хорошо, — обрадованно говорит он. — Трехлетней девочке выбрать подарок не просто. Тут надо думать, дружок.

А если бы я сказал, что ей четыре? Или пять?

В «Детском мире» я хотел выбрать куклу, но они все очень дорогие, у меня и денег таких нет. И тут смотрю, — дешевые, красивые погремушки! Я отправился к кассе. А Мирвали уперся:

— Я твой шеф, только попробуй не послушаться! К черту погремушки! Я сам найду подарок.

И тянет меня в другой магазин, оттуда в третий. И я таскаюсь за ним, как собачка, а ничего хорошего нам не попадается. Я уже начал забывать, зачем мы ходим и что ищем, и проголодался, и хотел махнуть рукой, пойти домой.

— Стой! — кричит Мирвали. — Придумал!

Забегает в гастроном и выносит пирожное.

— Вот это можно назвать подарком! — хвастливо говорит он и разворачивает пирожное. — Во-первых, на нем цветочки. Гляди, как раз три — один посередине и два по краям. А запах! — хоть нюхай, хоть ешь. Во-вторых... О-о-о! Какой запах!

Прикрыв глаза, он облизнулся и покачал головой.

Я почувствовал, как от запаха пирожного у меня даже голова закружилась. И мне стало ясно, что у меня внутри пусто, как в очень перезрелом арбузе.

А Мирвали продолжает:

— Но тут уголок один примят... — а сам глаз не сводит с пирожного.

— Где?

- Да вот же! — Я увидел, как он пальцем смял красный цветок на пирожном.
- Иди меняй!
- Ну да, обменяет, держи карман шире!
- Я говорю:
- Придется кривое дарить.
- Нет, в таком виде нельзя, — говорит он и морщится. — Представь, что ты именинник, а тебе приносят кособокое пирожное.
- Я же точно видел, что он специально примял.
- Что же делать?
- Подумаем, — отвечает Мирвали, и мне кажется, у него начинают шевелиться уши. — Придумал! Я сейчас осторожно подровняю его.
- Чем?
- Как — чем? Зубами, конечно.
- Вот еще! Давай сюда, я сам подровняю.
- А он говорит:
- Ты откроешь рот и не заметишь, как совсем проглотишь.
- Оглядев пирожное, он примерился. Широко открыл рот. И Мирвали куснул до самой половины цветка... — У меня искры из глаз посыпались.
- Стой! — кричу и что есть силы хватаю его за воротник. — Не смей глотать!
- Но он на моих глазах сделал глотательное движение — глык! — и проглотил.
- Сам же подтолкнул меня! — говорит он, освобождая свой воротник. — Конечно, после этого разве откусишь правильно!
- А зачем глотал?
- Я не хотел глотать, а ты испугал меня, и кусочек упал прямо в живот.
- Стоим посреди улицы и ругаемся.
- А что толку!
- Ты считаешь, что это еще можно дарить? — спрашиваю я Мирвали, показывая на пирожное.
- Нет, в таком виде нельзя. Чтобы ровно стало, надо и с другого конца откусить.
- Что? — Меня в дрожь бросило.
- Мирвали стоит, хлопает глазами.
- А что тут еще придумаешь? Один выход.
- Хорошо, — говорю я. — Только на этот раз не ты кусать будешь, а я.
- Как хочешь, — говорит Мирвали с сомнени-

см.— В одном конце пирожного следы моих зубов, а в другом — твоих...

И то правда.

— Дай сюда пирожное! Я поднесу ко рту, а ты подравнивай...

— Согласен.— И уже рот раскрыл.

— Слушай, Мирвали,— говорю я,— если отхватишь кусок, дам тебе по горлу так, что он обратно вылетит.

— Ы-ы-ы...

На этот раз он очень осторожно стал ровнять угол. И вдруг губами содрал сверху весь цветок. И стоит, чмокает масляными губами. У меня едва не вырвался рев на всю улицу. С горя я тут же сунул себе в рот остатки пирожного.

— Ага, вот ты какой, оказывается,— говорит Мирвали.— Я с ним время теряю, помогаю, воспитываю его... Не повезло твоей сестре, что у нее такой брат... Ну ладно, это первая наша совместная работа...

— И последняя,— говорю я и кидаюсь бежать от него со всех ног.— Прощай, шеф!

Сели в галошу

— Эй, Батыр, ты дома?

Я уже битый час сидел над задачкой, и она никак не получалась. Чем больше я ломал голову, тем больше запутывался.

Услышав голос Мирвали, я облегченно подумал: «Пойду погуляю немного».

Я подошел к окну и выглянул на улицу. Мирвали стоял, засунув руки в карманы, и рот его разъехался в улыбке.

Увидев, что я дома, он перемахнул через клумбу и взобрался на подоконник.

— Ну как вчерашнее дело? — спросил он.

— Как договорились, так и будет.

— Дай руку! Вот так. Ой-ой, не жми слишком, у меня на пальце болячка. — Мирвали выдернул руку. — Знаешь, что я придумал? Закачаешься! Как это мы вчера не догадались? На базар надо идти. На базар, понимаешь? Все старые люди вечно ходят на рынок, так они любят это дело.

— Верно! И что мы об этом раньше не подумали?

— То-то,— произнес Мирвали, очень довольный, и начал рыться в карманах. — Вот тебе ключи. Возьми их. Мама говорила, что сегодня рано вернется. Отдай ей. Я слетаю на базар. А ты жди меня, никуда не уходи, ладно?

— Ладно.

Мирвали соскочил с подоконника и вылетел на улицу. Я вернулся к столу. Проклятая задачка опять не выходит. Потому что в голове вертится и базар, и задачка, и то, что мы решили посадить Максуду в галошу. «Решу эту задачку вечером», — подумал я и захлопнул задачник.

Подвинув стул к окну, стал смотреть на улицу.

Солнце жжет всю. И ни ветерочка. Тополя бесильно свесили привядшие листья. От жары попрятались даже воробьи. Только какая-то девочка сидит у арыка, болтает ногой и брызгает сама на себя.

Мимо, отворотив нос, прошла Максуда. Я ей погровил кулаком:

— Мы с тобой поговорим еще!

Скоро перестанет нос воротить эта вредная девчонка!.. Когда впервые появилась здесь, была тише воды, ниже травы.

Но Мирвали сразу раскусил ее. «Вот пообвыкнет она немного, — сказал он тогда, — и еще выкинет номер». И угадал. Да первым сам же попался.

А было это так: Максуда стояла у дверей. Мирвали, волоча сумку на ремне, протопал в класс.

— погоди, — остановила она. — Сегодня я дежурная. Покажи руки.

У Мирвали глаза на лоб полезли.

— При чем тут мои руки? Займись своим делом, вытирай доску.

— В школе, где я училась, без проверки никого не пускали в класс.

— Да, но здесь этого не делают, — бросил сердито Мирвали. — Можешь вернуться в эту свою школу. Никто тебя здесь не держит. Отстань и дай пройти, а то знаешь...

Максуда и не подумала отстать. Она глядела ему прямо в глаза, выжидающе выгнув брови.

— Нет, в класс не попадешь, пока руки не покажешь.

Мирвали поднял сумку, чтобы треснуть эту упрямую девчонку по голове, но раздумал. Потому что Максуда вплотную подошла к нему и сказала:

— Ударь, ну-ка, попробуй ударь, я тебе все глаза выцарапаю. Лучше бы когти остриг, чем в драку лезть! Гляди — вырастил, как ложки...

Если бы в конце коридора не показалась учительница, Мирвали бы не удержался.

Он выхватил из рук Максуды ножницы и ушел.

Начали рассаживаться. Проходя мимо доски, я незаметно стянул тряпку и засунул ее в карман. Мирвали вернулся после переключки. Я показал ему оттопырившийся карман.

— Посмотри, что сейчас будет,— прошептал я.— «Де-жур-ная!»

— Молодец, Батыр!

Учительница подошла к доске, и не найдя тряпку на обычном месте, стала искать на полу.

Красная от стыда, поднялась Максуда.

— Я же недавно мочила тряпку...

— В той твоей хваленной школе, видно, пишут пальцами и руками вытирают! — крикнул Мирвали с места и тут же притих: учительница укоризненно взглянула на него.

Максуда принесла другую тряпку. Мы торжествовали. Ведь здорово проучили эту «де-жур-ную»!

А что было на переменке! Она чуть не плакала, так мы доводили ее. Сами, правда, тоже взмокли, словно в бане сидели целый час. И тут неважно получилось. Я вытащил платок и вытер лицо. И эта Максудка вдруг подскочила ко мне:

— Как бы ни было, но в нашей школе никто не носил в кармане вместо платка тряпку, которой доску вытирают.

Страшный хохот поднялся.

А мы-то думали, что посадили эту девчонку в га-лошу.

— Осел! — сказал мне Мирвали и выбежал из класса.

— Ты сам осел! — крикнул я вслед, хотя знал, что неважно у меня вышло.

Но кто мог запомнить, что вместе с платком и тряпка лежит в кармане!

Мирвали я догнал у дома.

— Подожди же! Ну, виноват я, забыл! Что же теперь делать?

Мирвали остановился.

— Стенную газету видел?

— Нет.— У меня екнуло сердце и покатилося вниз, а потом подскочило, словно мячик, который ударился об пол.— А что?

— Да изобразили нас...

— Это ее рук дело! — вскрикнул я. — Этой... этой выскочки! Я ей покажу еще...

— А что ты сделаешь?

— Сам знаю, — сказал я. — Побью, да так побью...

— Не побьешь, — уверенно проговорил Мирвали. — Я тоже вначале так думал. И не смог. Она так глянула в глаза, что ноги ослабели.

Я промолчал. Потому что знал: Мирвали прав.

— А что там написано? — спросил я потом. — И карикатура есть?

— А как же! — Мирвали снял сумку и повесил на другое плечо. — Мы с тобой лежим на парте. Ниже — объявление: «У кого есть дед или бабушка, пусть они придут помогать Мирвали и Батыру. Бедняжки очень нуждаются в помощи престарелых людей».

Помолчав, Мирвали добавил:

— Если бы ты согласился, этого могло не быть.

Я вздохнул. Правильно, не надо было отговаривать Мирвали.

— Как приехала — всех переполошила, — продолжал Мирвали обиженно. — Захожу вчера к Сали, в мячик поиграть. А он: «Не могу, говорит, надо задание Максуды выполнять».

— Это Сали-то, курносый Сали?

— Ну да.

— Большая бы беда случилась, если б этот «мужчина» не стал тимуровцем.

— Я тоже говорю! — засмеялся Мирвали. — Максуда всех прибрала к рукам. Знаешь, как она недавно хвасталась? «Я, говорит, когда в своей школе училась, девяностошестилетнюю тетушку Рузван грамоте обучила». Ты веришь в такую басню?

— Она просто хвасталась, чтобы командиром тимуровской команды стать. И стала ведь. И никто не хотел слушать меня, хотя я говорил, что Тимур не был девочкой. А ты, Мирвали, зря тогда сказал, что у нас нет времени на всякие пустяки, и если нужно, так пусть пенсионеры сами нам помогают. Вот они и обрадовались! Не знали, наверное, что написать в своей газете.

— Я это сказал потому, что тебя никто не слушал. И потом, мы бы все равно не пошли в эту команду, где командиром девочка.

— да они и не просили. Хотели сказать, что мы все равно ничего не умеем. Нам вообще-то надо было показать, на что мы способны.

— Правильно. Давай сами команду составим,— сказал я.— Командиром могу быть я.

— Ты? — Мирвали остановился, снял сумку и повесил на другое плечо.— Нет, ты не подойдешь. У тебя нет на это способностей. Командир все должен знать, а ты ничего не знаешь.

— Врешь!

— Не ори. Чего орешь? Скажи лучше, хоть одну пуговицу пришивал своими руками или, скажем, сумеешь нарезать моркови для плова?

— А ты, ты сам?

— Что я сам, что я!..— Мирвали хотел снять с плеча сумку, но она шлепнулась на землю, в пыль. Он нагнулся и почему-то очень долго поднимал ее. И, выпрямляясь, проговорил: — Верно, мы оба ничего не умеем делать. Как говорит мой папа, мы — ветки одного и того же дерева. Поэтому давай сделаем так: один день ты будешь командиром, один день я, без обиды.

— Вот теперь дело говоришь! — обрадовался я.— Вот что я придумал: надо найти подходящую старую женщину. Что вообще старухи могут делать, а что не могут? Приготовить себе обед, пришить пуговицу они, конечно, могут. А колоть дрова, выковырять пенек они могут?

— Куда там! Ты здорово придумал! Батыр, для них это мы будем делать! — Мирвали высоко подкинул сумку и поймал ее на лету.— Дай пять.

Мы крепко пожали друг другу руки и начали размышлять: где бы найти подходящего старого человека? Такого в нашей и в соседней махалле не было. А какие есть, ого-о, те еще тебя самого научат, как дрова колоть.

Все же мы отыскивали двух старух, но у них внучек, правнучек да невесток — человек десять. Вы думаете, они дают своим бабкам делать что-нибудь по хозяйству?! Как бы не так!

Нам и тут не повезло.

По улице прогромыхал груженный углем самосвал и остановился у зеленой калитки. Из кабины вышел шофер в надвинутой на самые брови кепке и мама

Мирвали. Она толкнулась в калитку и потом кликнула сына. Я взял ключи, оставленные Мирвали, и вышел на улицу. Самосвал уже высыпал уголь, а мать Мирвали все стучала кулаком в дверь. Я отдал ей ключи, и в это время у порога показался Мирвали. Мама посмотрела на него и ушла в дом. Мирвали подошел ко мне. Он тяжело дышал — видно, ему пришлось бежать всю дорогу.

— Мама когда вернулась? Сейчас? Отлично.— Мирвали взглянул в приоткрытую калитку.— Батыр, я разыскал одну старуху. Пойду отпрошусь у мамы, потом побежим к ней. Скажу: «В школу надо». А ты подожди.

Не успел он войти, как во дворе послышался голос его мамы:

— Я очень устала, сынок. Целый день на ногах. Помог бы хоть уголь перетаскать...

— Бу-бу-бу-бу...— что-то ответил Мирвали.

Он, наверное, отказывался, говорил, что в школу обязательно надо.

— Иди, иди, ради бога! Когда наконец ты будешь полезным дома?

— Пошли! — тут же выбежал Мирвали.

— А это? — Я с сомнением посмотрел на Мирвали и на черную кучу угля.

— Э, странный ты человек, Батыр! Убежит, что ли, этот уголь? Вернусь — тогда и помогу.

Мирвали остановился недалеко от базара.

— Подождем здесь, — сказал он, присаживаясь на полуобвалившуюся супу.— Эта старуха — то, что нам надо. Такую трудно нынче найти. Два часа носился по базару, осматривая каждую женщину. И хотя бы одна из них была с клюкой! Два часа потерял и ни с чем ушел с базара. Только подошел к остановке, а из троллейбуса выходит старушка. Спина согнута, обеими руками опирается на свой посох, стекла очков толстые-претолстые. И сама еле ноги волочит. Но почему, думаю, пришел я без Батыра? Сейчас все было бы отлично. Все же подбежал к ней и помог перейти через дорогу. Старуха поблагодарила и пошла на базар. А я побежал за тобой.

Я думал, Мирвали привирает. Но оказалось, все правда. Она даже была старше, чем описал Мирвали, и на глазах ее были не одни очки, а сразу двое. Она остановилась перевести дух и, увидев Мирвали, при-

ветливо улыбнулась. Мирвали подскочил к ней, взял под руку и подвел к супе.

— Садитесь, бабушка, отдохните немного.

— Спасибо, сынок, и верно — не мешает посидеть немного. Да и куда торопиться! — Старуха села, все еще обеими руками опираясь на палку. — А кто этот мальчик, твой друг? Да продлится ваша жизнь, дети мои. А твой товарищ похож на тебя. Вы кого-нибудь ждете?

— Да, мы вас ждали, бабушка.

— Меня? А чего меня ждать-то, дети мои?

Мирвали подмигнул мне, чтобы я объяснил.

— Вам не надо дров наколоть? — выпалил я, не зная, что говорить.

— Мы можем и крышу обмазать, если она протекает у вас.

— Ни дров, у меня, голубчики, ни глиняной крыши нет. — Старуха поочередно посмотрела на нас и улыбнулась. — Государство дало мне такой дом, внутри которого все есть. Не нужно стало ни дров, ни воды таскать, ни крышу мазать. Хорошие очень, оказывается, бывают квартиры такие. А про соседей и не говори — все такие милые, сердечные люди. Они говорят мне: «Вы не подумайте, что вы одиноки. Все женщины, которые здесь живут, — это ваши дочери, и мужчины — сыновья». А я смеюсь от радости: ведь не всякая счастливая мать имеет столько детей.

Старуха, оказывается, любила поговорить, и мне показалось, конца ее разговору не будет. Я взглянул на Мирвали: он слушал ее с раскрытым ртом. А мне скучно стало. Тоже мне, нашел старуху. Узнай, спроси и, если человек нуждается в помощи, тогда уж поднимай шум! Чего же зря трезвонить!

Я толкнул его в бок.

— Бабуся, — сказал Мирвали, когда старушка умолкла, чтобы перевести дух, — мы ищем старушку...

— Э, сынок, мало ли на свете старух?

— Да я говорю не про обыкновенных старух. Нам нужна одинокая старушка, и чтобы она нуждалась в помощи.

— Ой, не говори таких неприятных вещей, сынок, — такие старухи встречались, когда я еще девчонкой была.

— Нет, бабушка, вы не поняли. Мы тимуровцы, и нам поэтому нужна именно одинокая старушка.

— Ах, голубчики, что же вы этого раньше не сказали? — Старуха похлопала меня по плечу. — От покойной матери — мир ее праху — остался у меня медный кувшин. Как-то уронила я его, и с тех пор протекает. Поведу я вас домой, отремонтируете.

— Бабушка, мы не темирчи, а тимурчи¹, тимуровцы. Тимуровцы — это... Батыр, объясни-ка...

Я битый час пытался втолковать старушке, кто такие тимуровцы и что они должны делать. Старуха будто бы поняла.

— Да, да, я знаю, что это такое. Вы такие же, как дочь нашего соседа... Она тоже... это самое, как там?

— Тимурчи, — буркнул Мирвали недовольно.

— Да, да, темирчи, — повторила старуха, опять называя тимуровца жестянщиком. — Каждый день после школы прибегала она ко мне, голубка моя. Целых три года не давала дотронуться до холодной воды. А однажды прибежала и говорит, будет учить меня книжки читать. Я отказываюсь. «Да что ты, доченька, говорю, позора не оберешься на старости лет-то!» Но нет, добилась своего, упрямыца. Научилась я книжки читать всякие, только тогда она успокоилась. Переехала теперь на другую улицу и все равно не забывает, часто прибегает, и всякий раз...

— Пошли, — толкнул меня Мирвали. — Все ясно. Похоже, эта старуха — тетушка Рузван. Бежим, пока она не запомнила нас. Передаст еще Максуде...

Мы кое-как довели старуху до троллейбуса и кинулись прочь.

— Зря день прошел, — сказал я с сожалением. — Лучше бы уголь перетаскали.

— Верно, — оживился Мирвали. — Мама здорово обрадуется. Бежим?

— Побежали.

Горы угля у калитки не было. Мы посмотрели друг на друга и вошли во двор.

Под краном мылись Максуда и курносый Сали, черные от угольной пыли...

¹ Игра слов: темирчи — жестянщик, тимурчи — тимуровец.

Удар века

Я вам по секрету скажу: есть у меня любимое местечко в конце сада. Там, где торчит широкий, как тахта, пенёк от упавшей некогда чинары. Пенёк что надо! На нем даже спать можно, ног не поджимая. А можно и в настольный теннис играть...

Я там читать люблю. Светло и тихо. Только птицы в ветвях бранятся.

Вот и в тот день отправился я к своему закадычному другу пню — дочитывать книжку про Робинзона. Но не тут-то было. Откуда ни возьмись — Мирвали. Свесился с дувала и говорит:

— Батыр, пойдем поиграем.

Я надул губы. Вот человек — никогда почитать не даст.

Усевшись на дувал, как на коня, Мирвали не унимался:

— Ну что ты в своей книжке забыл? Пойдем, а?..

Характер у Мирвали стальной. А терпение — и вовсе из космических сплавов. Если начнет упрашивать, лучше сразу сдавайся. От него и с шапкой-невидимкой не скроешься. Зайдешь в дом — он за тобой, выйдешь на улицу, он тут как тут. Короче, не отстанет, пока не уступишь — лишь бы отвязался.

Я поднялся, с сожалением захлопывая Робинзона. Мирвали радостно воскликнул:

— Давай, выходи скорее на улицу, а я сбегая за

мячом.— И он, прыгнув с дувала, припустился до- мой...

Я хотел было выйти со двора на улицу, но заметил, что у калитки моя мама разговаривает с соседской девчонкой — Мунирой. Мама со вздохом говорила:

— Ах, доченька, что ж ты мне сразу не сказала, что твоей маме захотелось мошкичири? Нельзя быть такой застенчивой. Тем более, что мама твоя больна. Дам все, что тебе надо... Ну-ка, пойдем со мной...

Мама пошла с Мунирой на кухню и я, незамеченный ими, выскочил на улицу, где меня уже ждал с мячом Турды. Вскоре из нашей калитки, прижимая что-то к груди, выскользнула и Мунира...

Позабыв обо всем на свете, мы принялись играть с мячом, выделявая с ним разные занятные штуки.

Сначала решили посостязаться — кто пошлет мяч повыше. Не турнир, а одно расстройство. Не посадишь ведь судью на облако, чтобы он оттуда честно определял победителя. А сам мяч, как известно, в воздухе следа не оставляет.

Вот и начали спорить:

— Я!.. Я!..

Чуть не охрипли. Наконец Мирвали с досадой поддал мяч левой. Это его «смертельный номер». Мяч пушечным ядром умчался через тополя, через дувал во двор Муниры. Только этого не хватало. Спрячет сейчас злюка Мунирка мяч — вот потом хоть с булыжником в футбол играй...

Мирвали отворил калитку Муниры и удивленно застыл на месте. Затем он начал хихикать, знаками призывая меня приблизиться. Заинтригованный, я глянул через плечо Мирвали — что он там увидел смешного?.. Мунира спиной к нам стояла у очага.

— Гляди, — шепнул Мирвали, с трудом сдерживая смех. — Точное попадание! Удар века! Так и Пеле не смог бы.

Наверное, Мирвали был прав. Потому что наш мяч сейчас плескался, как утка, в котле перед потрясенной Мунирой. Тут уж не выдержал и я. Потирая слезящиеся от беззвучного хохота глаза, мы, пятясь, выбрались на улицу и уже здесь дали волю овладевшему нами веселью.

Но тут вдруг из-за дувала вылетел мяч и подкатился к нашим ногам. Ого! Неужели она догадалась,

чьих ног это дело?.. Мы решили, что надо бы еще разок поглядеть, что делает Мунира. И мы вновь юркнули во двор. Мунира вычерпывала кружкой содержимое котла и сливала все в ведро. Мне даже показалось, что она плачет. Подняв ведро, Мунира пошла в нашу сторону, и мы дали стрекача, чтобы уже на улице вновь дать волю своим восторгам по случаю удара века.

— Здорово получилось! — ликовал Мирвали. — Как думаешь, она нас не увидела?

— Нет, конечно.

— Блеск! Вот увидишь, она всю ночь будет гадать, как в котел угодил мяч. Еще чего доброго, решит, что он с неба упал!

Мирвали, похоже, разошелся не на шутку. Фантазия бурлила в нем попеременно с ликованием. И чтобы хоть малость остудить друга, я заметил с усмешкой:

— Не беспокойся, она все поняла.

— Не может быть! — огорченно возразил Мирвали. — С чего ты взял?

— А скажи: почему она бросила мяч сюда, к нам?

— Да просто так, механически! — махнул рукой Мирвали. Не придумывай. Она просто не знала, куда его деть. Разозлилась на него — вот и швырнула. А что там у нее в этот момент попевало?.. Плов?.. Шурпа?..

И тут я почувствовал, как внутри меня все холодеет. Я вспомнил вдруг разговор Муниры с моей матерью, услышанный мною украдкой. Погоди... Мунира, кажется, говорила, что мама больна и что она просила приготовить ей мошкичири... Что же это? Выходит, мы угодили мячом в это самое мошкичири?..

Увидев мое огорченное лицо, Мирвали мигом прогнал веселость.

— Знаешь... Знаешь, что мы натворили?.. — голос у меня дрогнул. — У нее ведь мама в больнице... Она ей обед готовила... Мошкичири...

— Я же... Я же... не нарочно, — заморгал Мирвали. — Увлёкся игрой... Вот и врезал по мячу не той ногой.

— Не той! — передразнил я его. — Надо было хотя бы «той» головой думать — тогда бы ничего не случилось. А теперь из-за тебя Мунирке нечего будет

матери понести. Видел, как она все в ведро сливала. По твоей, между прочим, милости. Это ведь ты ее мошкичири, вместо катыка, грязным мячом заправил. «Удар века!» — передразнил я его снова.

— А знаешь, когда болеешь, всегда хочется чего-нибудь особенного. Вот когда я болел этой зимой, так, помню, мне ужас как хотелось черешни. Все время о ней думал. Даже внушил себе: вот отведаю черешни — и сразу болезнь убежит. Наверное, вот так же и мама Муниры про себя загадала. А ты... мячом... — я посмотрел в глаза Мирвали с нескрываемым осуждением.

Мирвали опустил глаза, делая вид, что наблюдает за муравьями, ползавшими под его ногами. Затем вздохнул.

— Нехорошо как-то получилось у нас. Надо что-нибудь придумать. А что, если попросить твою или мою маму сварить мошкичири? Отнесем касу Мунире — и все будет хорошо. Так ведь?

Предложение мне понравилось. Я хлопнул друга по плечу:

— Мунирка будет рада.

— А что — идея! — обрадовался Мирвали. — Тогда не будем терять времени. Давай по домам...

Когда я заглянул на кухню, мама опускала в котел рис.

— Мама, а что ты сегодня готовишь? — полюбопытствовал я с самым невинным видом.

— Плов, сынок! — улыбнулась мать, — Твой любимый плов!

— Ну вот! — скривился я. — Каждый день плов.

Мама изумленно уставилась на меня, едва не выронив от удивления шумовку из рук. Было от чего удивляться: мама знала, что за плов я всегда готов пообещать принести на завтра хотя бы одну четверку.

— Лучше бы ты сварила мошкичири, — пробурчал я.

Мама с упреком взглянула на меня.

— Что за новости! Я ведь сегодня раз десять тебя спрашивала, что приготовить. Сам ведь говорил, что хочешь плов. Или... Или четверку раздумал завтра получать?.. Так и быть — будет тебе мошкичири. Но только завтра.

Из кухни я вышел расстроенным. Правда, осталась надежда, что Мирвали окажется удачливее.

И, прихватив Робинзона, я отправился к заветному пню. Но, похоже, Мирвали задался целью не дать мне прочесть за день и страницы. Едва я успел отыскать место, с которого собирался читать дальше, как пришел понурый Мирвали. Я сразу же понял, что и ему не улыбнулась удача.

— Ничего не вышло, — вздохнул он, подсаживаясь ко мне. — Мама раскатывает тесто для манты. Ума не приложу, что теперь нам делать.

— Зато ты хорошо знал, как приложить к мячу ногу! — поддел я его. — Думай, Пеле, думай!

— А что тут придумаешь, — развел руками Мирвали. — Только самим и осталось к котлу стать.

— А что, это идея! — загорелся я. — Молодец!

Мирвали округлил глаза:

— Ты что, серьезно?

— Еще бы! Тут уже не до шуток. Давай сами сварим!

— А мясо?.. Рис?.. Маш?..

— Дома возьмем, — успокоил я его и мы, не мешкая, вновь отправились по домам добывать все, что нужно для мошкичири.

Мама во дворе закладывала в самовар щепки. Скользнув на кухню, я отхватил ножом от мяса кусок, а заодно прихватил и стакан риса. Завернув все это в газету, я побежал в сад. Мирвали был уже здесь. Добыча его была скромнее. Но зато он принес маш! А это самое главное в нашей затее. Мошкичири без маша — это как футбол без мяча.

Но тут мы обнаружили, что калитка во двор Муниры заперта.

— Перелезем через забор! — предложил я. Ведь мы же не собираемся украсть у Мунирки котел. И потом, знаешь, очень хорошо, что ее нет. Наверное, на базар пошла — снова все закупать. Придет — а у нас все уже готово. Здорово ведь, правда?..

Приставив к дувалу лестницу, мы живо перелезли во двор Муниры.

Подбежал к очагу Мирвали, открыл крышку.

— Так и есть — пусто. Все вылила, — вздохнул он. Я не отказал себе в удовольствии откомментировать.

— С твоей подачи! — сказал я.

Мирвали принялся своим перочинным ножом чистить лук. Сразу же защипало в глазах.

— Чего стоишь! — проворчал Мирвали. — Дрова наруби. Вон топор. — Взяв топор, я быстро раскрошил здоровенное полено. Мы разожгли огонь и, налив воды, нагрели ее, чтобы первым делом хорошенько вымыть котел. Но вот ведь какая напасть: мы нигде не могли отыскать салфетки, а из дома, конечно же, захватить их не догадались.

— Еще девочка называется, — проворчал Мирвали. — Стыдно! Какая же она девочка, если у нее нет для котла салфетки.

— А давай протрем котел просто бумагой, — предложил я. — У меня и газета есть с собой.

— Не выдумывай! — отрезал Мирвали. — Кто же газетой котел вытирает? Забыл, что ли, как мы на экскурсию в типографию ходили. Газета — это краски, свинец, и вообще всякие такие вещи, которые большой маме Муниры и вовсе ни к чему...

С этими словами он решительно стянул с головы тюбетейку.

— Эх, была не была! Придется ее в дело пустить. Ты не думай, она новенькая...

Мне понравилась решительность Мирвали, но тюбетейку его я все равно отложил. И вскоре отыскал на веранде тряпку...

Первым делом мы плеснули в котел масла.

— Следи хорошенько! — предупредил Мирвали. — Как только оно начнет дымиться — опустишь в него все это, — он указал на очищенные и нарезанные продукты.

— А что класть сначала — лук или мясо? — любопытствовал я.

— Даже этого ты не знаешь, — хмыкнул Мирвали. — Если хочешь знать, можно вначале опустить лук, а потом мясо. А можно и наоборот. Но лучше опускать все одновременно.

И я стал ждать терпеливо, когда повалит из котла дым.

Но в это время открылась калитка и появилась Мунира с авоськой в руке. Мы с Мирвали застыли, будто нас собираются фотографировать для школьной Доски почета.

— Что вы здесь делаете? — удивилась Мунира и подошла к котлу. Он уже солидно дымил. Ах, как хотелось мне, чтобы из дыма возник добрый джинн и перенес нас с Мирвали куда-нибудь отсюда.

— Мы... мы готовим еду,— промямлил Мирвали.— Ты не думай, мы умеем. Твоя мама будет довольна. И не обижайся, пожалуйста, за то мошкичири, что мы испортили своим мячом.

— Что за шутки? — отпрянула Мунира.— Какое мошкичири? Я еще ничего не готовила. Сами видите — только с базара пришла, продукты принесла.

— А что же тогда вылила в ведро? — недоверчиво спросил я.

— Как это что? Воду, конечно. Я котел мыла, когда ваш мяч сюда прилетел.

Вот так история! Выходит, зря мы все это затеяли?..

Мои мысли прервал торопливый голосок Муниры:

— Эй, Батыр, чего смотришь, опускай скорее мясо — масло ведь горит!

И я с размаху плюхнул в котел лук и мясо. Котел сердито заворчал, забулькал, зашипел, словно и он досадовал на нашу с Мирвали бестолковость.

А Мунира, озорно потрянув косичками, сказала:

— Вот не думала, что мальчишки тоже готовить умеют.

— Это почему еще — тоже? — обиделся Мирвали.

— А потому что вам бы только мяч гонять целыми днями,— объяснила Мунира.— Вы же его ко мне в котел, как в баскетбольную корзину, положили.

— Это его работа,— кивнул я на Мирвали, чтобы не отнимать у него славу.— Удар века.

Мирвали отнекивался.

— Какой там удар века. Так себе... Шлепок какой-то...

И заторопился, выхватывая у меня шумовку.

— Что-то мы тут с вами заболтались! Сейчас все подгорит. Дай-ка сюда эту штуку! От тебя, вижу, у котла, и точно, проку мало.

И он принялся неистово перемешивать лук и мясо. Котел разом присмирел, сбавил гнев на полтона и принялся терпеливо варить мошкичири.

В больницу мы пошли втроем. Мирвали никому из нас не доверил нести касу с горячей мошкичири, завернутую в полотенце. Он торжественно нес кошелку и все торопил нас с Мунирой.

— Скорее давайте, скорее! Остынет ведь — неужели не понятно?..

О ч к а р и к

Солнце светит ярко. Светит, но совсем не греет. Осень, ничего не скажешь...

Я сижу на плоском камне у нашей калитки. Он давно здесь лежит. Папа говорил, что меня еще на свете не было, когда камень лежал здесь.

Я люблю сидеть на этом камне. Летом к нему не притронешься — до того горячий, а сейчас он чуть теплый. Ничего не скажешь, осень...

Листья на яблонях и урючихах желтые, как лимоны. Они срываются и, шелестя, падают на землю. Если проедет машина, они будто оживают и кидаются ей вдогонку.

Высоко в небе, каркая как оглашенные, летают вороны. Они кружатся над орешинной, которая растет в соседнем дворе. Хозяева не все орехи сняли, оставили немного и воронам — вот они и пируют.

А хозяева эти, высокий мужчина и маленькая светловолосая женщина, почти и не жили здесь. В доме осталась старуха. Мирвали говорит, что это мать высокого мужчины. А мужчина с женой будто бы уехали в командировку.

— Они, кажется, геологи, — сказал он, — с рюкзаками за плечами ходят по горам, пустыням и тайге, ищут нефть и всякие металлы.

Интересная у них, этих геологов, жизнь. Любой

может позавидовать. Вот бы нам с Мирвали стать геологами! Уж мы-то нашли бы все, что полагается...

— Эй, Батыр!

Это, конечно, Мирвали. Его голос можно и во сне узнать. Я нехотя обернулся. Мирвали стоял, наполовину высунувшись из своей калитки, и знаками подзывал меня.

— Чего тебе? — крикнул я с места.

Все-таки хорошо сидеть на этом камне, который немного старше тебя и который чуть-чуть нагрелся от солнца. Вставать не хотелось.

Мирвали делал какие-то знаки и ухмылялся.

— Иди быстрее, иди... Хочешь посмотреть цирк? Там настоящий цирк!

Он схватился за живот и скорчился от смеха.

— Где цирк? Какой цирк?

— Иди, сам увидишь...

Мирвали продолжая дергаться от смеха, как заведенная игрушка. Я подождал немного, пока не успокоится.

— Показывай давай, чего же ты...

— Идем, сейчас увидишь.

Мы вошли во двор.

— Подожди, — бросил мне Мирвали и забежал в сарай.

Оттуда он вышел с лестницей, под тяжестью которой согнулся пополам. Мирвали натужно сопел и кряхтел, но дотащил лестницу до дувала, приставил ее и с таинственным видом полез вверх. Я с удивлением наблюдал за ним.

Мирвали уселся на дувале, лихо сдвинул набок тубэтейку.

— Эй, девица-красавица! — заорал он, перегнувшись в соседний двор и гримасничая. — Красавица, как вас зовут?

Ну, это уж слишком! Мирвали решил подшутить надо мной, только из этого ничего не выйдет. Я-то знаю, что геолог с женой уехали, и дома осталась одна старуха, и никакой «красавицы» там нет. Конечно же, Мирвали решил просто разыграть меня. Ну и пусть ломается.

— Глянь на меня, красавица, и за один твой взгляд я подарю тебе целую охапку усьмы, чтобы ты брови себе наусьмила!

Мирвали отколушнул от дувала кусочек сухой

глины и кинул в соседний двор. Довольно хихикнул. Мне почудилось, что за стеной кто-то ходит. Я прислушался. Кто-то и впрямь тоненьким голоском крикнул Мирвали:

— Перестань сейчас же!

Мирвали обернулся ко мне и лихо подмигнул. Вот, мол, видишь, все правда, а ты не верил.

Теперь я с еще большим удивлением посмотрел на него. Это верно, что Мирвали терпеть не мог девчонок, но откуда взялась девочка в соседнем дворе?

— Батыр, да поднимись ты поскорее, полюбуйся на нее, стройную, как тополь, и красивую, как луна!

Я бы давно взлетел на дувал, если бы не боялся подвоха. От Мирвали всякого можно ожидать. Я не спеша поднялся по лестнице. Глянул во двор и от разочарования чуть не скатился вниз. Никакой девочки там не было. И цирка тоже не было. Просто там у кучи мусора возился какой-то мальчишка.

— С кем ты разговаривал, Мирвали? — удивился я. — И кого ты хотел мне показать?

— Да вот эту девочку, кого же еще, — сказал Мирвали и опять кинул кусок глины в мальчика. — Ты только полюбуйся, как ловко подметает!

Мальчик даже не глянул в нашу сторону, будто нас и не было. А Мирвали продолжал подмигивать и кривляться.

Мальчик притащил ведро и высыпал в него сор.

У меня пропал всякий интерес. Я уже хотел спуститься, когда мальчик прислонил веник к дереву и медленно, будто нехотя, направился к дувалу. Он был очень худой и оттого казался длиннее, чем на самом деле. И еще на тонкий нос его были насажены круглые, в железной оправе очки.

Он подошел совсем близко к дувалу и долго разглядывал нас большими и очень грустными глазами.

Мне отчего-то стало не по себе.

— Ну, чего уставился, людей не видал, что ли! — крикнул хриплым голосом Мирвали.

Мальчик как-то изменился, стал будто меньше.

— Не видал, — тихо ответил он, — таких не видал.

Помолчал, потом обиженно спросил:

— Почему вы меня дразните? Я ведь вам не мешаю.

Мы не ответили.

— Если нужно, вы можете прийти ко мне в лю-

бое время,— сказал мальчик в очках,— а через стенку к чужим подглядывают только враги.

Мирвали так и подскочил на месте.

— Чего сказал! Это я-то враг?

Мальчик посмотрел на него и замигал глазами.

— Я тебе сейчас покажу, очкарик! — взвыл Мирвали. — Это меня-то ты назвал врагом?

Мирвали иногда взрывается как порох, только он не любит драться. Любит, когда его успокаивают.

Я поймал его за рукав.

— Да брось ты! — сказал я.

— Не слышишь, врагом меня обозвал!

— С чего это ты взял? Не обзывал он тебя. Он просто к примеру сказал.

— Если бы ты не удержал, я бы ему показал,— мрачно заявил Мирвали и спустился вниз.

Мы отнесли лестницу на место.

— Кто это такой? — спросил я просто так. А вообще-то я догадывался, что очкарик — сын геолога.

— А! — сплюнул сквозь зубы Мирвали. — Я его и знать не хочу, девчонку эту. Позавчера он посуду мыл, вчера картошку чистил, а сегодня — ты сам видел — двор подметает. Как полезу на айву, так всегда вижу — девчачьими делами занимается.

Мирвали опять презрительно сплюнул.

— Ладно,— сказал я.— Пойдем лучше на улицу, погреемся на солнышке. Говорят, осеннее солнце полезно человеку.

— Ха! — усмехнулся Мирвали.

— Не фыркай,— сказал я.— Мы там подождем моего папу. Он должен на обед приехать.

— А, вот это дело!! Может, он нас покатает?

— Может быть.

Мой папа шофер. Иногда он приезжает домой обедать. А пока папа ест, мы сидим в кабине, где пахнет бензином и особым, машинным запахом. Крутим баранку по очереди.

Если папа не спешит, тогда он подвозит нас до универсама, а оттуда мы возвращаемся пешком.

Мы сидим на плоском камне вдвоем, смотрим, как дерутся вороны, и ждем папу. Если одна ворона роняет свой орех, другая на лету подхватывает его клювом и кидается прочь. А та, что осталась без ореха, дразнится от злости:

«Карр, ка-арр-р! Карр!»

Мы смеемся. «Кар» по-узбекски значит «глухой». Разве глухие вороны бывают?

Мимо нас проходит очкарик. Его босоножки мягко ступают по желтым листьям, усыпавшим дорогу. Мирвали отворачивается, лениво говорит мне, кивая на разгалдевших ворон:

— Эх они разорались!

Папа все не едет. Солнце отодвинулось и спряталось за урючинами и яблонями, и вороны притихли, будто надоело им драться.

— Послушай,— говорит Мирвали, поерзав на месте,— пойдём к универмагу: ведь твой папа всегда едет мимо универмага. Мы остановим его, и он доведет нас до дома.

— Пошли, все равно уже солнца нет,— отвечаю я. ...Мы сразу все увидели.

Папина машина стояла за углом универмага, у будочки, где написано «Табак». И папа, стоя у круглого окошка, с кем-то разговаривал.

Мы увидели, как вдруг машина тронулась с места, как из кабины выскочили мальчишки и бросились врассыпную. А машина, глухо урча, прямо направилась к канаве, где возились водопроводчики.

Они работали, сидя на корточках, и не замечали, как тяжелая машина надвигалась на них. Еще десять шагов — и грузовик врежется в канаву, наедет на водопроводчиков.

Я хочу закричать, но не могу — оцепенел от ужаса. И тут из универмага кто-то выскакивает, прыгает в кабину. Машина резко останавливается, скрипнув тормозами. Водопроводчики удивленно поднимают головы. Они только теперь поняли, какая им грозила опасность.

Папа бросается к машине. Но тот, кто остановил машину, уже вышел из кабины и исчез в толпе, которая собиралась вокруг. Папа ищет его глазами, но не находит. Потом что-то объясняет милиционеру и уезжает.

Когда я пришел домой, папа сидел за обедом. Мама стояла напротив, скрестив руки.

— Я только папиросы хотел купить,— рассказывает папа взволнованно,— и поэтому не выключил мотора. Если бы не этот мальчишка, который выскочил из универмага...

— Ай! — испуганно вскрикнула мама и бессильно

но опустилась на стул.— Он опрокинулся вместе с машиной?!

Папа вскочил, подал ей воды.

— Успокойся, пожалуйста,— сказал он.— Я же тебе объяснил, что все обошлось благополучно. Вот этот-то парнишка, он примерно одного возраста с нашим Батыром, и остановил машину. Ручной и ножной тормоза привел в действие, постреленок, да сделал это так, будто он шофер первого класса!

Папа отхлебнул воды, потому что сам тоже разволновался.

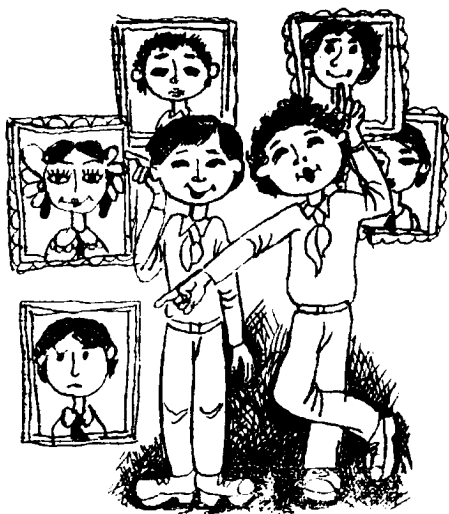
— Слава богу, все обошлось,— вздохнула мама.— А чей это мальчик? Откуда он?

Папа помолчал, пожал плечами.

— Не знаю, остановил машину, соскочил и исчез. Я даже лицо его не запомнил, боюсь, встречу — не узнаю.

Я опустил голову, повернулся и вышел. Я знал, кто был этот мальчик. Я видел его, и Мирвали тоже видел.

Это был очкарик, наш новый сосед.

Кто будет старостой?

Отпуская нас в субботу с уроков, Малика Азизовна сказала:

— В понедельник выберем классного старосту. Подумайте дома над кандидатурами.

Старосту выбирать — не бога. Обычное дело. Все спокойно и скучно отправились по домам.

Отчего же я так взволновался? Как только сказала Малика Азизовна про старосту, в меня впрыгнул маленький чертик, стал вертеться внутри, крутить хвостиком, щекотать меня, хихикать и что-то нашептывать мне на ухо.

А где Мирвали? Куда он так быстро смотался? Вот друг!..

Я пришел домой, пообедал, сел было за уроки, но чертик плясал внутри меня, и я выскочил во двор. Как заведенный, я дал два круга по двору, вылетел на улицу и оказался возле дома Мирвали.

— Кто там ломится? — раздался сонный голос.

И увидел заспанного Мирвали.

— Это я! — закричал я. — Открывай!

— Дрыхнешь? — сказал я. — Удрал из школы и отлеживаешься!

— А в чем дело?

— Дело в том, что беда,— сказал я.

Мирвали окончательно проснулся.

— Какая беда? С кем?

— С тобой и со мной. Разве ты не слышал, что в понедельник выборы?

— Ф-фу! А нам какое дело?

— А если и в этот раз изберут Зухру?

Мирвали растерянно моргнул, покраснел и начал потеть. Сначала мелкие капельки пота выступили на лбу, потом на подбородке...

— Не может быть! Не на всю же жизнь ее выбрали...

Три года Зухра была старостой нашего класса. Помучила нас! Писала о нас в стенгазету, критиковала на сборах, торчала дома то у Мирвали, то у меня. Одно время наладилась по утрам проверять чистоту тетрадок и рук...

Иногда мне хотелось взорвать ее динамитом, эту Зухру.

— Жизнь положу — не будет она больше старостой! — сказал я.

— Раз так, то я спокойно пойду досыпать.

— Нет, стой! — я вцепился в Мирвали. — Надо подумать, кто будет старостой. Салим? Мунира? Равшан?

— Какая разница кто, лишь бы не Зухра! Не все равно?

— Не все равно,— сказал я. — Не знаю, как ты, а я за лето поумнел. Я хочу наладить отношения с будущим старостой.

После недолгого размышления Мирвали согласился со мной.

Мы пошли к Салиму.

Он был занят делом — оборачивал висящие над двором кисти винограда бумажными колпаками.

— Ну-ка, Салим, тащи больше бумаги! — сказал я, засучивая рукава. — Мы с Мирвали поможем.

Салим открыл рот, да так широко, что свободно мог проглотить большую виноградную кисть. Но тут же, опомнившись, захлопнул рот и притащил кипу старых газет.

— Я буду резать газеты,— поспешно сказал Мирвали. — Где ножницы?

— А я буду отмечать, где тебе резать,— сказал я. — Салим, давай линейку.

Салим хотел что-то возразить, но потом поскуучнел и поплелся в дом за ножницами и линейкой.

— Крохобор, оказывается, наш Салим,— заметил Мирвали, сорвав здоровенную кисть.— Жадина! Прячет от несчастных воробышков виноград.

— Такому и помогать не хочется,— поддержал я друга, отнимая у него половину кисти и раскатывая рукава.— Ну его к черту, пошли отсюда.

На улице я задумался: куда сейчас — к Мунире, к Равшану?

Мирвали передернуло.

— Куда хочешь!.. А я — спать.

— Прекрасно! — сказал я.— Конечно, отдохни, бедняга, после такой богатырской работы.

Мирвали махнул на меня и ушел. А я отправился к Мунире.

У нее мать в больнице, отец возвращается с работы поздно. Мунира хозяйничает одна, да еще ухаживает за тремя (или четырьмя?) братишками и сестренками.

Как подумаю — а если бы на меня свалилось такое счастье? — волосы дыбом встают.

Я ожидал, что во дворе меня встретит плач малышей, гора мусора, еще какое-нибудь безобразие. Нет, тихо, чисто — дом отличницы.

Мунира сидела на сури под виноградником, читала малышам книгу.

— Привет! — сказал я.

Она едва не выронила книгу.

— У тебя ко мне дело?

— Никогда не слоняюсь по улицам просто так,— сказал я независимо.— Дети у тебя накормлены? Или голодные?

Она засмеялась.

— Говори честно: зачем пришел? За тетрадкой по математике?

— На что мне твоя тетрадка? У меня своя голова есть, неплохая.— Я для убедительности постучал по своей голове. Получилось звонко и наверное смешно, потому что Мунира расхохоталась. И малыши ее стали заливаться.— Я пришел помочь тебе.

— Вот и хорошо! — сказала Мунира и встала.— Нашей соседке тете Малике нужно нарубить дрова. Пойдем покажу.

— Соседке? — сказал я с сомнением. — Она что, инвалид?

— Нет, просто старенькая. Как раз ее дома нет, а приедет — вот обрадуется.

— Ладно, — сказал я и решительно засучил рукава. — Идем.

Через сад мы прошли в соседский двор. Посреди двора торчал огромный пень размером с круглый стол, а может, больше.

— Это, — сказала Мунира, показывая на пень. — А вон топор.

С топором в руках я обошел пень вокруг. Необъятный пнище. Ровно спиленная поверхность была гладкой и казалась каменной. Да тут любой топор отскочит со звоном или, того хуже, поломается.

Чертик во мне давно уже не прыгал, а лежал смиренно и только изредка вздрагивал, будто его обидели.

Мунира с любопытством следила за мной, как я кружусь вокруг пня.

— Жаль рубить такой хороший пень, — сказал я. — Это просто чудо, а не пень. Измолочу его на щепки, а потом мне скажут: «Э-е, балда...»

— Что же с ним делать?

— Стол из него получится, красивый... Да. Скатерть постелить и пировать...

— Ладно, — сказала Мунира. — Оставь его.

— Были бы просто дрова — доски там, бревна всякие — я бы мигом! — раскатывая рукава, продолжал я. — А то — шикарный пень. Нужный в хозяйстве. Ты, Мунира, если потребуется помощь, прямо обращайся ко мне...

И быстро, быстро выбрался на улицу. «Пен-н-нь! Пен-н-нь!» — пропела ржавая пружина на калитке.

Равшан тоже бездельничал, валялся на айване с книгой. Книга, видимо, интересная: он размахивал рукой, хохотал, дергался.

Я тихонько подкрался к нему.

Не замечает.

Я кашлянул. Равшан подпрыгнул и уставился на меня.

— Привет! — сказал я. — Что, интересная книга?

— Ну! — с досадой сказал он. — Ты ко мне по делу?

— Читал сейчас одну книгу — за живот держал-

ся, — сказал я. — Дай, думаю, сбегаю к Равшану, расскажу ему.

— Друг!.. — Равшан подпрыгнул и чуть не обнял меня. — Какая книга? Как называется?! Где она? Дашь почитать? Расскажи немного!

— Я тебе завтра принесу. Обхохочешься. Месяц будешь хохотать.

Равшан прямо наехал на меня, пристал, как репей. Расскажи да расскажи. Хоть чуть-чуть. Я ему говорю — какой интерес читать ее потом, если я сейчас расскажу? Однако Равшан не унимался.

— Так и быть, расскажу немного, — сказал я. По правде говоря, я полгода не читал ничего, даже в учебники не заглядывал. Но смело начал придумывать: — Один человек пришел к соседям и говорит: «Хотите, дрова нарублю!» Ему дали большой топор, подвели к здоровенному, как слон, пню и сказали...

И дальше я стал смеяться, и все громче смеялся — хохотал, взвизгивал, хлопал себя по бокам. Равшан два раза неуверенно хихикнул и теперь испуганно смотрел на меня, на то, как меня корчит какой-то бес.

— Батыр, эй, Батыр, хватит! — дрожащим голосом попросил он.

Неожиданно и сразу я успокоился.

— Прочитаешь, умрешь от хохота! — сказал я и выбрался на улицу.

Я медленно шел домой. Внутри меня было пусто: даже чертик удрал из меня куда-то. Шел, никого не видя и ничего не слыша. На земле ли я, где очень много людей, или может, в космосе?.. И вокруг пусто, и сам я пустой...

Почему в жизни всегда так: хорошее начало — плохой конец?..

Мне хотелось залезть в постель и зарыться под одеяло — пусть люди свои дела решают без меня. Старосты, председатели, директора... Какое мне дело до них!

А ночью мне приснился кошмарный сон. За учительским столом сидит мохнатый чертик, нахально крутит хвостом и говорит:

— Изберем старостой класса самого лучшего. То-го, кто помог Салиму укрыть виноградные гроздья, кто нарубил дрова тете Малике, кто пообещал Равшану интересную книгу. Изберем Батыра!

В классе — шум.

— Неправда! — кричит Салим. — Он не помогал мне. Съел две кисти винограда и ушел.

— Неправда! — говорит Мунира. — Он не рубил дрова.

— И меня с книгой обманул! — подтверждает Равшан.

А идиотский чертик смотрит на меня и крутит хвостиком, крутит. Мне страшно хочется запустить в него чернильницей, с криком вскакиваю...

За окном светло.

Я быстро одеваюсь, наскоро пью чай и машинально собираю портфель. И вдруг вспоминаю — сегодня воскресенье. Фу ты!

Еще быстрее я раздеваюсь и снова ныряю в постель. Мир опять становится нормальным. «До понедельника еще далеко...» — думаю я и с этим засыпаю.

Волшебная сила искусства

Лично мне эта куча сучьев около дувала Малики-апы несколько не мешала...

В тот злополучный день мы с Мирвали, как обычно, шли из школы мимо этого самого дувала. И тут Мирвали пришло в голову, что надо бы сучья спалить.

— Гляди, как развалились здесь. Ходить мешают. Надо бы заняться ими.

— Мешают? — удивился я. — А по-моему, никому не мешают. Пускай себе лежат. Может, они нужны кому-нибудь.

— Это тебе не мешают! — вспыхнул Мирвали. — А другим еще как мешают.

— Это кому же? — любопытствовал я.

— А хотя бы мне!

С этими словами он полез в ранец и, достав из него коробок спичек, живо затеплил огонь под сучьями. Заревело пламя. Огонь, аппетитно чавкая, пожирал сухие ветки.

— Ну вот, — ухмыльнулся Мирвали. — Будут знать как на дороге лежать.

Это он про ветки сказал. Будто они, как стадо баранов, могли бы сняться с места и перейти туда, где им Мирвали милостиво позволит быть.

Когда огонь улегся, оставив после себя лишь пыльное черное пятно на земле, Мирвали мигнул:

— Совсем другое дело! Айда дальше.

Больше всего я боялся, как бы во время всего этого на вопли корчащихся и огне сучьев не выбежала Малика-апа. Но улица была пустынна. Лишь Карим, редактор нашей отрядной стенгазеты, показался в конце улицы, когда костер уже унимался. Впрочем, мы не стали поджидать его и быстро унесли ноги.

Я бы и не вспомнил об этой пустяковой истории, если бы на следующий день во время перемены к нам не подошел Карим.

— Есть идея! — таинственно шепнул он и сделал головой знак следовать за ним.

— Идея? — покосился на него Мирвали, и я уловил в его голосе ревнивые нотки. Что и говорить: мой друг Мирвали считает, что интересные идеи могут появиться лишь в его голове. Ну, а если какая-нибудь тощенькая идея и забрела в голову Карима, то уж наверняка она шла напрямиком к нему, Мирвали, но вот по дороге заблудилась и постучалась к Кариму...

Мы последовали за Каримом в коридор, где он все тем же шепотом продолжил:

— Слышали? Вчера какой-то злодей сжег дрова Малики-апы. Она эти ветки целую неделю по всей улице собирала, когда они еще зеленые были, и у дувала сушить оставила до своего возвращения.

— До возвращения? — сощурился Мирвали. — А куда она уехала?

— В кишлак, брата проведать... Вот я и говорю — она уехала, а ветки ее кто-то сжег. Как же она теперь без них?

— Вот еще! — захохотал Мирвали. — Ты об этих ветках как о корове какой-нибудь говоришь.

И тут я подумал про себя: хорошо все-таки, что вчера Карим не увидел нас с Мирвали. Не то непременно растрезвонил бы по всей школе, чья это работа. Вон как разволновался.

А Карим и впрямь разволновался.

— У Малики-апы, — говорит, — никого нет. Она одна живет, и ветки эти собирает, чтобы было чем зимой тандыр растапливать. Представляете, как она расстроится, когда вернется и увидит, что ее ветки спалили?..

Мирвали задумался и настороженно спросил:

— Что-то я тебя не понимаю. Ты все о каких-то дровах толкуешь, о тандыре. Теперь, наверное, еще и

на самсу или лепешки переключишься? Мы-то с Батыром тут при чем? И что за такая идея тебя с утра потревожила?

Я кивнул — дескать, и вправду, толком разъясни.

Карим с жаром ответил:

— Отличная идея! Да мы с вами за нее диплом первой степени получим. А может, и еще получше.

— Получше дипломов не бывает, — со знанием дела растолковал Мирвали. — Нулевой степени, что ли?

— Не знаю, не знаю! — отмахнулся Карим. — Только я, ребята, крепко уверен, что первая награда смотра у нас в кармане.

Я не выдержал:

— Взялся говорить — говори! А то ведь перемена кончается, а ты до дела еще и не добрался. Дрова, дипломы... Что все это значит?

— А то, — воскликнул Карим, — что вы с Мирвали будете героями нашего класса. Да что там класса — всей школы, а может, быть, даже и города!

Мы с Мирвали переглянулись, потому что понятнее от этих слов не стало. Карим, между тем, продолжал:

— Слушайте мою идею... Ну, о том, что в дружине идет соревнование на лучшую тимуровскую работу — это вы, надеюсь, знаете?

— Слыхали! — процедил Мирвали. — И что же дальше?

— А то, что надо помочь Малике-апе собрать другие ветки — их после обрезки деревьев еще много валяется. И еще — порубить дрова, что в ее сарайчике сложены.

— И это вся твоя идея? — усмехнулся Мирвали. — Негусто...

— Да погоди ты! — остановил его Карим. — К самой идее я только подбираюсь. Я ведь хожу в школьный кинокружок и могу запросто снять фильм про то, как вы вдвоем все это сделаете.

— Мы с Батыром? — округлил глаза Мирвали.

— Вы! Именно вы! — кивнул Карим. — На совете дружины, который будет обсуждать итоги соревнования, завесим окна и покажем этот фильм.

— И что же будет? — спросил я.

— Говорю же — первое место вам будет. Это же ясно! Ну, как идея!

Я промолчал, искоса поглядывая на Мирвали. Что

он скажет? Лично мне идея Карима понравилась. А что — живо можно доказать всем этим зазнайкам, кто настоящий работяга и заботливый тимуровец. Да они все от зависти лопнут. На всю школу прославимся.

Но то, что сказал Мирвали, превзошло мою фантазию. Для начала он осведомился:

— А у тебя какой аппарат?

— «Кварц».

— А пленка в нем какая?

— Восемь миллиметров. А тебе какая разница? Думаешь, уместятся ли в кадре дрова? Не волнуйся, и тепловоз уместится. И даже Останкинская телебашня.

— Это хорошо, — похвалил Мирвали возможности кинокамеры. — И телебашня — это тоже хорошо. Но вот скажи-ка: а такую пленку можно по телевизору показывать?

Карим и глазом не моргнул:

— Запросто можно!

Мысленно я не только аплодировал Мирвали, но даже вызывал его на бис. Шутка ли! Да если пленку, которую снимет Карим, показать по телевизору, про нас не одна школа узнает, а сразу десять тысяч школ. Правда, одно дело снять все на пленку и совсем другое — сделать так, чтобы ее показали по телевизору... Но разве такой пустяк может испугать Мирвали. Пусть Карим сначала сделает свое дело, а уж потом придет его, Мирвали, черед ломать голову и завлекать в нее идеи. Словом, я уже не сомневался, что после уроков мы с Мирвали будем киноартистами. Я не ошибся. Потому что Мирвали сказал как бы с неохотой:

— Так и быть, Карим. Выручим тебя. Поработаем малость. Ну а ты, смотри у меня, чтобы пленка хорошая получилась!

— Получится! — просиял Карим. — Только угор — никому ни словечка...

Надо ли говорить, как медленно в этот день тянулись уроки. Нам с Мирвали не терпелось поскорее угодить на призовую пленку Карима, а звонки, как назло, будто уснули. Но наконец, терпение наше было вознаграждено: финальный звонок прозвучал для нас с Мирвали как призыв к головокружительной славе.

И мы, не мешкая, поспешили добывать ее.

Калитка во двор Малики-апы оказалась запертой — пришлось лезть через дувал. Карим показал на огромное бревно, лежавшее у сарая:

— Вот его и будем снимать! Отличный объект. Такого бревна даже на киностудии нет. Вон пила, вон топор. Начинайте пилить, а я пока за кинокамерой сбегаю.

Мы с изумлением уставились на Карима. Первым нашелся Мирвали.

— Ты чего тут мелешь? — сказал он. — За кого ты нас принимаешь?.. Зачем же пилить, если у тебя пока аппарата нет. Принеси сначала, вот потом и начнем.

— Потом... Потом!.. — заворчал Карим. — Вот чудаки! Да поймите вы: все равно ведь придется пилить. Как же вы сможете рубить, если сперва не распилите? Зачем терять время даром? Надо быстренько подготовить съемочную площадку и все что нужно для нашего фильма. Пилить надо. Начинайте! А то солнце уйдет...

Мы с Мирвали зло зыркнули на одноклассника. Крыть было нечем — его правда. Пилить все равно придется. Мирвали хмуро уронил:

— Давай пошустрее за аппаратом.

— Так вы тут все пока подготовите?! — обрадовался Карим.

— Давай-давай! И без фокусов...

Карим скрылся за дувалом, а мы, тяжело кряхтя, принялись пилить бревно. Ну и тяжелое же это, оказывается, дело — сниматься в кино. Когда мы наконец распилили это проклятушее бревно и устало сели отдыхать, Мирвали процедил сквозь зубы:

— Надо было дублеров на съемки пригласить.

— Каких еще дублеров? — опешил я.

— Ясно каких. Ты разве не знаешь, что самую трудную работу на съемках делают дублеры или каскадеры. Они прыгают, ныряют, дерутся, а вся слава достается главному актеру. Если актер такое вот бревно сам пилить станет, он ведь потом и двух слов сказать не сумеет. Никак нельзя без дублеров.

— Ничего, обойдемся как-нибудь, — успокоил я друга, и Мирвали с любопытством глянул на меня, явно подозревая, что я просто-напросто ни с кем не хочу делиться и крошкой успеха.

Тут появился Карим. Увидев, что бревно уже распилено, он похвалил нас:

— Молодцы! Еще разик распилите и можно снять, как вы вдохновенно рубите дрова.

— Что такое — «еще разик»? — вспылил Мирвали. — И одного хватит. Я тебе не бензопила.

Карим покачал головой:

— Нужно еще раз. Снимать ведь я буду сначала пилку, а уже потом и рубку.

— Чего же раньше не сказал? — возмутился я. — Стали бы мы пилить эту штуковину, если бы знали, что ты и это снимать должен.

Карим был неумолим.

— Все равно пришлось бы, — твердо возразил он. — Неужели сами не видите, что одного раза для съемок не хватит. Начинайте, а то солнце уйдет.

— Ну и пусть уходит, — бросил Мирвали.

— Как хотите, — равнодушно сказал Карим. — Тогда уйду я. И других позову, если вам неохота.

С этими словами Карим спокойно направился к дувалу. Мирвали, конечно же, сразу окликнул его:

— Постой, Карим! У тебя совесть есть? Мы, понимаешь, тут без тебя пилили, а снимать будешь других.

— Так вы же сами не хотите.

— Хотим, хотим, — успокоил его Мирвали. — Давай начинай.

Мы вновь приставили к бревну пилу и замерли

— Пилите, пилите! — поторопил нас Карим. — Сейчас все равно нельзя снимать. Неэффективно будет. Сниму, когда у вас чуть-чуть останется.

Тяжело вздохнув, мы вновь принялись за дело. Скоро нам пришлось раздеться до пояса — до того запарились. Но что не сделаешь ради киноискусства. А уж Кариму можно довериться — он это дело крепко знает. Его любительские фильмы вся школа смотрела, а один из них как-то даже попал на телевидение. Так что стоит разик постараться.

Когда наша пила, наконец, приблизилась к цели, мы с мольбой посмотрели на Карима. Он понял, поднял камеру и она зажужжала. Мы с Мирвали играючи, чтобы не выглядеть на экране усталыми, допилили бревно, и Карим похвалил нас:

— Отличный кадр! Есть двадцать секунд экранного времени!

— Только двадцать секунд? — опешил я. — А сколько же должен длиться весь фильм?

— Минут десять.

— Если будешь снимать такими темпами — и за год не управишься, — съязвил Мирвали.

Карим был невозмутим:

— Не от меня это зависит.

— А от кого же?

— Ясно от кого. От вас самих. Плохо в кадре работаете. Медленно. Так и солнце уйдет. — И, прикрывая ладонью глаза, Карим стал придирчиво инспектировать солнце и облака.

— Нормальное солнце, — со знанием дела заметил Мирвали, хотя никогда в жизни не держал в руках кинокамеру и, стало быть, не имел никаких оснований утверждать, что он с солнцем на короткой ноге.

Я взял топор и сделал пробный удар. Топор со стоном ушел в кругляк, и когда я потянул его обратно, он стал огрызаться, оставаясь на месте.

Карим навел камеру.

— погоди! — завопил я. — Не снимай. Это же только репетиция!

Упершись ногой в строптивый кругляк, я с трудом извлек топор и милостиво кивнул Кариму:

— Приготовились... Начали!

И тут меня удивил Мирвали.

— Стой! — закричал он. — Нечестно это. Выходит, только Батыр окажется в камере? А как же я?

— Все будет в порядке! — успокоил его Карим. — Я об этом заранее подумал и вместе с аппаратом захватил и топор. Мне еще дома пришло в голову, что для съемок может не хватить реквизита.

Карим открыл свой ранец и к великому нашему изумлению извлек топор и торжественно передал его Мирвали. Оставалось только радоваться тому, что у нас такой смекалистый и предусмотрительный одноклассник.

Съемки продолжались. Лихо фехтуя топорами каждый со своими кругляками, мы быстро развалили их на аккуратные, красивые чурки и, радостно вздохнув, швырнули на землю ненавистные топоры. И тут Карим с огорчением сказал:

— Что же вы все разрубили? Придется снова бревно пилить. Мы округлили глаза.

— снова?! Это зачем еще?

— Для крупных планов. Я ведь пока только общие и средние снимал, где вы вместе работаете. А теперь нужно снять каждого отдельно. Для крупного плана.

— Послушай, Карим,— взмолился я.— А может, обойдешься без крупного?

Карим протестующе замотал головой.

— Никак нельзя без крупного. Фильма не получится. Наш руководитель всегда говорит, что снимать надо монтажно.

Монтажно. И откуда он только такие мудреные словечки знает? И потом... Если он знал, что все равно нужен крупный план, мог бы одновременно снимать, двумя камерами... Правда, вторую некому было бы держать... Ох, ты, горькая доля актерская! Мы-то думали, что уже пора руки мыть, чистые рубашки надевать и спешить в школьный кинозал — на себя любоваться. А у Карима, видишь ли, съемки только начинаются. Но не отступать же на полдороге...

Мы взялись за пилу, и она вновь злобно вгрызлась в бревно. Скоро нам начало казаться, что это вовсе не бревно, а здоровенный железный столб, кем-то искусно раскрашенный под дерево. И только опилки говорили о том, что эта упрямая штуковина — все-таки бревно.

Откатился кругляк, и мы с Мирвали, обессиленные, уселись отдыхать.

— Солнце уйдет,— хмуро напомнил Карим.

— «Солнце уйдет»,— передразнил Мирвали.— Между прочим, вполне мог бы помочь нам бревно попилить. Все равно ведь пока не снимаешь. Друг называется...

— А разве ты устал? — искренне удивился Карим.— Что же сразу не сказал, я бы с удовольствием помог. Ну ладно, давайте сниматься... Мирвали, начнешь ты. Бери топор. Руби! Сильнее! Еще сильнее! Да что же ты делаешь? Такой хороший дубль испортил! Давай все сначала.

Мирвали бросил топор и завопил:

— Все! Хватит! Не хочу больше сниматься. Устал так, что полжизни отдыхать придется. Пускай теперь Батыр тебе позирует.

И я взялся за топор. Только и мною был недоволен Карим.

— Мне,— говорит,— нужно, чтобы на лице были

капли трудового пота... Чтоб были они крупные, как урюк... И чтоб сбегали с лица, как испуганные.

— Да где ж я тебе такой пот возьму! — вскричал я, чувствуя, что вот-вот, вслед за Мирвали, надолго улягусь отдыхать на траву.— Где я тебе такой пот возьму! Его ведь в магазине не продают!

— Это я и без тебя знаю,— остановил меня Карим.— Думаешь, легко первое место занимать? Поработать вам нужно над собой как следует — и будет первоклассный пот, как раз то, что надо.

Мирвали усмехнулся:

— Тут, похоже, нужно поработать не над собой, а над бревном.

— Верно! — кивнул Карим.— Да из тебя, гляжу, выйдет заправский киношник. Уже кое в чем разбираешься. Ну так что же: будет потное лицо на весь экран или не будет?

— Будет, будет тебе пот,— проворчал Мирвали.— Сейчас сделаю.

И тут он набросился на кругляк с такой яростью, будто съемки только начались, а не близятся к завершению. Карим, к моему удивлению, и не собирался снимать.

— Ты чего не снимаешь? — разозлился я.— Сейчас у Мирвали кругляк кончится...

— погоди, не мешай работать! — прервал меня Карим.— Видишь, завод кончился. Сейчас только заведу, и продолжим.

Поняв, что его трудовой энтузиазм пропал впустую, а если быть совсем точным — обратился в щепки, Мирвали всерьез расстроился. У него уже и сил не было спорить с Каримом. Только мне и шепнул:

— Батыр... Давай теперь ты... В последний раз... А я больше не могу...

И тут Карим навел камеру на это проклятое полено и скомандовал:

— Давайте кто-нибудь. Пленки ровно с минуту осталось.

Что вам сказать? За эту минуту с меня сто потов сошло. За такую работу запросто можно было претендовать на звание почетного дровосека улицы. По крайней мере...

Но тут Карим сообщил, что остановил камеру на сороковой секунде. Потому что, видишь ли, он соби-

рается завершать свой фильм тем, как мы с Мирвали заканчиваем складывать дрова.

Хорошенькое — «заканчиваем». Сперва-то их надо сложить...

Мы, кряхтя, принялись складывать дрова. Никогда бы не подумал, что мы способны столько нарубить. Вот ведь что может сделать с человеком волшебная сила искусства!

— А вторую серию — про то, как вы ветки собираете, — снимем завтра, — пообещал Карим.

От этих слов у меня едва не подломились ноги.

...Через неделю вся школа сгрудилась в школьном вестибюле, читая диковинное объявление. Подошли и мы с Мирвали. Читаем:

Сегодня на большой перемене в актовом зале состоится премьера сатирического фильма «Волшебная сила искусства». Вы узнаете, что случилось с теми, кто потел ради сжег дрова Малики-апы. В главных ролях снимались виновники происшествия...

Наверное, вы уже и сами догадались, чьи там стояли фамилии...

Злополучный фильм, который про нас с Мирвали снял хитрец Карим, по телевидению, конечно, не показали. Кишка тонка! Оно и понятно. Фильм-то любительский. А чтобы по телевидению — это ого-го как нужно снимать!..

Впрочем, мы с Мирвали и не мечтали о телевизионной славе. Ведь Карим, если честно рассудить, поступил с нами некрасиво. Обещал, понимаешь, снять героическую эпопею, а сам потихоньку нажимал на кнопку своего киноаппарата, лишь когда в объектив лезла комедия. По его, Карима, разумению.

Кому комедия, а кому и огорчение...

Думаете, приятно нам было сидеть в кохочущем зале, зная, что все потешаются не над забавными приключениями Чарли Чаплина, а надо мной и Мирвали.

Когда зажегся свет и нас обступили смеющиеся

зрители, Мирвали спокойно сказал, будто ничего и не произошло:

— Неужели вы не поняли, что мы с Батыром снимались как актеры? Это как в киножурнале «Ерлаш», где двоечников и хулиганов играют самые образцовые отличники и дружинники.

— С чего это ты взял? — потешались ребята, и Мирвали уверенно объяснял:

— Неужели непонятно? Отличник — он всегда отличник. А значит, и отличным двоечником быть может.

Я с тревогой думал о том, как бы не потребовалось немедленно показывать всем наши с Мирвали дневники. Уж из них-то ясно следовало, что нам с ним в кино роли двоечников никак не положены. Разве что только в жизни. А это, как только что установил Мирвали, разные вещи.

Не знаю, поверили ли ребята Мирвали, но фильм Карима имел успех. И никто не удивился, когда зимой на районный смотр художественной самодеятельности было решено послать от школы именно этот фильм Карима.

Было это накануне нового года, в зимние каникулы. Смотр проходил во Дворце пионеров, и мы с Мирвали решили тоже попасть в зал. Сделать это было нетрудно. Что там ни говори, но нам с Мирвали тоже ведь было небезразлично, как жюри оценит нашу с ним работу. Ну и Карима работу тоже...

И когда объявили, что наш фильм «Волшебная сила искусства» получил первый приз, мы с Мирвали хлопали громче всех. Но главное удивление нас ждало впереди. Когда Карим, который, конечно же, заметил нас, поднялся на сцену, чтобы получить приз, он, краснея, сказал:

— Эту награду я хочу разделить с героями фильма — Мирвали и Батыром. Они сидят в этом зале.

И вновь все зааплодировали, и нам с Мирвали ничего не оставалось, как тоже подняться на сцену. И тогда председатель жюри объявил:

— Хотя у нас не кинофестиваль, но жюри считает, что Мирвали и Батыр заслужили право на приз за лучшую мужскую роль...

С этими словами он протянул нам два синеньких билетика и добавил:

— Это билеты в кино. Действительно на сеанс в шестнадцать ноль-ноль.

Мы выскочили из зала с пылающими щеками! Ха-ха! Зря потешались тогда над нами в школе. Жюри-то вон как оценило нашу работу. И приз мы получили — билеты в кино. Правда, мы не успели узнать, что за картина, но ничего — на месте разберемся...

В шестнадцать ноль-ноль мы с Мирвали уже сидели в зале и смотрели фильм «Тимур и его команда».

Хо-хо! Ну и председатель жюри! Как ведь точно он все рассчитал. Мы с Мирвали смотрели фильм и узнавали самих себя. А что, разве и мы с ним вот так же мастерски не складывали дрова? Нет, здорово это все-таки — незаметно сделать доброе дело.

Выйдя из кинотеатра, мы пошли домой за санками, рассуждая дорогой об увиденном.

— Оказывается, мы с тобой настоящие тимуровцы, — сказал Мирвали. — Видел, как они там с дровами управлялись? Не хуже нас с тобой.

Я ухмыльнулся, Мирвали будто начисто забыл, какая сила заставила нас с ним прийти в тот день во двор Малики-апы. Но говорить ему все равно ничего не стал.

Выкатив на улицу санки, мы принялись охотиться за старушками, идущими на свадьбу. Спросите — зачем за ними охотиться? А это просто. У нас ведь так заведено: идешь на свадьбу — неси огромное блюдо с гостинцами. А в такую скользкую погоду блюдо нести — наверняка уронить, да еще и самой шлепнуться в снег. Вот и решили мы с Мирвали хотя бы одной старушке блюдо подвезти. А что? Чем наши санки хуже такси? Особенно для блюда... Пусть все видят, какими стали Батыр с Мирвали — лучшие исполнители мужских ролей!

Но нам ужасно не везло. Три улицы объездили — и ни одной старушки с блюдом.

— Всегда вот так, — пробурчал Мирвали. — Хочешь сделать доброе дело, а никому от тебя ничего не нужно... И куда только все старушки разом подевались? То от них прохода на улице нет, то ни одной не видать.

— А может, в городе свадьбы отменили? — предположил я. — Вот и нет на улицах старушек с гостинцами...

Но тут с веселым перезвоном по улице, распугивая прохожих, промчал свадебный поезд, в котором я насчитал двенадцать машин.

— Видал, как отменили? — кивнул Мирвали. — Мчатся, как угоре...

Слово замерло на устах Мирвали, и, проследив за его испуганным взглядом, я увидел старушку, с огромным блюдом на голове. Шла она прямо на нас, осторожно пробуя дорогу, чтобы не поскользнуться. Мы пригляделись и узнали в старушке Малику-апу — ту самую, двор которой и был тогда съёмочной площадкой. Не размышляя ни секунды, мы подлетели к Малике-апе и наперебой затараторили:

— Ставьте на санки блюдо, Малика-апа. Мы подвезем.

Малика-апа обрадовалась не на шутку.

— Спасибо, сыночки! — просияла она. — Охотно поставлю. Иду и трясусь от страха, что уроню блюдо.

Мирвали — вот хитрец — ловко выхватил блюдо, поставил на свои санки и, ни слова ни говоря, рванул вперед.

— Куда же ты! — испуганно крикнула Малика-апа.

— Ах, да! — опомнился Мирвали. — Куда везти груз-то?

— На свадьбу, куда же еще...

— Свадьба ваша где? — нетерпеливо перебил Мирвали.

— У базара.

— Тогда догоняйте! — крикнул Мирвали и умчал. Наше с Маликой-апой замешательство длилось лишь мгновение.

— И догоним! — крикнул я и заторопил Малику-апу:

— Садитесь скорее, помчимся за Мирвали.

Санки у меня широкие, с бортиками. Такта, а не санки. На них не то что кататься — и обедать запросто можно. Малика-апа озорно улыбнулась и села на эту мою ходячую такту. И скоро мы помчались догнать Мирвали.

Прохожие молча улыбались и уступали нам дорогу. И только один преградил нам путь. Это был Карим.

— Куда летишь? — изумился он моему пассажиру.

— На съемку!—ответил я и глазом не моргнув.— Думаешь, только ты у нас снимать умеешь.

Карим пожал плечами, а я, обогнув его, продолжил путь. И потом, если толком рассудить, я не обманул Карима. Мы с Маликой-апой действительно торопились на съемку.

Что мы собирались снимать?

Ясно что — блюдо Малики-апы.

С санок Мирвали...

Гол в свои ворота

Вы, наверное, и сами успели заметить: чем ближе каникулы, тем медленнее тянутся дни. Будто в каждый из них влили бочку воды и разбавили, сделав день часов этак на десять длиннее... Вот в такой-то денек и приключилась прескверная история. Хотите, расскажу по порядку?..

Пришел я из школы домой и, как водится, портфель подальше закинул. Ну не делать же уроки, если все равно через неделю каникулы начинаются. А раз так — можно найти занятие и повеселее. Взял я мяч и вышел на улицу. Вот так дела! Никогошеньки нет. И друг мой Мирвали куда-то запропастился.

Постучал я мячом о стену, потом погонял его по дороге и вовсе меня тоска взяла. Дело ясное. Футболисты — так те на поле целой оравой бегают, чтобы не соскучиться. Где же мне одному развеселиться? Поняв, что у нас напарника мне не сыскать, я решил поискать удачи в соседней махалле.

Но не тут-то было!.. Ребята и здесь как сговорились — дома сидеть. Ну и зубрили!..

Огорченный, я возвращался домой, как вдруг мне улыбнулась удача. Удача эта приняла облик соседской малышки. В другой раз я бы на нее и внимания-то не обратил. Но сегодня выбирать не приходилось...

— Иди-ка скорее сюда! — поманил я пальцем девчонку, показавшуюся из-за угла с прыгалкой в руках. — Тебя как зовут? — спросил я.

Девчонка оказалась не из робких.

— Рано, — отвечает. — А тебе зачем?

Девчонка улыбнулась, и я решил поскорее приступить к делу. Отыскав два кирпича, я поставил их стоймя на дорогу. Объяснил:

— Слушай внимательно. Сейчас будем играть. Видишь — это ворота. Поняла?

— Не маленькая!.. — поджала губы Ранюшка.

— Вот и молодчина! — похвалил я. — Теперь вставай посреди кирпичей и гляди в оба, чтобы не пропустить.

Глянула Рано на один кирпич, потом на другой. И вдруг спрашивает:

— Если это ворота, то где же тогда калитка?

Тут я и вовсе терпение потерял. Так и до заката не объяснишь ничего человеку. И так, понимаете, нога чешется — гол поскорее забить...

— Какая еще калитка! — возмутился я. — Это футбольные ворота! Футбольные! И никакой такой калитки в них не положено. Сообразила теперь? Живо становись на ворота, не тяни время...

Она испуганно глянула на меня и как вдруг даст стрелочку. Ну и скорость! Еле поймал. Притащил ее назад и поставил посреди ворот. Грозно предупредил:

— И не вздумай убежать! Смотри, я расскажу твоим, если убежишь еще раз...

Засучив штанину, я разбежался. Удар! Гол! Еще удар! Еще гол! Да какой красивый: Рано от испуга отпрянула в сторону от мяча, и он пронзил ворота, улетев метров на сто.

Глупая все-таки девчонка: вместо того, чтобы важно ловить мяч, шарахается от него как от злой собаки, да еще и лицо прикрывает руками. Ну и умора! Вот так вратарь...

«Погоди у меня! — подумал я. — Раз уж ты не ищешь встречи с мячом, он сам найдет тебя». С такими вот мыслями я разбежался и, прицелившись, выстрелил мячом прямо в Ранюшку. И не прогадал: Рано вместе с мячом влетела в ворота. Все бы хорошо, но при этом она почему-то испуганно завизжала, и я, мигом забыв о мяче, удрал домой. Ну их, этих дев-

чонок. Толку мало — один визг. Ворот, как мышей, боится... А теперь еще и наябедничает...

Дома я ожидал, что с минуты на минуту ко мне заявятся ее заступники. Какие уж тут могут быть уроки! Так я за весь день ничего и не приготовил.

Вы, наверное, сможете меня понять, — совсем ведь другое в голове вертится. Словом, лег я на тахту, и давай ворочаться, словно подо мной колючки, а не матрац.

Потом все-таки уснул. Но что это был за сон... Приснилось мне, будто я играю с ребятами на улице в футбол. Вот пробился к воротам... обвел всех, даже вратаря. Надо бить!.. Но тут вдруг из ворот смело выбегает мне навстречу Ранюшка. Бух прямо под ноги — и отняла мяч. Болельщики свистят, улюлюкают, мне рожицы смешные корчат. Ясное дело — девчонке, пигалице какой-то проиграл...

Проснулся я утром с тяжелой головой. Вместо нее будто на шею мяч с мокрым песком внутри ношу. Схватил я портфель и помчался в школу. Вроде бы нигде особо не задерживался, но почему-то все равно опоздал — уже шел урок математики.

Хорошо, наш Гулам-ака человек добрый. Кивнул: садись, мол, на место.

Я и сел. Хоть отдышусь на уроке малость. А то одна нервотрепка — то футбол наяву, то дурацкий сон...

Тут Гулам-ака вдруг спрашивает меня:

— Домашнее задание выполнил?

Тут я и заметался. Ну в точь, как вчера Ранюшка, не зная, как от меня удрать. Но и этот «мячик» Гулама-ака был ох каким увесистым. Не увильнуть. Надо отвечать. А что, что я могу ему ответить? Что скоро все равно каникулы? Так живо два очка в «таблицу» схлопочешь... Мало радости...

— Причина есть! — медленно проговорил я, сообщая тем временем, что бы такое убедительное все-таки сказать. Честно говоря, я ругал себя за то, что ничего путного не придумал заранее.

— Слушаем тебя! — напомнил Гулам-ака. — В чем же причина? Почему ты не выполнил домашнее задание?

Я продолжал переминаясь с ноги на ногу, стараясь выиграть время.

Но ничего путного на ум все равно не приходило.

Скоро ребята начали хихикать. Вот тут-то меня и разобрало. Погодите, думаю, зубрили несчастные! Сейчас вы у меня похихикаете...

— Это... Я... Так получилось, Гулам-ака,— выдавил я.— Знаете, я сидел дома, делал уроки. А на улице кто-то ка-ак вдруг закричит!..— Сказав это, я с облегчением понял, что начало положено и что дальше сочинять будет легче. Это ведь все равно, что гол в пустые ворота забить, да еще и с собственной подачи... Почувствовав, что пришло спасительное вдохновение, я решил, что сейчас уж точно выкручусь, проведу, как водится в футболе, мастерский финт.

И я продолжил:

— Значит, так. Сажу и в окно гляжу. И что я вижу? Безобразие какое-то! Мальчишка мячом прямо в маленькую девочку попал. Ка-ак ударит по мячу... А девчонка на воротах стоит... Вот она и упала. Чуть вообще вместе с мячом в соседнюю махаллю не улетела. И тогда я выскочил из дома и погнался за хулиганом...

Я нес чепуху, но остановиться уже не мог. Впрочем, меня никто и не перебивал. И учитель, и ребята слушали меня с нескрываемым интересом. Мирвали даже рот приоткрыл. Разве уж тут остановишься! Мне уже и самому становилось любопытно — чем дело-то кончилось...

— Я, значит, за ним, он — от меня,— неумоимо продолжал я.— Еле поймал! Ох, и здоровенный! Вдвое выше меня. Но я его все равно догнал и скрутил ему руки за спиной... И... и отвел куда следует...— Тут я снова украдкой огляделся: верят или нет? Вроде верят, раз не перебивают.— Вот как дело было! — Со вздохом закончил я.— Из-за этого случая день и пропал. Жалко, конечно. Но разве мог я дать в обиду девчонку? Вы бы, Гулам-ака, первый потом меня же и поругали...

Судя по всему, финт удался. Гулам-ака велел мне сесть. Я торжествовал.

И было от чего! Только я сел за парту, Мирвали хлопнул меня сзади по плечу, а Карим крепко пожал руку. «Молодец! — шепнул он.— Мы гордимся тобой!»

На перемене ребята окружили меня и закидали вопросами. А Карим продолжил:

— А что, если ты и в стенгазету заметочку о своем подвиге напишешь? Давай, не отказывайся! Пусть вся школа знает, какого смелого ученика воспитал наш класс.

Я отнекивался, но ребята были настойчивы. Мало этого, Карим еще кое-что придумал.

— Твою скромность мы ценим! — говорит. — Но все равно завтра мы с тобой в подшефный детский садик пойдем. Надо провести утренник на тему «Пионер — защитник малышей». Мы давно уже собирались. А тут такой замечательный повод появился...

Пришлось и на это согласиться.

В детском саду малыши, галдя, расселись вокруг нас на маленьких стульчиках, и Карим, коротко пересказав мою живописную историю, предоставил мне слово. Ну что тут поделаешь. Пришлось все рассказывать заново. Правда, уже с новыми подробностями. Я рассказывал с таким жаром и пылом, что скоро и сам начал верить, что все было именно так, а не иначе. Но...

Но в самом интересном месте я вдруг услышал ужасно знакомый писклявый голосок. Откуда-то с последнего ряда донеслось:

— А можно, я тоже расскажу?..

Кто же это? Я пригляделся и обмер. Да ведь это же мой вчерашний вратарь — малышка Рано! Точно она! Вот — и руки исцарапаны, и на щеке ссадина. Вот ведь принесло меня сюда. Я с ненавистью глянул на Карима. Это ведь по его милости я согласился пойти в детсад...

Уж и не помню сейчас — в окно я выскочил или в дверь. Бежал домой и досадовал на всех сразу. Что я теперь скажу ребятам? Что подумает обо мне Гулам-ака?..

Наутро, придя в школу, я увидел, что одноклассники теснятся у нашей сатирической стенгазеты «Колочка» и покатываются от смеха. Увидев меня, Карим закричал:

— Поди скорее сюда. Гляди, все получилось точь в точь, как договаривались вчера...

На самом видном месте стенгазеты была помещена большущая заметка — с хитрым заголовком, о котором мы договорились еще вчера: «Гол в свои ворота». С одной только разницей — писал заметку уже не я...

Тайна чинары

Наш дом стоит у речки. Рядом растет большая чинара. Говорят, этой чинаре больше трехсот лет. Она огромная и ветвистая и издали похожа на большущий раскрытый зонт.

Еще говорят, что в большом дупле чинары водятся змеи. Но это неправда. Однажды мы спустились с Мирвали в дупло. Оно глубокое, темное и сырое. В нем пахло плесенью и было чуть-чуть страшно. А змей там не оказалось. Даже дождевых червей не было.

Под чинарой сделано невысокое глиняное возвышение — «супой» называется. На этой самой супе, которая почти упирается в дувал нашего сада, вечно сидит Салим-ата. С утра до ночи сидит и дремлет, на реку смотрит.

Попробуй подойди к чинаре! И чего такого нашел здесь дедушка, никак не пойму. Подремать охота — шел бы домой, на мягкой постели спал бы. А смотреть... Ну чего смотреть на эту речку, где, кроме гамбузят, никакой рыбы не водится? И то, конечно, если гамбузят можно считать рыбой.

В общем, непонятный человек этот Салим-ата. Недавно Мирвали рассказал, что собственными глазами видел, как вечером дед дремал, прислонившись к стволу чинары, а утром смотрит — старик все еще сидит в том же положении.

— Тут скрыта какая-то тайна,— решил Мирвали.— Не то чего бы ему днем и ночью караулить эту несчастную чинару?!

— Чепуха,— сказал я.— Салим-ата старый человек, и сидит он здесь просто потому, что это ему нравится.

— Ха! Придумает же! — фыркнул Мирвали.— Папа всегда говорил, что чинара — это история!

— История?

— Ну в том-то и дело! — Он вплотную подошел ко мне и тайственно зашептал: — История, о которой говорил папа, лежит именно под этой самой супой, я уверен.

— Под супой? — изумился я.

— Вот именно. Рассуди сам, Батыр, почему Салим-ата не подпускает нас к дереву, днем и ночью сторожит его? Конечно же, он сторожит не супу и не дерево. Он тайник охраняет, зарытый под супой. Где-то, наверное, сотни ученых ищут его, а тут Салим-ата восседает на нем! Понял теперь?

Я молча кивнул. Как не понять — все очень ясно. Только почему не я, а Мирвали об этом догадался? Признаться, кроме него, никто и не придумает такое, потому что он и книжки про всяких шпионов читает, и сам хочет стать разведчиком.

Мирвали задумчиво поглядел на чинару, потом заговорил опять, теребя мой рукав.

— Послушай, Батыр, если мы разыщем эту историю, то на экзаменах запросто получим пятерки. Нас и спрашивать не станут. Ты знаешь, почему многие ученые называются учеными? Раскопал под землей какой-нибудь горшок или каменный топор — и ты уже ученый. Вот бы добраться до этого тайника! Кто знает, может, мы тоже... Верно ведь?

— Вообще-то верно,— ответил я, взволнованный словами друга, хотя не раз слышал, что стать ученым — нелегкое дело.— Только...

— Что только?

— Да сидит же вечно Салим-ата на этой супе! Как ее раскопаешь?

— А! — пренебрежительно махнул рукой Мирвали.— Все это проще простого. Ты соглашайся, а остальное я обдумал.

Надо соглашаться, но на душе как-то беспокойно. И отказываться не хочется: вдруг Мирвали прав и

под супой в самом деле зарыт таинственный клад?

— Будь что будет, — сказал я. — Только давай без фокусов.

— Какие фокусы! — огрызнулся Мирвали. — Мы просто проведем подкоп из вашего сада под супу. Как-нибудь полтора-два метра — и мы у тайны, которую хранит Салим-ата. — А если ничего не найдем, закопаем подкоп, вот и все, — продолжал Мирвали.

— Что ж, это неплохо придумано, — согласился я.

Мирвали тут же побежал домой и принес лопату. Есть у него такая лопата, с короткой ручкой. «Штыковая» называется.

Мы принялись за дело...

Пять дней, как кроты, рылы мы этот подкоп. Работали по очереди. Когда Мирвали подавал из ямы наполненное землей ведро, я смотрел на его чумазую рожицу и меня разбирал смех. И Мирвали смеялся, глядя на меня. Потому что мое лицо тоже было грязное, как у черта.

Мы шикали друг на друга: шуметь ведь нельзя — за дувалом сидит Салим-ата.

Вдруг лопата ударилась обо что-то твердое. Мирвали выскочил из ямы.

— Есть! — сказал он отрывисто. — Дальше копать опасно! Надо подождать, пока старик уйдет обедать.

— Может, он уже ушел?

— Надо посмотреть, — сказал Мирвали.

Я забрался на дувал и выглянул на улицу.

Салим-ата, как всегда, восседал на супе и через толстые очки читал потрепанную книжку, написанную арабскими буквами. Перевернет страницу, отхлебнет из пиалы чаю и опять водит пальцем по строчкам. И охота ему читать такую старую книгу! Шел бы лучше обедать. Ведь давно прошло время обеда.

Я спрыгнул вниз и предложил сбегать поесть. Мирвали сразу согласился.

Когда мы вернулись, старика не было. Мирвали полез в подкоп. Я схватил ведро, которое он подал оттуда, высыпал землю и дрожащими от волнения пальцами стал просеивать ее.

Просеиваю, а сам думаю: «Сейчас я найду такую вещь, которая даже не снилась ученым всего мира!»

Я перебирал землю, но, кроме фарфорового черепка от разбитой пиалы и пожелтевшей бараньей кости,

ничего не нашел. Я внимательно разглядывал свои «археологические» находки, когда вдруг что-то ухнуло. Из норы выполз Мирвали. Он был насмерть перепуган, с него сыпалась земля.

— Супа обвалилась, — сообщил он, задыхаясь, — еле выбрался.

Я залез на дувал. Верно, супа исчезла. Вместо нее под чинарой зияла яма. «Хорошо, что старик ушел», — подумал я с замирающим сердцем и спрыгнул обратно.

— Чего прыгаешь, как козел! — накинулся на меня Мирвали. — Надо подкоп засыпать.

— А супа?

— Что супа! Подумают, пришло время обвалиться — вот и обвалилась. Главное — заделать дыру с этой стороны.

Мы сгребли в яму всю землю, утрамбовали. Притащили пенек, который лежал неподалеку. Он целиком накрыл то место, где мы недавно вели раскопки.

Мирвали забрался на пень. С него теперь можно было свободно разглядывать улицу.

— Смотри-ка! — ухмыляясь, повернулся ко мне Мирвали.

Я поднялся на пенек.

По улице шел Салим-ата.

Старик медленно приближался к чинаре, тяжело олираясь на палку и глядя себе под ноги. «Чему Мирвали радуется? — подумалось мне вдруг. — Ведь Салим-ата ничего плохого нам не сделал, а мы развалили его супу».

Приблизившись к чинаре, дед растерянно остановился. Он стоял долго, сгорбившись, и, часто-часто мигая, смотрел на развалившуюся супу. Потрогал обломанные катыши, попробовал сдвинуть ком земли — не смог. Вздыхнул и беспомощно огляделся по сторонам. Постояв еще немного, старик ушел. Шел он спотыкаясь, хотя и глядел себе под ноги и дорога была ровная.

Мы не могли смотреть друг другу в глаза. Отошли в сторону, сели. Мирвали обхватил колени, опустил голову и долго сидел неподвижно и молча. Я не мог забыть, как дедушка Салим попробовал поднять слабыми своими руками небольшой ком земли и не смог. Что-то застряло у меня в горле, и дышать было трудно.

— Что ж мы наделали, а, Мирвали? — выдавил наконец из себя.

— Да отвяжись ты, разве я виноват, если эта чертова супа обвалилась?

— Мне жалко дедушку. Все это твои глупые выдумки!

— А я тебя заставлял?

— Не заставлял, конечно, — ответил я упавшим голосом, — но придумал такое...

— Хорошо, а почему же ты согласился? Если бы не ты, то я... то не было бы этого... Ты лучше радуйся, что никто не видел, а то попало бы обоим!

— Сам радуйся, а мне нечего...

— Тогда беги и расскажи, что я во всем виноват.

— Сам иди, если хочется!

— Беги, беги, кричи во все горло, говори всем, что я нарочно развалил дедушкину супу!

Мирвали неожиданно всхлипнул и потер грязным кулаком щеку. Мне стало жалко его. Мирвали никогда не плакал. Он не плакал, даже когда сорвался с крыши и расшиб коленку.

Я положил руку ему на плечо.

— Не обижайся на меня, Мирвали. Я тоже виноват. Не нужен был нам этот подкоп.

Мы посидели еще немного, потом разошлись.

Дома я взялся за книжку, решил почитать. Целый час сидел над одной страницей, но так ничего и не понял.

Вернулся с работы папа. Всегда веселый и шумный, сегодня он был чем-то расстроен. Даже от еды отказался, переоделся и ушел. И мама заторопилась за ним.

— Сынок, — сказала она, — ты поужинай один, а я сбегая к Салиму-ата. Он что-то занемог сегодня. Папа пошел за доктором, а я отнесу ему поесть...

Я перекусил, разделся, лег на койку и долго ждал папу и маму. За окном стало темно, часы пробили десять. Я не заметил, как уснул.

Утром меня разбудил Мирвали. Я взглянул на него и испугался: лицо у него было хмурое, осунувшееся.

— Заболел, что ли? — спросил я.

В комнате по полу бегали солнечные зайчики.

— Нет, просто не спал всю ночь, — ответил Мирвали. — Все кошмары какие-то снились.

— Знаешь, Салим-ата заболел,— сказал я.— Вчера мой папа доктора к нему приводил.

— Знаю,— ответил Мирвали.— Сейчас моя мама пришла с ночной смены и сразу побежала к нему.

— Салим-ата очень добрый,— сказал я, вздохнув.— Когда я болел, он приносил мне разные вкусные вещи.

— А мне он всегда леденцовых петушков приносил с базара,— сказал Мирвали.

— Знаешь, Мирвали, давай купим ему халвы. Старики любят халву.

— Давай,— согласился Мирвали.— У меня есть рубль. Накопил, чтобы бинокль отдать в ремонт. Стекло одно выскочило.

— И у меня рубль. Сложимся, как раз хватит на халву. Пошли?

— Пошли.

Халву нам положили в большой кулек. Мы несли его по очереди. От него очень вкусно пахло.

Свернув на свою улицу, мы увидели грузовик. В кузове на кирпичах сидели мой папа и дядя Мирзакарим, папа Мирвали. Заметив нас, они остановили машину и помогли взобраться к ним.

— Вы что по городу бродите? — спросил папа сердито.

Я сказал, что мы вовсе не бродим, а ходили покупать халву для Салима-ата.

Дядя Мирзакарим улыбнулся, подмигнул нам и освободил место рядом с собой. Потом повернулся к папе.

— Так слушай, что было дальше,— сказал он.— В ту пору стояли невиданные морозы. Наш старший сын тогда грудным младенцем был. Жена шла с ребенком по тропинке вдоль реки. И вдруг неподалеку от этой самой чинары поскользнулась и упала. Мальчик отлетел в сторону, а она соскользнула в реку. Ее оглушило, и она бы, конечно, задохнулась, если бы не подоспел на помощь сын Салима-ата. Жену мою он спас, а вот сам простудился, тяжело заболел и вскоре скончался. Вот почему для старика так много значат и река, и тропинка, и чинара... Чинара...

— М-да-а...— задумчиво протянул папа.

— С тех пор старик совсем один, ни детей, ни родни... А сын его уже в те времена был поэтом. Да-

же книга у него вышла. У старика всего один экземпляр сохранился.

— Вот эту-то книгу он и потерял! — воскликнул папа. — Не помнит, куда положил. — Стар уже Салимата, стар.

— Сколько мы его ни просили перейти к нам жить — не соглашается. Трудно ему, а тут еще такая неприязнь: потерял единственную память о сыне — книгу.

Машина подъехала к чинаре и остановилась. Так вот куда везли кирпичи: новую супу будут делать!

Когда мы помогли разгрузить машину и она отъехала, Мирвали отвел меня в сторону.

— Ты не уходи домой. Дело есть, — сказал он тихо.

— Какое еще дело?

— Знаешь, книга Салимата, наверное, упала в яму.

— Откуда ты взял, может, он ее потерял в другом месте?

— Нет, — покачал головой Мирвали. — Помнишь, когда он подошел к супе, на уцелевшем краю стояли чайник и пиала? Значит, он оставлял здесь и книгу. Не найдя книги, он подумал, что потерял ее где-то в другом месте. Сказал же твой папа, что стар уже Салимата. Ведь правда стар! Вот он и забыл!

— Верно, — протянул я удивленно и подумал: «Как это не пришло мне в голову? Вот ведь Мирвали, до всего додумается!»

— Раз-два, и выкопаем книжечку! — сказал я. — Где твоя лопата?

— Ха, лопата! — фыркнул Мирвали. — Придумаешь же такое! «Раз-два»! Тут особая осторожность нужна... Эта книга поэта-героя. Она, может быть, одна-единственная на весь мир. А ты — «лопата»!

Я промолчал. Ну что с ним спорить! А потом ведь... он прав.

Мы подошли к супе и стали осторожно разбирать обломки. Когда вытащили все крупные куски, Мирвали наполнил тубетейку землей и протянул мне. Я передал ему свою шляпу. Дело пошло веселее.

Мы провозились часа три. Я уже сомневаться начал, и Мирвали тоже, когда вдруг показался уголок книги. Мы ее тихонько извлекли, очистили от земли, приладили помятые листы.

На душе стало легко и радостно.

— Пошли отнесем деду книгу,— сказал Мирвали.— Ты возьми халву, а я понесу книгу.

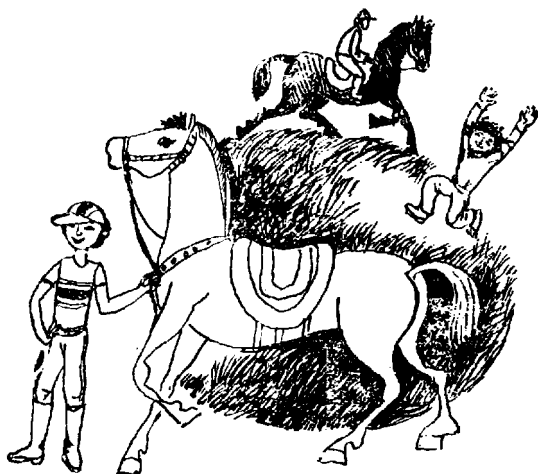
— А что мы ему скажем?

— Лучше всего, конечно, рассказать все, как было. Я сам извинюсь перед ним. И еще я его буду просить, чтобы теперь он жил у нас. Как ты думаешь, он согласится?

Мирвали посмотрел на меня с такой надеждой, будто все зависело от меня.

— Конечно, согласится,— сказал я.

Я почему-то был уверен, что Салим-ата непременно переедет к ним, если Мирвали будет просить его об этом. Очень-очень.

Жеребенок

Из репродуктора льется музыка. Машин видимо-невидимо. А людей и того больше. Со всех колхозов съехались.

Сегодня начало праздника. Один день скачки будут на первенство района, и еще три дня улак — это состязания такие, конно-спортивные, спортсмены друг у друга тушу козла отнимают.

Мы пробираемся сквозь толпу. Спешим. Мирвали волнуется. В руке он держит плетку и бьет ею по голенищу сапога.

— Ты не волнуйся,— говорю я,— главное, не торопиться. Звездка дистанцию хорошо берет, тогда и наверстаешь. А на препятствиях не торопись.

— Ладно,— отвечает Мирвали.

— Звездка — очень горячий скакун, сам знаешь.— Я волнуюсь не меньше, чем Мирвали, и поэтому мне все кажется, что я чего-то не досказал, упустил.

— Я знаю,— говорит Мирвали и поправляет кепку, надетую козырьком назад.

Сейчас он похож на настоящего наездника. Независимо и гордо поглядывает по сторонам. Я ему завидую, но ничего не поделаешь: для соревнований я еще не совсем подготовлен.

«Внимание, внимание! — разносится по полю.— Через пять минут будет дан сигнал о начале скачек.

В соревнованиях участвуют учащиеся шестнадцати школ района...»

Мирвали жмет мне руку и убегает. Я забираюсь на нашу машину. Кабул-ата смотрит на меня, задумчиво щиплет бороду и отворачивается. Он тоже волнуется. Из репродуктора опять льется музыка. Вытянув шею, я смотрю на поле. Кроме Звездки, пританцовывающей на месте, ничего не вижу. Вдруг радио умолкает, наступает глубокая тишина, и глухо раздается выстрел. Это сигнал. Скакуны срываются с места. Я вытягиваю шею насколько могу, но Звездки не вижу. Сзади дышит Кабул-ата. Он волнуется больше всех.

Теперь кое-кто ушел вперед, кое-кто поотстал. Мирвали скачет в середине. Звездка берет препятствия легко, упруго кинув вверх подобранное тело, чутко прижав уши.

Мирвали весь сросся с конем, подался вперед. Иногда он оглядывается, а когда опять приближается препятствие, весь сжимается и чуть отрывается от седла, когда лошадь прыгает.

Звездка идет восьмой. Кабул-ата вздыхает:

— Если не наверстает на дистанции, все пропало. Пошел второй круг. Теперь препятствий нет.

— Звездка, милая, не подкачай, милая, — шепчет сзади Кабул-ата.

— Звездка, Звездка... — повторяю и я. — Ну же, Мирвали, давай же!

Кругом все кричат, волнуются. Звездка идет теперь шестой. Она скачет плавно, словно стелется над землей, а в ней совсем не чувствуется напряжения. Мирвали быстро оглянулся, припал к шее скакуна. Звездка быстро будто прыгнула вперед — две лошади остались позади. Все кругом заревели.

Звездка летела, стремительная и удлиненная, как ракета. Еще одна лошадь отстала. Теперь впереди только трое. Трое!

— Мирвали! Друг! Жми! — кричу я во всю силу.

— Сынок, давай! — кричит сзади Кабул-ата.

Мирвали оглядывается. Сейчас Звездка опять должна прыгнуть вперед. От волнения я закрываю глаза. Слышу топот копыт и шум зрителей. Проходит секунда, минута. Шум на миг стихает, потом будто раскалывается воздух. Над всем этим шумом прорезывается восторженный голос диктора:

«Внимание! Первой пришла к финишу Звездка!»

Победитель состязаний — Мирвали Мирзакаримов...»

— Наш жеребенок победил! Победил! — кричу я, соскакиваю на землю и через все поле бегу к Звездке.

Эта победа была потом, а вначале было вот что.

Мирвали лежал на диване. Глаза его были закрыты, а на животе — книга. От его дыхания книга то поднималась, то опускалась.

— Подъем! — крикнул я. — Вставай!..

Мирвали испуганно вскочил на ноги.

— Сумасшедший! — сказал он. — Я не спал. Просто размечтался. Вот, думаю, творить бы такие дела, как барон Мюнхгаузен.

— Такие дела будешь творить потом, — ответил я, — а сейчас ответь: пойдем мы или не пойдем?

— Конечно, пойдем.

— Почему же тогда не оделся? Ты ведь сам говорил, что в два часа будешь ждать.

— Ну, это быстро! — Мирвали кинулся к вешалке. — Ты иди, я догоню. Только веревочку прихвачу.

Я вышел на улицу. Тополя, выстроившиеся вдоль реки, были белы от снега, будто оделись в больничные халаты. Мирвали выбежал минут через пять, натягивая на ходу шапку.

— Поехали! — крикнул он.

— Веревку взял?

— А как же. — Мирвали распахнул пальто, показал веревку. Он намотал ее себе на пояс. — Бельевая. Дома она все равно сейчас не нужна.

— Послушай, Мирвали, — сказал я, когда совсем мало осталось до конюшни, — а как же мы будем приучать его к себе?

— Потом увидишь, — ответил Мирвали. — На этом деле я собаку съел. Ослы упрямее бывают, я и то справлялся. Помнишь, прошлым летом...

Кабул-ата задавал лошадям корм. Мы помогли ему насыпать ячмень в торбы, изредка оглядываясь на жеребенка, который стоял в самом конце конюшни. На лбу у него белела звездочка. Мирвали взял торбу и хотел пойти к нему, но Кабул-ата остановил его.

— Дай-ка лучше я сам, — сказал он. — Норовистый уж очень. От одного шороха до облаков подпрыгивает. Вы подальше от него держитесь.

Мы молча кивнули, наблюдая за нервничающим

жеребенком. Он пронзительно ржал, брыкался и вставал на дыбы.

— Огонь, а не жеребенок! — вздохнул Мирвали. — Знаешь, вчера председатель приказал отправить его в табун.

— Такого молоденького жеребенка? Это же будет первоклассный скакун! Ты погляди на его тонкие, длинные ноги, а голова, голова — так и стремится вперед. А масть какая!

Мы вышли из конюшни следом за Кабул-ата.

— Удивительный жеребенок, — сказал я. — Если приучить его к себе да объездить, был бы мировой скакун.

Кабул-ата скомкал бороду в кулак, глянул на нас из-под густых бровей.

— Вчера мне говорили, что вы, сорванцы, ему сахар давали.

— Да нет, что вы... — сказал я.

— «Да нет!» — передразнил меня дед. — Матковул это своими глазами видел.

Я прикусил язык. Потому что мы и правда брали у Матковула-чайханщика сахар. «Берите побольше», — сказал тогда чайханщик, — я с вашими родителями рассчитаюсь».

А Мирвали еще взял да ляпнул:

«Мы не домой берем, а для жеребенка Звездки».

Кабул-ата молча смотрел на нас.

— Это мы ему просто сказали, что сахар для жеребенка берем, а съели сами, — пробормотал Мирвали.

Кабул-ата ничего не ответил. Он, наверное, нас только проверить хотел. Потому что Матковул не мог видеть, давали мы сахар жеребенку или не давали.

— Смотрите, не суйтесь к нему, — сказал дед.

— Да нужен он нам! — воскликнул Мирвали. — Чего с ним связываться-то?

— А вообще, жеребенок благородной породы, — вздохнул Кабул-ата. Наверное, он вспомнил, что Звездку скоро погонят в табун. — Ну, да что ж делать! Пойду я, — сказал дед, — оставайтесь, ребятки.

Как только он ушел, Мирвали отвязал веревку.

— Чуть не влипли, — усмехнулся он. — Давай начнем, что ли?

На одном конце веревки он сделал петлю. Другой конец передал мне.

— Ты держи крепко, а я накину петлю.

Мирвали исчез в конюшне. Из темноты доносились неясные шорохи, что-то позванивало и похрустывало.

— Как там дела, Мирвали? — крикнул я.

Ствета не последовало. В конюшне стало тихо-тихо. Потом что-то скрипнуло, затопало.

— Это не жеребенок, а обжора, — буркнул он недовольно. — Целый карман сахару слопал, пока дал накинуть петлю. Ну, давай обвяжи меня.

— Зачем обвязывать? Лучше к колу привяжем.

— Какой же ты объездчик, если привяжешь коня к колу? Придумает тоже. Давай обвязывай... Вот так. Эй-эй, не очень, дышать ведь нечем!.. Порядок!! Теперь хорошо... Иди выводил его. Я подожду здесь, приставлюсь.

Я подошел к стойлу. Жеребенок протянул мордочку ко мне, будто прося сахару. Я отогнал его и распахнул решетчатую дверь. Он и не подумал выходить. Тогда я боком прошел в угол и стегнул его прутом по крупу. Жеребенок заржал и кинулся к выходу. Во дворе остановился, ослепленный ярким зимним солнцем, сверкающим снегом и свободой. Свободу свою он еще не почувствовал, но ему, наверное, странно было видеть такой простор после тесного стойла. Он мог скакать в любую сторону, и ничто бы не удержало его.

— Батыр, ну чего смотришь? — крикнул Мирвали, волнуясь. — Дай ему прутиком, чего он стоит-то!

— Ты с ума сошел. Уволочет ведь!

— Ты за меня не беспокойся, понятно? — крикнул Мирвали. — Говорят, стегани — значит, стегани. Побегает, побегает да и остынет. Потом заведем на место.

Стегать Звездку не пришлось. Жеребенок радостно заржал, туго натянув веревку, дал стремительный круг по двору, потом задрал хвост и устремился в поле. Мирвали побежал за ним. Быстро бежал, только пятки сверкали, да разве долго пробежишь за эдаким-то дикарем! Мирвали упал, и жеребенок весело поволок его за собой.

— Батыр! Эй, Батыр! Да помоги же! — заорал Мирвали.

Его голос словно подхлестнул меня. Я бросился вперед по глубокому следу, который пробороздил своим телом мой друг. Полы пальто путались в ногах, я то и дело падал и зарывался носом в снег. Никогда бы мне не догнать жеребенка, если бы ему вдруг са-

мому не захотелось остановиться. Наверное, он решил немного отдохнуть, осмотреться. Тут я подбежал и уцепился за веревку. Он опять понесся и теперь уже волочил нас обоих. Вначале он скакал здорово, потом стал бежать тише, тише. А потом и вовсе остановился. Видно, все же тяжело ему было нас с Мирвали тащить.

Вот если бы у нас были колеса, тогда другое дело — унес бы куда-нибудь в другой колхоз...

— Послушай, Мирвали, отвяжи веревку,— сказал я.— Может, он сам вернется в конюшню.

— А если не вернется?

Вдруг туго натянутая веревка ослабла. Низко опустив голову, жеребенок шел прямо на нас. От страха сердце мое подпрыгнуло и покатилося куда-то вниз. Я крепче обнял Мирвали.

— Сейчас он покажет нам, как объезжать жеребят,— прошептал Мирвали.

— Не бойся: если съест, то первым съест меня!— ответил я сердито.— Сам придумал все это, и сам же поет!

Жеребенок остановился. Звонко заржал.

— Вставай, побежим,— предложил я.

— Хорошо, только первым вставай ты. У меня что-то ноги... отказываются.

Мы лежали очень долго — может быть, целый год. Мирвали носом в снегу, я на нем. И вдруг жеребенок задышал мне в затылок теплым воздухом. Даже щеkotно стало. Я тихонько открыл один глаз. Жеребенок, видно, ничего плохого и не думал, просто с удивлением смотрел на нас.

— Давай, Мирвали, встанем вместе, разом?

— Давай.

Мы медленно поднялись, жеребенок помотал головой и отступил на шаг. Мирвали осмелел, достал из кармана кусочки сахара и протянул ему.

— На, Звездка, полакомься.

Увидев сахар, жеребенок подался вперед и, вытянув шею, слизнул белые кусочки.

Мирвали опять полез в карман. Протянул руку и попятился. Жеребенок послушно пошел за ним. Видно, очень уж понравился ему сахар, даже не понял нашей хитрости. Зашли в конюшню. Он не задумался и перед решеткой. Я захлопнул дверь. Словно гора с плеч свалилась.

— Подожди, веревку-то мы не сняли,— спохватился уже на улице Мирвали и побежал обратно...

— Не получается,— сказал он упавшим голосом, появляясь в дверях.— Снова, будь он проклят, и близко не подпускает. Лягается.

Мирвали помолчал.

— Попробуй ты, Батыр,— сказал он робко.

И тут же его глаза-пиалки стали еще больше: недалеко от конюшни появился Кабул-ата:

— Все! Попались! Теперь прогонит и близко к лошадям не подпустит! — Мирвали решительно забросил веревку в сарай. Закрыл дверь и уселся на пороге.

— Садись тоже,— сказал он тихо.— Семь бед — один ответ.

— Ие, Мирвали, что это ты весь в снегу? — спросил Кабул-ата.

— Это...— это мы в снежки играли...

— Г-мм... в снежки... Ну-ка, дай мне пройти...

Мирвали отошел в сторону. Дед вошел в конюшню и сразу увидел веревку. Он потянул ее — жеребенок заржал.

— Это еще что такое?

— Мы хотели... хотели, чтобы он свежим воздухом подышал,— ответил я.

Дед метнул на меня сердитый взгляд, подошел к Звездке. Снял веревку и кинул в дверь.

— Убирайтесь отсюда.

Мы, как говорит Мирвали, дали ходу. Только у дома остановились.

— Нехорошо вышло,— вздохнул Мирвали.— Пойдем извинимся, может, не будет сердиться.

— По-моему, лучше завтра пойти. Тогда у него злости будет поменьше.

— Пожалуй, правильно,— сказал Мирвали. Подумал и добавил: — Только вот не до конца довели дело. А жеребенок уже привык было к нам...

— Если дед не будет сердиться, может, и доведем дело до конца. А вообще, мой папа говорит, что начатое дело всегда надо доводить до конца.

— Мой тоже...

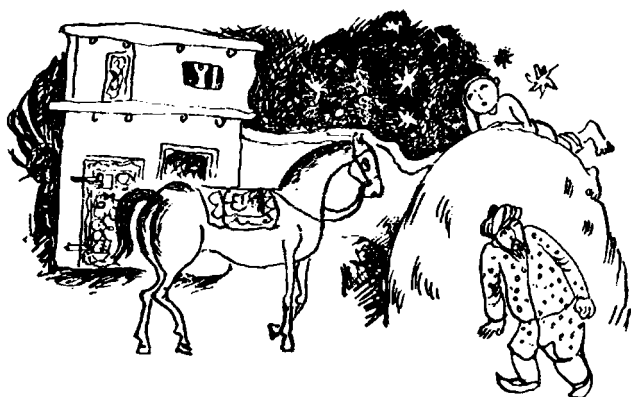
На другой день мы опять пришли. И Кабул-ата встретил нас, как будто ничего и не случилось. Уходя на обед, он погрозил пальцем:

— Без меня не выводите. Вот вернусь, вместе выведем его «подышать свежим воздухом».

Мы дождались деда. И Звездку вывели гулять. Жеребенок теперь не убегал. А скоро совсем привык к нам.

— Его пока нельзя объезжать, — сказал однажды дед Кабул. — У него еще кости не окрепли. Ну, а председатель... Председатель согласился оставить жеребенка здесь, под вашу ответственность. Теперь смотрите у меня...

И вот настал тот день, о котором я рассказал в самом начале...

Звезда упала

Мы с Мирвали, держа сандалии под мышками, плетемся по пыльной дороге. Понесло же нас в такое пекло к моему дяде, который жил в соседнем кишлаке!..

Мирвали завязал концы носового платка узелочками, то и дело окунал эту самодельную тубетейку в арык и, мокрую, напяливал на голову.

Еще когда мы проходили мимо чайханы под огромным карагачом, чайханщик окликнул нас:

— Эй, куда в такую жару идете?! Побудьте здесь, я потом посажу вас на попутную машину.

Мирвали почему-то не захотел ждать. Теперь, видно, жалеет об этом.

Я тоже шел из последних сил. Потом взял и сел под дерево. И стал думать о том, сколько нам еще осталось идти. Выходило, что много: во-он до тех двух карагачей, что темнеют в конце белой дороги.

Мирвали плюхнулся рядом со мной, опустил ноги в арык с бегущей водой и сразу задремал.

— Ну, ладно, посидим немного, — сказал я...

Долгий пеший поход по солнцепеку совсем доконал нас. Мы еле доплелись до дядиного дома и до самого вечера провалялись в тени под навесом. Уже вечером сходили к саю и искупались. После ужина дядя наказал нам идти к нему на дынное поле.

Стало прохладнее.

Мы шли с Мирвали по бахче, перешагивая через крупные душистые дыни.

— Хорошо живется твоему дяде,— сказал Мирвали.

Дядя сидел на корточках возле шалаша и разводил огонь под кумганом. Он пригласил нас в шалаш, расстелил свой поясной платок, как дастархан, и поставил всякие угощения.

— Твой дядя был, видно, упрямым и озорным в молодости!

— С чего ты взял?

— А откуда у него шрам на лбу?..

Тут вошел дядя и сказал:

— Еду ставят не для того, чтобы смотреть на нее.

Он осторожно поставил на пол горячий кумган и сел рядом со мной. Разломил лепешку.

Я украдкой взглянул на него: наверное, он слышал наш разговор. Но дядя, как ни в чем не бывало, резал дыню и приговаривал:

— Ох, дыня, ну и дыня! Мед! Ну-ка, взялись за нее!

С дыней мы расправились быстро. Залили ее сверху зеленым чаем. Ну и вкусный, оказывается, чай, вскипяченный на костре. Дядя постелил себе у шалаша и прилег отдохнуть.

Пришла хорошая теплая ночь. Звезды были крупные и низкие. Мы молчали, смотрели на небо. Вдруг тонкая яркая линия прочертила черное небо.

— Звезда упала,— задумчиво сказал дядя, глядя на белую тающую дорожку на небе.— Я в детстве верил легенде, что у каждого человека есть на небе своя звезда. Упала звезда — умер человек. Это что! Я видел, как моя звезда упала! А сам жив остался, как видите!

Мирвали так и подвинулся к нему.

— Интересно!

И я подвинулся.

— Когда это было, дядя?

Он не торопился. С той стороны, куда дядя смотрел, шла вдоль сая машина, мигая фарами. Она проехала почти рядом с нами и протащила свою длинную прыгающую тень по бахче.

— Давно это произошло, в детстве.— Дядя погладил незаметный сейчас шрам на лбу.— Вот с тех пор

я не верю в то, что «звезда упала — человек умер!»
А не заснете от моего рассказа?

— Нет.

— Ну, слушайте. На этом самом месте, где бахча, раньше было пастбище. А по берегам сая — непроходимые тугаи.

Как-то раз отец по срочному делу отправился в город. Я со стадом остался. Завернул лепешки в пояс и погнал овец через сай — на том берегу трава погуще.

Пасу да оглядываюсь. Времена-то беспокойные. Богачи и всякие их прихвостни не один камень за пазухой держали. Все делали, чтобы подорвать колхозы.

Пасу я, значит, стадо и вижу — всадник... едет прямо ко мне. Подъехал и спрашивает:

— Как тебя зовут?

Назвался.

Он немного подумал и слез с коня. Под деревом расстелил поясной платок, достал из хурджина две кукурузные лепешки, горсть изюма и позвал меня. Я вскипятил чай, стали мы с ним пить, есть. Он все жизнью кишлака интересуется. Ну, я ему и сказал, что у нас не просто кишлак, а колхоз уже.

Тут он улыбнулся мне.

— У вас рядом с правлением находится чайхана?

— Да, — говорю.

— Чайханщика хорошо знаешь?

Да кто у нас не знал этого чайханщика. Хаджиака. Такой услужливый, с каждого слова у него мед канал. Детей всегда одаривал сладостями.

— Понимаешь, — обратился незнакомец ко мне, — хочу дать тебе одно важное поручение.

— Говорите, — сказал я. Он еще раз изучающе оглядел меня и произнес:

— Слышал, что на прошлой неделе в соседнем колхозе подожгли амбар?

— Слышал.

— Поджигателей было трое-четверо. Потом уже оказалось, что и сторож амбара тоже ихний... Он убежал, но, видимо, недалеко. Он в ногу ранен. Где-то в этих местах прячется, может, у вас в кишлаке. Кажется мне — у того самого чайханщика.

Ты присмотришься к чайханщику и, если что заметишь, скажи мне. Я еще раз к вам приеду.

Весь день я думал об этом разговоре. А когда гнал стадо в кишлак, вдруг вспомнил, раньше Хаджи-ака просил меня загнать корову и овцу в хлев, вечно приговаривая: спасибо, мол, сынок! А с недавних пор он или жена встречают свою корову у ворот. И еще у них жил мальчик, сирота Али... Почему он сейчас остается ночевать в чайхане?

И еще однажды Али нашептал мне на ухо: «Как думаешь, это интересно, что Хаджи-ака купил лошадь и она всегда стоит оседланной в стойле?! Днем и ночью, когда ни посмотришь...»

Все это я как следует обдумал и рассказал новому знакомому, который приехал через три дня. Он внимательно выслушал и дал мне странное поручение. Вот какое: этой ночью я должен ухитриться и спрятаться во дворе чайханщика. После полуночи нужно было неслышно отворить ворота. Вот и все.

Я долго думал, как бы это сделать половчес. И придумал: пригоню стадо пораньше, у ворот еще никого не будет, и я спрячусь в стожок сена, что стоит у них посреди двора.

Так и получилось.

И вот ночь. Тишина. Только слышно, как в конюшне лошадь похрустывает сеном, да иногда из внутреннего двора доносится голос Хаджи-ака.

Голова-то у меня была открыта, я просто на себя набросал сена, а сам все видел. Глядел, глядел на небо, уже начал дремать, когда услышал совсем рядом шепот.

— Эх, храбрец!.. — хихикнул Хаджи-ака.

— Осторожность никогда не помешает, — ответил ему голос.

Ночь была лунная, и я сверху все видел. Тот, другой, стоял спиной ко мне. Он что-то еще пробормотал. Пошел проверил ворота, потом конюшню. Хромает! Я так испугался, что меня стало трясти.

— Ну, хватит, идемте! — сказал ему Хаджи-ака.

Но тот не очень торопился. Подошел к стожку совсем близко.

— Почему-то беспокойно у меня на душе! Что-то такое!.. Эх, подлая нога! — он хлопнул по ноге. — Поправилась бы скорее, исчез бы я отсюда!

Стожок задрожал.

— Перестаньте! — недовольно сказал Хаджи-ака. — Сколько можно! Каждый вечер одно и то же!

Хромой продолжал вилами протыкать сено.

— Что сравнится со спокойствием души! — произнес он.

Чайханщик беззвучно рассмеялся:

— С таким сердцем решились на...

И в это мгновение мне в голову будто вбили горячий гвоздь. Я хотел схватиться за это место, но... ничего больше не помню, потерял сознание. Сколько так пролежал, тоже не помню. Потом уже очнулся, глаза не могу раскрыть — кровь залила все лицо. Пальцами кое-как разодрал глаза. Смотрю на небо, а там все прыгает: луна, звезды. А потом ясно увидел, как одна звезда сорвалась и такой четкий белый след за ней. «Конец!» — подумал я.

Долго лежал не шелохнувшись. Через некоторое время ощупал себя — живой! Вот с тех-то пор и перестал я верить в легенду о падающих звездах.

Дядя тихо засмеялся, что-то вспомнив. Покачал головой.

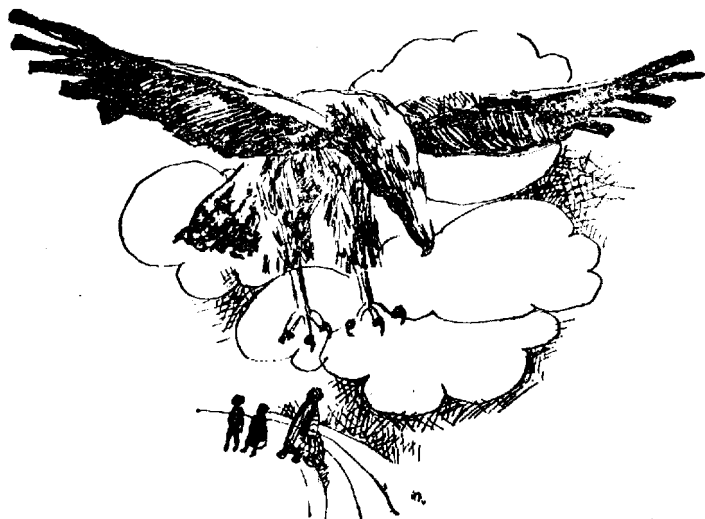
— Ну, а потом что? — нетерпеливо спросил я. — Что потом было?

— Кое-как сполз вниз, побрел к воротам, — продолжал он. — Одной рукой держусь за лоб, а другой хочу сдвинуть подпорку и не могу — тяжелая.

Как уж мне удалось столкнуть ее... Я снял цепь, и во двор быстро и неслышно вошли четверо с оружием. Через несколько минут вывели хозяина и его хромого гостя. Ну, а меня тут же отвезли в больницу. Вот так... — Дядя потрогал лоб.

Я толкнул Мирвали, чтобы поговорить, а он притворился спящим, хотя я знал, что это не так.

Тогда и я стал засыпать. Я лежал на спине, глаза у меня закрывались, закрывались... и вдруг быстрой молнией сверкнула в ночи летящая звезда.

Б е р к у т

Я нехотя дожевал кусок лепешки и отложил в сторону ложку. Снял с гвоздя новенькую соломенную шляпу. Ее купила мама, еще когда решили, что я поеду в кишлак.

— Батыржан! — крикнула из кухни бабушка.

Я остановился.

— Ты куда собрался, внучек?

— Пойду к деду, на бахчу.

— В такую жару! Посидел бы дома. Ты городской, к жаре-то непривычный. Солнце, оно непривычных не любит. Вечером по холодку и пошел бы, если уж такая охота. И, кстати, ужин бы отнес.

Я недовольно снял шляпу, сел и положил ее рядом.

Я очень люблю бабушку и всегда слушаюсь. Но я страшно не люблю, когда меня все еще считают маленьким ребенком. И особенно не нравится мне, когда пытаются пугать всякой чепухой. А бабушка решила даже солнцем припугнуть! Конечно, бабушке трудно понять, что я теперь не прежний Батыр, которого привозили в кишлак мама с папой. Я уже в шестой класс перешел! И вот что сказал папа, когда мама не хотела отпускать меня одного:

«Батыр уже большой парень, джигит настоящий.

Так что пусть едет, а мы приедем через неделю. Чего ему в городе каникулы убивать?*

Не знаю, как можно убивать каникулы, но папа меня здорово обрадовал. Правда, немножко грустно было расставаться с Мирвали, но ведь он тоже скоро уедет в пионерский лагерь.

Папа на такси привез нас на вокзал, я попрощался и уехал один. Целый час ехал. Только у станции, когда мне выходить надо было, какая-то старушка стала тормозить: «Да торопись, сынок, да тебе выходить, да смотри, да осторожней!» Совсем замучила. Это ей мама наказала, чтобы она помогла мне сойти. Будто я сам не смог бы! И вообще, все старушки такие. А вот старики — нет. Поэтому и хотел я улизнуть к деду. С ним веселее. Он все время всякие истории рассказывает. А бабушка весь день занята, бегает по хозяйству, и к вечеру она очень устает. И поэтому не может рассказывать всякие истории, хотя она тоже много их знает...

Бабушка принесла и поставила передо мной полную чашку. Я хотел сказать, что наелся, что уже три часа обедаю, но промолчал. Потому что вспомнил, как мама наказывала слушаться и не обижать бабушку.

— Выпей, внучек, айрану — жару хорошо будешь переносить, — сказала бабушка. — Это кислое молоко, разведенное ледяной водой.

«Много ли, интересно, народу умерло от этой несчастной жары?» — подумал я про себя, взял чашку и нехотя пригубил. Айран оказался очень вкусным. И я выпил его с удовольствием. «Моя бабушка знает, чем угощать», — подумал я с гордостью.

— Скучно тебе, внучек, у нас-то?

— Да нет, уже нет...

— Может, позвать Джуракула? Вы б поиграли...

— А кто это Джуракул?

— Да соседский мальчишка... — Бабушка подумала немного. — Озорства, конечно, ему не занимать, но, в общем-то, он неплохой мальчик.

Она подошла к дувалу и, приложив ладони рупором ко рту, стала кричать:

— Джура-а-ку-ул, эй, Джуракул!

— Чего там? — раздался тонкий, пронзительный голосочек. Трудно было разобрать, кто это кричит, мальчик или девочка.

— Иди к нам, сынок, тут мой внучек приехал, Батыр. Поиграете вместе.

В соседнем дворе не ответили, но через секунду над дувалом что-то сверкнуло, как зеркало на солнце. Оказывается, это наголо бритая голова Джуракула. Мне показалось, где-то я его видел, этого мальчика. У него были огромные глаза. Вначале они глянули настороженно, а потом нагло уставились на меня. Особенно долго изучали они мою новую шляпу. Потом закрылись (остались только узенькие щелочки).

— Чему ты смеешься? — крикнул я сердито.

— А ты не помнишь, что натворил на станции?

— Не... не помню...

— Так и не помнишь? А кому сторож уши драл?

— Откуда я знаю?.. — сказал я чуть слышно и оглянулся.

На мое счастье, бабушка, оказывается, вернулась на кухню. Я с облегчением вздохнул.

— Так заходить к тебе или нет? — провизжал Джуракул.

— Давай прыгай, — поспешно ответил я.

Если у этого Джуракула привычка говорить таким голосом, то бабушка услышит все, даже сидя в Ташкенте.

— Через дувал нельзя, — сказал Джуракул и тут же совсем тихо, почти шепотом, добавил: — Мне твоя бабка за это тоже чуть правое ухо не оторвала.

Сверкнув зубами и бритой головой, Джуракул исчез за забором. Теперь я не сомневался, что он и есть тот мальчик, который спас мои уши. Конечно, я бы его сразу узнал, если бы не этот глупый смех. Когда-то Мирвали тоже смеялся таким смехом. Вот когда и Джуракул отучится, тогда он будет отличный парень. Ведь не будь его, чего доброго, мои уши остались бы в руках сердитого старика сторожа...

А дело было так. Когда поезд подходил к станции, я думал, что на перроне будет множество народу и все с уважением будут глядеть на меня. Я только жалел, что при этом меня не увидят знакомые ребята и Мирвали.

Я сошел с поезда и огляделся. Кругом не было ни души, если не считать тощей рыжей собаки, которая лениво, будто от нечего делать, обнюхивала переполненную мусором урну.

Стояла страшная жарница, земля и небо словно

горели в печке. Я прогнал собаку и потом подошел к водопроводной колонке. Разделся по пояс, влез под кран. Вода оказалась тепленькой, но все же немного освежила.

Я одевался, когда появился сторож. Он на ходу засовывал разноцветные свернутые флажки в брезентовый чехольчик. Старик глянул вверх, будто меня вовсе и не было, лениво зевнул и зашел в свою будку. Оттуда он вынес клетку, прикрытую куском марли. Повесив ее на крючок у двери, сторож вернулся в будку. Внутри клетки ходила какая-то птица и клевала марлю. Мне страшно захотелось увидеть эту птицу. Я поднялся на цыпочки, вытянул шею, но мешала марля. А мне очень хотелось увидеть...

Я на всякий случай заглянул в открытую дверь. Сторож валялся на лежанке, сколоченной из досок, и дремал. Тогда я подошел к сложенным в штабель ящикам, схватил два из них, приволок к клетке. Положил один ящик на другой. Залез на них. Только хотел было откинуть марлю, как ящики закачались, выскользнули из-под ног. Я замахал руками, схватился за клетку. Из нее что-то выскочило, тяжело захлопало крыльями, обдало воздухом, как большой вентилятор, — я свалился. Ясное дело, тут вышел старик и — за уши!

Правда, он держал за ухо не очень больно, но было жутковато. И вот тут-то появился мой спаситель, Джуракул, верхом на ослике зеленовато-фиолетового цвета.

— Хай, Дадавой-ака, за что вы угощаете сего молодого человека столь невкусным угощением? — воскликнул он, весело обращаясь к сторожу. Вместо глаз у него были узенькие щелочки.

— Этот человек, — сторож на минутку отпустил мое ухо и ткнул в меня пальцем, — этот человек заслужил такое угощение за то, что сует свой нос туда, куда его вовсе не следует совать. Было бы очень хорошо, сын мой, если бы ты тоже не делал этого...

Я потрогал свое горящее ухо и кинулся наутек.

Только пробежав половину пути от станции к кишлаку, я пошел тише. «Ничего, — подумал я про себя, — если я попрошу деда, он сколько хочешь и каких хочешь птиц наловит этому старику-сторожу». Подумал так и немного успокоился. А когда увидел бабушку, то совсем забыл об этом случае. Теперь вот

Джуракул напомнил. И у меня опять на душе кошки заскребли: а вдруг я выпустил из клетки знатную перепелку? Ведь тогда никакой другой перепелкой ее не заменишь!

— Пойдем на осле покатаемся,— предложил Джуракул. И тут же добавил: — Да ты не беспокойся. Он, наверное, давно прилетел обратно.

— Кто он?

— Как кто? Беркут!

— Разве в клетке был беркут?

— Конечно. Вообще, это не беркут, а настоящий самолет. Во всем кишлаке такого нет.

— Скажи, Джуракул, а ты видел? Он прилетел обратно?

— Не видел, но куда же он денется? — удивился Джуракул. — Он же прирученный. Обязательно вернется к своей клетке. Не веришь — пойдем посмотрим.

— Бабушка не пустит.

— Почему?

— Опасно, говорит, по солнцу ходить.

— Подожди,— бросил Джуракул и исчез в кухне. Немного погодя он выскочил обратно.

— Айда! — сказал он весело. — Разрешила.

Я схватился за шляпу.

— Только на холодке играйте, хорошо, Джуракул? — крикнула бабушка вслед.

— Понятное дело, — ответил, не оглядываясь, Джуракул. — Дураки мы, что ли, на солнце играть.

Мы вышли на улицу. Солнце спряталось за тополя. Бледные листья безжизненно свисали с веток. У реки лениво бродило несколько коров. Через мост проскочила машина, немного проехала и свернула налево.

— Новая,— сказал Джуракул.— Недавно наш колхоз получил. Если бы она пошла сюда, мы бы разошек прокатнулись. Ну ладно. Ты подожди здесь, сейчас я приведу нашу машину.

Через секунду он вывел «машину» — своего зеленовато-фиолетового осла.

— Подержи-ка,— сказал он и кинул мне поводья. Потом присел, важно подвернул штанины до колен.— Теперь можно ехать.

Он отошел в сторону, разбежался и, подпрыгнув, ловко взлетел на спину осла. Потом кое-как заобрался я и чуть не свалился, потому что осел сразу рысцой припустил к речке.

— Видишь, вторая скорость! — восторженно заорал Джуракул. — Не осел, а вертолет. И притом не простой, а ученый. Как только подойдет к дому Дадавой-ака, — стоп, на месте тормозит ножными тормозами. Потому что там его часто кормят.

— Дадавой-ака — это...

— Да, да, тот самый, что уши тебе хотел оторвать. У него и дочка есть. Такая злючка, знаешь, будто ее все время комары кусают.

Он засмеялся и затянул не своим голосом песенку:

Я бродил среди скал,
Я в снегах замерзал,
Но всегда в трудный час
Ты, как друг, помогал.
Огонек, огонек!

Джуракул пел и болтал ногами, точь-в-точь Ходжа Насреддин в кино. Потом он перестал петь и начал хохотать.

— Ты чего это? — дернул я его за рукав.

— Не бойся, не над тобой. Утром, когда ездил на станцию, смотрю, сидит на берегу эта Джамия, дочка Дадавой-ака, и белье полощет. Соскочил я с осла, подкрался да ка-ак гаркну! — Она — шлеп в реку! Это она с испугу.

Джуракул схватился за живот и затрясся. Осел, как по команде, пошел быстрее.

Потом Джуракул рассказал о том, как выменял на двух голубей своего осла. Посмеялся, что мальчишка этот, хозяин осла, каждый день бегает к нему, просит вернуть.

— Но я сказал, что уговор дороже денег.

И Джуракул опять схватился за живот.

Еще он рассказал, что умеет нырять в реку с самого высокого дерева, что может даже в темноте спелый арбуз отыскать.

— Если хочешь, и тебя могу научить, — сказал он и опять захохотал.

Тут наша «машина» резко притормозила.

— Я же говорил тебе, что это ученый осел, — сказал Джуракул и заорал: — Джамия! Эй, Джамия!

— Чего тебе? — донесся из-за дувала сердитый голосок.

— Волоки корм. Моему ослу кукурузных початков захотелось.

— Что я тебе, прислуга, что ли? Вот выпущу Алапара, он тебе и твоему ослу ноги перегрызет.

— Видишь? — повернулся Джуракул ко мне. — Страшно вредная девчонка. Рассердится — и волкодава может напустить!

Джуракул немного подумал и спрыгнул наземь.

— Ты погоди, — сказал он, карабкаясь на большой тал.

Я с удивлением наблюдал за ним, не понимая, в чем дело. Понял лишь тогда, когда он развязал веревку, протянутую во дворе от тала.

— Поехали! — завопил Джуракул и свистнул.

Белье, развешанное на веревке, взмахнуло крыльями и исчезло за дувалом. Со двора донесся тоненький плач девочки.

— Ты зачем это сделал? Человек ведь трудился, стирал, а ты...

Я сполз с осла и подошел к Джуракулу.

— Ты... ты нехорошо поступил.

— Подумаешь! — отмахнулся он. — Небось не похудела бы, если бы вынесла немножко корма.

— Это ее дело. Захочет — вынесет, не захочет — нет.

— Так ты, значит, против меня, да? А я, дурак, из-за тебя старался.

— Из-за меня?

— Ну да! Кто выпустил беркута? Ты. Кто сидел у бабушки и страдал? Ты. Кто пожалел, решил успокоить тебя? Я! — Он хлопнул ладонью себя по лбу. — Я, Джуракул!

Мне не удалось ответить: скрипнула калитка, и на улицу высунулась Джамия.

— Беркут домой прилетел, — сказала она, — вон, в клетке сидит.

Джуракул сразу расплылся в довольной ухмылке.

— Я же знал! — воскликнул он. — Пойдем, Батыр, посмотрим? Джамия, Алапар-то твой на привязи?

— Заходи, не бойся, — сказала Джамия и пропустила его.

Я шагнул за ним, но калитка с треском захлопнулась перед самым моим носом. Я в растерянности остановился: «Чудеса! Обидел эту Джамию Джуракул, а она наказывает меня!»

— А-а, попался теперь?! — донесся со двора ликующий возглас.

Мне было очень интересно знать, что там происходит. Я нагнул к щели.

Джуракул стоял недалеко от калитки. У ног его лежала огромная безухая собака. Пошевелинется Джуракул — она тут же рычит.

— Не вздумай бежать — без ног останешься, — пригрозила Джамия.

— Брось шутить. Убери этого волкодава, я уйду.

— Я не собираюсь шутить. Держи! — Джамия протянула ему мешок. — Собирай белье и клади в мешок.

— Ха-ха, придумала! — невесело засмеялся Джуракул. — Если нужно, собирай сама.

— Не будешь? Алапар!

Собака посмотрела сперва на хозяйку, потом на Джуракула, приподнялась и угрожающе зарычала.

— Не будешь собирать?

Джуракул сердито вырвал мешок, шагнул в сторону. Собака проводила его взглядом, но осталась лежать на месте.

Джуракул собрал белье и положил мешок перед Джамией.

— Бери свое белье, хозяйка несчастная, — сказал он и направился к двери.

— Ты куда? — спросила Джамия.

— Не твое дело. Сказала, собери — я собрал, а теперь вольному воля.

— Рано еще. — Джамия сунула ему в руки кусок мыла. — Пойдешь на речку и все выстираешь заново.

— Ты с ума сошла! — завопил Джуракул. — Хочешь, чтобы я тебя побил?

— Попробуй только — Алапар на кусочки разорвет.

Услышав свое имя, собака опять прорычала. Джуракул в сердцах выхватил мыло.

— Пойдем, что ли? — крикнул он.

— Ты сам пойдешь. Я сегодня уже стирала, теперь ты попробуй. Повозишься часок, может, узнаешь, легкое ли это дело!

Лицо Джуракула просветлело. Он, наверное, подумал, что если Джамия не пойдет, то не пойдет и собака. А если собака не пойдет, тогда можно будет зашвырнуть мешок в кусты и пойти своей дорогой. Но

собака будто прочла его мысли. Она первая выбралась на улицу.

— А эта собачка пусть остается, ни к чему она там,— с безразличным видом предложил Джуракул.

— Нет уж, эта собачка пойдет с тобой,— ответила с усмешкой Джамия.— Алапар, иди с ним, слышишь? Не отпускай его, Алапар!

Собака кинула мешок и нетерпеливо потянула его в сторону реки. Джуракул ошалело посмотрел на собаку и поспешно поднял мешок.

Удивительная была эта собака! Чисто пограничная. Такая поймает шпиона и ни за что не отпустит, до того ученая. И вообще, я погляжу, все тут ученое встречается: и беркут ученый, и осел, и собака ученая!

— Ладно, пойти я пойду,— сказал Джуракул.— Но потом я обязательно побью тебя. Пусть не называют меня Джуракулом, если не побью,— пригрозил он и повернулся ко мне.— Пошли, Батыр.

— Батыр тоже не пойдет.

— Какое тебе дело до Батыра? — взорвался окончательно Джуракул.— Он-то ни в чем не виноват!

— Я знаю, что не виноват. Просто я хочу попросить его привязать веревку на место. И еще я попрошу его отвести вот это серо-буро-малиновое животное хозяину. А ты иди, без тебя обойдемся.

Джуракул понуро поплелся к реке. За ним по пятам важно вышагивала ученая собака. Джуракул, наверное, голыми икрами чувствовал ее дыхание. Признаться, мне не очень бы хотелось быть на его месте.

Я сделал все, что просила Джамия. Даже отвел «серо-буро-малинового» осла хозяину, а Джуракула все не было. Джамия встретила меня у калитки.

— Стирает вовсю,— сказала она, смеясь.— Я уже ходила, смотрела. Любая девчонка позавидовала бы — так ловко стирает.

Она, оказывается, не такая уж вредная девчонка.

— Хочешь, покажу тебе беркута? — Она посмотрела на меня и засмеялась.— Не бойся, Алапар сейчас у реки. А потом, ты, кажется, неплохой мальчик.

...Джуракул пришел через полчаса. Рядом с ним мирно шел Алапар.

— Это не собака, а дьявол...— закричал Джуракул еще издали.— Ни минуточки отдыха не дала — так и тычется носом в спину.

Подойдя к Джамиле, он сбросил мешок на землю.

— Бери свое белье, заноза.

— Не торопись, дай погляжу, хорошо ли выстирал. Ага, вот эту рубашку совсем не отжимал. Ты, наверное, ее последней стирал и очень торопился. Когда работаешь, нельзя торопиться. На, выжми хорошенько.

Джуракул покорно взял рубашку, отжал.

— Алапар, иди на место! — крикнула тогда Джамия.

Джуракул вздохнул, обтер руки и, повернувшись, тихо пошел к выходу.

— Эх, побил бы я ее, — сказал он на улице. — Да жалко, и так она мучается. У нее недавно мама умерла. Все сама делает: и стирает, и готовит.

— Ведь и правда, ей, наверное, очень трудно.

— Еще как! — сказал Джуракул и оглянулся.

В дверях стояла Джамия. Маленькая, худенькая девочка, и глаза ее смотрели печально и устало.

— Джуракул! — тихо позвала она. — Ты поклялся побить меня, и я знаю, ты обязательно побьешь, раз дал слово. Лучше сделай это сразу, сейчас.

Джуракул отвернулся и махнул рукой.

— Ладно уж...

— А как же теперь тебя звать? — повеселевшим голосом спросила Джамия.

— Джуракулом, как же еще! — гордо ответил Джуракул и улыбнулся. — Разве плохое имя — Джуракул? Джура — ведь это друг!

А ведь правда, неплохое имя у моего нового друга.

Дневник, письмо и первоклассница

Школьная перемена дана для отдыха, это знает самый распоследний троечник. Кому какое дело — я, может, на голове люблю отдыхать. Да, да! Встать, например, у забора на голову и так отдыхать до звонка.

Ага, попробуй встань! Потом полгода будешь доказывать, что ты не сошел с ума.

— Эй, что за шум?

А никакого шума не было. Мы швыряли в небо старую тюбетейку, ну кое-кто повизгивал от удовольствия. Запустишь ее, она вращается, тихо жужжит и поднимается, словно «летающая тарелка», то есть, летающая тюбетейка...

— Спасайся! Алиджан Валиевич!

Все вмиг разбежались.

Тюбетейка еще летала в синем небе, а на площадке уже пусто.

Алиджан Валиевич поднял тюбетейку, отряхнул ее и покачал головой, будто кто-то предложил ему надеть эту тюбетейку, а он отказывался.

Золотой был человек Алиджан Валиевич в прошлом году. В этом он стал нашим классным руководителем и испортился. Вот судите сами:

Было раньше**Теперь**

На переменах он пил в учительской зеленый чай.

Бедные дети на его уроках отдыхали.

Ничего.

Кое-как выпускали в классе две стенгазеты.

Не газета, а мед!

Хс-хо!

Сидит во дворе под тутовником и следит за нами.

Он приходит даже на другие уроки и сидит, как ученик.

Каждую пятницу — собрание в классе.

Не успеем дочитать одну, появляется другая.

Будто улей с пчелами висит на стене.

Уф! Да-а!

Самое интересное то, что в Алиджане Валиевиче ни капли злодейского. Он никогда не кричит, не ругается, даже не хмурится. Лишь изредка пишет короткие записки, вкладывает их в конверт и вежливо говорит ученику:

— Передайте, пожалуйста, отцу.

И все, на такого ученика нападает столбняк. Ученик хватается за голову, перебирает свою школьную жизнь по минутам, мучается в поисках вины. А потом идет с письмом домой, как с хомутом на шее. Есть ли в жизни что-нибудь хуже этого?

Вот и я сижу в пустом классе с конвертом в кармане. Уроки давно кончились. А я сижу, и только друг Мирвали ходит вокруг, вздыхает и пытается меня утешить. Я его не слышу, у меня за пазухой будто поселились десять ежей.

— Вставай, Батыр, так можно с ума сойти!

Я поднял голову и взглянул на Мирвали.

Он подумал и сел рядом.

— Что же ты натворил?

— Откуда я знаю!

— А кто знает?

— Не знаю, кто знает,— уныло сказал я.

Мирвали вздохнул.

— Он ведь до десятого класса будет вот так мучать всех нас. Он сегодня вызывал тебя к доске?

Я мотнул головой.

— А другие?

— По алгебре.

— А, ну да,— вспомнил он.— Ты же трояк получил. Уж если получать, то — или двойку, или пятерку. Все остальное — не оценки.

— Отстань!

— Потом отстану,— сказал он.— А сейчас давай по порядку. Ты утром вышел из дома...

— Ну и что, я вышел?..

— Не ну, а вспоминай. Как шел, с кем разговаривал, что натворил...

— Отстань, говорю. Что толку в моих воспоминаниях?!

— О, глупец! — Мирвали схватил меня за руку.— Ты же не знаешь, о чем письмо? Я не хочу, чтобы ты пережил то же самое, что и я.

Когда-то Мирвали отнес отцу, заслуженному железнодорожнику, точно такой же конверт. На следующий день его отец побывал в школе. А потом что было... «Ох и твердый у отца ремень»,— говорил Мирвали. «А ты откуда знаешь?» «Он дал мне... надеть».

— Не хочешь вспоминать, сразу веди в школу своего отца. Шевели мозгами! Если кого-то отлупил, проси немедленно прощения. Неплохо будет, если отлупленный скажет, что не винит тебя. Еще лучше, если он напишет письменное обращение: «Я, такой-то, сам виноват, что Батыр меня отлупил...»

Я вдруг заревел и вцепился в его воротник.

— Замолчишь ты или нет! С чего бы я стал кого-то лупить?

Мирвали высвободился и отошел от меня.

— А вот за это не только отца, но и мать нужно бы вызвать.

Я вскочил и швырнул в него сумкой. Как всегда в таких случаях, она раскрылась, из нее все вывалилось. Подлый замок в моей сумке! Он не спешит открыться, когда я прихожу в класс с выполненным домашним заданием и тороплюсь показать тетрадь учителю.

Я не стал подбирать тетради и ручки, еще и пнул их и опять заревел — от обиды на всех, и на себя тоже.

Мирвали собрал все, потом подошел и погладил меня по голове.

— Ты уж совсем... переживаешь по себе, как по покойнику. Тебе сейчас очень тяжело, я понимаю.

И голова у тебя соображает не лучше тыквы. И сам ты не можешь разобраться, где хорошо, а где плохо. Но я тебе помогу. Рассказывай весь сегодняшний день по порядку, а я буду отбирать проступки, из-за которых Алиджан Валиевич мог написать письмо. Я же о тебе пекусь, глупый.

— Весь день?

— Ты вышел из дома...

— ...поздно. Времени оставалось мало, и я сел на трамвай. Народу много, почти все едут без билетов...

— Та-ак.

— Что «та-ак»?

— Значит, ты не брал билет?

— Ну не брал. А ты всегда берешь?

— Одна твоя вина прояснилась,— сказал он.—

Валяй дальше.

— Около школы прыгнул с трамвая.

— У трамваев двери всегда закрытые,— не поверил он.

— Всегда были закрыты, а тут оказались открыты. Ну я и подумал... А за трамваем шла машина. Как вильнет и чуть в столб не врезалась. Шофер побежал за мной. Милиционер засвистел. Я так мчался, что прямо с крыльца в классе оказался.

— Ого, это уже похоже на преступление.

Я вздрогнул.

— Что ты говоришь?

Видя мое состояние, Мирвали сжалился надо мной.

— Ты же не нарочно это сделал, правда?

— Я уже пять раз поклялся, что не буду так делать! — вскричал я.

— Ладно, будем считать, что и это проступок. Что еще было?

— А еще встретил тебя в классе.

— Ну, это не преступление, давай дальше.

— А все остальное тебе известно. Во всем, что я потом делал, ты мой сообщник.

Мирвали подпрыгнул, глаза его забегали и, сжав кулаки, он закричал:

— Что ты сказал? Ну-ка, повтори!

— Потом мы все делали сообща — мы сообщники. С лица Мирвали постепенно исчезали веснушки.

— Не так, что ли?

Он тяжело вздохнул и махнул рукой.

— Значит, давай вместе вспоминать. И мы стали вспоминать, сколько натворили за сегодня. Мирвали на большой перемене добыл где-то сигарету, и мы, вытаращив друг на друга глаза, выкурили ее до доньшка. Домашнее задание по родному языку списали у моей соседки, Муниры. Мирвали держал ее за руки, я списывал. Еще в ее портфеле оказалось крупное желтое яблоко. Я ел яблоко и списывал, а Мирвали ел яблоко и держал Муниру. Конечно, за такой грабеж Мунира раскричалась и расплакалась. Мы с Мирвали прожевали яблоко и, довольные, пошли из класса. И в коридоре из-за одной двери услышался тоненький плач. Нанялись девчонки плакать в этот день. Мы заглянули и увидели за последней партией всхлипывающую девчонку, похожую на мышонка. Мирвали потянул ее за косичку, похожую на мышинный хвостик. Первоклашка подняла голову, глаза ее были красны от слез.

— Как тебя зовут?

— Умида-а.

— А чего реवेशь? — спросил я.

Оказывается, получила кол по арифметике.

— Что я теперь дома скажу?

— Уроки учить надо, — наставительно сказал я.

— Ох и жестокий народ учителя, — пожалел ее

Мирвали.

Я придумал:

— Умида, у тебя есть красный карандаш? Давай сюда.

И красиво переправил ей единицу на четверку. Даже учительница не смогла бы так подделать. Самому приятно стало.

— Завтра принеси в школу яблоки, — сказал я Умиде, — сама понимаешь, нелегкая работа исправлять колы.

Но и это еще не все. Мы подсказывали на уроках. Остатком масляного пирожка натерли доску, а потом немного зажали в углу редактора классной стенгазеты Ахмада, чтобы не умничал слишком.

В общем, были у нас сегодня кое-какие дела.

— Да-а, — сказал Мирвали, прохаживаясь по классу, — вот вопрос: за что все-таки Алиджан Валиевич вызывает твоего отца? Вернее, за какой проступок? Скажи сам, что именно он мог заметить?

— По-моему, он все замечает. Сидит за мной, ког-

да я сижу, ходит за мной, когда хожу, смотрит с потолка, когда я сплю.

— Ну, это ты загнул.

— Вот сейчас он слышит наш разговор...

Мирвали оглянулся, подхватил сумку и вскочил.

— Пошли, а то и мне уже начинает казаться...

* * *

На улице Мирвали продолжал меня наставлять.

— Не вешай нос, дружище. Я к тебе приду, мы все обсудим.

— Хорошо,— хмуро сказал я.— Приходи.

— Ты, главное, вспомни все проступки. И запиши, понял?

— Это еще зачем?

— Увидишь,— сказал он.— Во сколько приходит отец с работы?

— Не знаю.

Он удивился.

— Как не знаешь?

— Утром он говорил, что если будет машина, то уедет в совхоз. Тогда — через две недели.

— Эге! Здорово! — обрадовался он.— А ты переживаешь!

— Еще не известно — уехал или нет. Мама дома.

— Письмо кому адресовано?! Отцу. Если отдашь другому человеку, это будет ужасно бесчестный поступок. А тебе сейчас надо жить без ошибок.

«А верно,— подумал я.— Молодец Мирвали. Хорошо, что рядом со мной такой верный друг». Мне стало немного легче. Уже не десять ежей сидели у меня за пазухой, а гораздо меньше, ну, может, два.

Мы шли по новой, только что заасфальтированной улице. Когда асфальт горяч и еще не примят как следует, на такой улице запросто можно оставить «след в истории».

Я уже почти успокоился, раз думал об этом.

— Э-э, смотри, нас зовут.

У тротуара стоял маленький белый старик, похожий на волшебника, помахивал рукой и улыбался нам.

Ну, конечно, такие старики зря махать не будут — на свежем асфальте лежал, набитый под самую завязку чем-то, огромный мешок.

— Помогите поднять его на спину,— кротко попросил старик.

Мирвали засуетился.

— Сейчас, сейчас. Ну-ка, Батыр, берись.

Мешок был словно камнями набит. Я еле приподнял свой край. Старик подставил спину. Мирвали вдруг раздумал грузить мешок на старика.

— Вы где живете, дедушка?

Старик оглянулся на нас и помял в руках белую бородку.

— А что?

— Мы донесем мешок.

«Вот еще! — хотел сказать я. — Что он, мой дед, что ли?! Тащи сам, если хочешь. При чем здесь я, мало у меня своих забот?»

Но Мирвали зашипел на меня:

— Чего вытаращился? Берись!

Я растерялся от этого напора, передал портфель старику и взялся за мешок.

Легче было бы, наверное, скатать уличный асфальт в рулон, чем тащить этот проклятый мешок. Мы несколько раз роняли его. Мирвали расшиб коленку. А однажды чертов мешок упал мне прямо на пальцы правой ноги. Я двигался, как во сне, и мне хотелось выть от злости и от боли.

Улица все не кончалась, я уже начал думать, что она кругосветная.

И вот, наконец, мы свалили мешок у указанных ворот и заковыляли прочь. Старик произнес нам вслед слова благодарности.

Я сказал Мирвали:

— У тебя есть запасные пальцы для правых ног?

— Что? — не понял он.

— Делай после этого добро твоим знакомым...

— Он же твой знакомый!

— Никогда в жизни не видел его,— сказал я.

Мирвали потер коленку.

— Я думал, он твой дед.

— В тибетечку одет,— сказал я.

Мирвали подумал и решительно заключил:

— Твой, мой, какая разница! Все равно ведь он чей-то дед, правда?!

— Ну,— сказал я,— пусть этот «чей-то» и помогает своему деду.

— Почему ты такой тяжелый человек, Батыр!—

вскликнул Мирвали. — Тебе совсем не радостно, что мы сделали доброе дело, да?

Мне очень хотелось сказать, что когда у человека хрустят пальцы и ноет спина, только дурак может радоваться такому счастью. Но потом вдруг почувствовал, что и правда, на душе у меня стало легко.

Мы свернули на узкую улочку.

Я как-то и про письмо забыл. Смело распахнул ворота и вошел к себе во двор.

* * *

Бабушка под урючиной стегала одеяло. Из комнаты слышался шум швейной машины — мама дома.

— Явился! — встретила меня бабушка, поджимая губы. — Завтра бы пришел, чего уж сегодня... Отец сидит, ждет его, чтобы попрощаться, а он!..

— Отец? — у меня внутри все сжалось, я стал меньше ростом. — Он дома?

— Я и говорю, только что уехал, в этот свой совхоз. Связался с такой работой.

Из комнаты вышла мама, и они опять заспорили с бабушкой. Папа испытывает в совхозе новые хлопкоуборочные комбайны. Бабушке на комбайны наплевать, ей хочется, чтобы ее сын больше находился дома, а не в поле. А мама гордится папиной работой, говорит, что папа — испытатель, и это здорово.

Я швырнул под урючину портфель, подбежал к казану и поднял тяжелую крышку. Так и есть — моя любимая мастава. С ветки в казан заглядывал воробей. Я кошкой подпрыгнул, хотел достать его. И, конечно, сам едва не угодил в казан. Затем я протанцевал вокруг казана, пнул курицу, крутящуюся около, и побежал в комнату за касой. И, вернувшись, услышал бабушкино изумление:

— Боже, первый раз вижу, чтобы дети радовались отъезду отца.

* * *

Мирвали важно расселся на диване и взял у меня из рук тетрадь.

— Та-ак, ты вспомнил двадцать две свои проделки. Алиджан Валиевич еще мягко обошелся с тобой. За это весь месяц нужно твоего отца вызывать.

Я промолчал, хотя мог сказать, что это не только мои, а наши проделки.

— Правда, ты сегодня сделал одно доброе дело. С моей помощью!

— Да.

— Учитывая это, один твой проступок можно вычеркнуть, и еще три-четыре тут по мелочи, их тоже вычеркнем. Над остальными надо призадуматься, друг.

Да что он со мной разговаривает, будто он раис, а я распоследний человек! Папа придет лишь через две недели, к этому времени все забудется.

— Думай, если тебе надо,— сказал я.

— Ты письмо отцу отдашь?

— Ну, отдам.

— Он в школу придет?

— Ну, придет.

— И какой там будет разговор?

— Откуда мне знать?

— То-то! — Он поднял палец.— Тебе к этому времени нужно будет исправить все свои поступки. Алиджан Валиевич начнет отцу рассказывать, а ты: «Я давно все исправил, давно уже живу, как ангел». И никто тебя не накажет, все похвалят.

Я спросил:

— И что я должен сделать, чтобы стать ангелом?

— Слушаться меня, это самое главное. Я уже все продумал.

Он потребовал с меня клятву: я не должен его ни о чем спрашивать, а только молча подчиняться и все делать по его указкам. Я дал такую клятву, про себя подумав: там мы еще посмотрим.

Мирвали сказал, что зайдет за мной утром, и ушел домой.

* * *

— Батыр!

Я чуть приоткрыл один глаз: надо же, еще раннее утро, а уже будят. Даже в воскресенье не дадут поспать. На урючине ворковали голуби. Ветерок разносил по двору запах мяты. По мне, лучший на свете звук, когда шкворчит в казане раскаленное масло, а лучший запах — готовой маставы. Или, немного поуже, плова.

Я еще крепче завернулся в одеяло.

— Батыр! Солнце уже высоко!

Сейчас бабушка начнет стаскивать с меня одеяло. О-о, трава чертополох! Кому я помешаю, если еще немного посплю? Спящий человек самый безвредный. На свете было бы меньше худых дел, если бы все подолгу спали. Может, даже войн не было бы. А что: генералы спят, и солдаты спят, и бомбы и пушки спят...

— Батыр!

— Ну что тебе, бабушка? — не выдержал я.

— Выйди, тебя ждут на улице.

Я с криканием поднялся. Одевшись, едва ополоснулся под водопроводом. Мирвали! Терпеливо сидит у наших ворот.

— Пошли!

— Куда?

— Потом узнаешь

— Я еще не завтракал.

— Уже обедать пора, а ты «завтрак» говоришь.

Пошли скорее.

Он обут в коричневые сапоги. Коричневая рубашка застегнута на все пуговицы. На голове торчит форменная железнодорожная фуражка отца. Лицо серьезное, и вообще он похож на маленького мужичка.

Мне хотелось засмеяться, глядя на него.

Я забежал во двор, схватил лепешку, и мы пустились в путь, ведомый одному Мирвали.

Он стучал по асфальту каблуками, как солдат, и бубнил, что ради друга он в огонь и в воду... Я дал ему половину лепешки. Он быстро сжевал ее, потом подумал и сказал:

— А вообще, грех сейчас обижаться на тебя.

— На меня обижаться всегда грех, — сказал я.

— Моя бедная голова должна варить и за себя, и за тебя. — Он снял фуражку и почесал затылок. — Помни, ты во всем подчиняешься мне.

Я кивнул.

— Деньги у тебя есть?

У меня немного было.

— Давай сюда.

Я вытряхнул мелочь из карманов и протянул ему.

Мы подошли к трамвайной остановке. Народу было немного. Стояла ужасная жара, как будто мы из августа въехали не в сентябрь, а обратно в июль.

В тени большого карагача продавали газировку. Стаканы шипели в руках толстой продавщицы. Толкнув меня огромным арбузом, к газировке подошел толстый дядька в соломенной шляпе. Он заказал сразу пять стаканов. Четыре выпил, а пятый вылил себе на лысину. Мне показалось, что лысина зашипела.

Я почувствовал себя лепешкой, пекущейся в тандыре. Со злостью посмотрел в сторону Мирвали: не видит он, что ли, как мне жарко?

Толстяк обтер лысину платком и стал обмахиваться шляпой. В животе у него булькало около литра холодной воды. Я закрыл глаза и представил — передо мною стоит ведро ледяного айрана, и я всовываю голову, ныряю в айран, сажусь на самое дно и пью мелкими глотками, пока не выпиваю весь айран.

Показался трамвай.

— С этого момента ты меня не знаешь. Понял?

Мирвали уже отодвинулся от меня, смотря в сторону. Я ничего не понял.

— Запомни!

Мирвали вскочил в переднюю дверь. Я побежал вдоль трамвая и влез в заднюю. Скоро трамвай тронулся.

Свободных мест не было. Толстяк в шляпе и с арбузом торчал в проходе. Он прижал к груди арбуз, словно тот был алмазный, а не обыкновенный. На сиденьях дремали старик. Несколько молодых людей или читали, или, отвернувшись, смотрели в окна.

На одном из сидений усатый мужчина веселил молодую женщину. Она быстро, как бельчонок, грызла семечки и громко смеялась, как мне кажется, потому что усики мужчины щекотали ее розовое ушко. И еще кокетливо поводила огромными, подведенными синей тушью глазами.

— Неприлично так громко смеяться в трамвае, — хрипло сказал толстяк с арбузом, которому никто не уступал места.

На него и внимания не обратили.

Вдруг в трамвае раздался громкий голос:

— Предъявите билеты!

Усатый вздрогнул, приподнялся, а потом стал громко хохотать.

— Эй, фуражка! Ну и комик!

— Ваши билеты! — повторил Мирвали.

На левой руке его красная повязка. Где он ее раз-

добыл? Мирвали стоял перед усатым, смотрел на него в упор.

— Повеселил народ, мальчик, теперь иди. Вот тебе три копейки, выпьешь стакан воды.

— Встаньте! — крикнул Мирвали.

— Что?!

— Как вам не стыдно! Рядом стоит пожилой человек, с тяжестью, а вы делаете вид, что не видите! Уступите место!

Толстяк придвинулся ближе к ним, подняв слегка арбуз, чтобы все видели, какой он большой и тяжелый. Лицо толстяка стало одновременно жалобным и решительным. Он мог сначала заплакать, а потом дать арбузом по голове усатому, или наоборот.

Отовсюду посыпались реплики в адрес усача. Тот вскочил. Мирвали нахмурил брови, строго оглядывая пассажиров. Многие тут же полезли в карманы, стали бренчать мелочью.

— Предъявите билеты!

Ну притвора, ну пижон! Лучше бы перестал вальять дурака. Вдруг сейчас войдет контролер или его увидит водитель трамвая? Глупец! Нет, надо брать ноги в руки и... пока не попались.

Между тем усач поспешно двинулся к кассе и оторвал два билета. Толстяк также поспешно уселся на его место. Мирвали вытянул газету из целой пачки, зажатой у него под мышками — откуда они? — и протянул жеманной красавице со словами:

— Прочитайте, тетечка, это лучше, чем грызть семечки.

— Спасибо, племянничек, — ответила она. — Сходи на остановке за мороженым.

— Потерпите, тетечка, — сказал Мирвали, — потерпите. Скоро появятся такие трамваи, что вы будете сидеть в мягком кресле, читать газету или журнал, в конце салона вам дадут мороженое, а в другом — газировку. И даже замуж в трамвае можно будет выйти.

Толстяк принялся так хохотать, что арбуз прыгал и колотил его по коленкам.

Люди вокруг улыбались.

Мирвали с пачкой газет пошел по проходу.

— Читайте, товарищи, новости. В Алмалыке построен гигантский комбинат. Самая богатая женщина в мире вышла замуж за советского инженера. Тру-

женики села вырастили огромный урожай хлопка...

Мирвали двинулся в мою сторону. Внезапно остановившись передо мной, он сказал:

— А ты чего, мальчик, смеешься?

Я от неожиданности замер с раскрытым ртом.

— Билета, небось, нет, а смеешься, как с билетом.

— Ты что, сдурел? — с трудом вымолвил я.

— Стыдно, мальчик! Ты в какой школе учишься?

Больше всего на свете в этот миг мне хотелось звездануть его по носу. Да так, чтобы железнодорожная фуражка покатилась по проходу, и, он, сопя и утираясь, пополз за ней под сиденье.

— Придется тебя оштрафовать, мальчик. Что, денег нет? Хорошо, я заплачу за тебя, но надеюсь, что больше никогда не повторится? Надо брать билеты, мальчик.

Меня затрясло от этой потрясающей наглости. Моими же деньгами платит за меня штраф и еще тычет «честным» пальцем мне в грудь.

Если бы Мирвали задержался около меня еще на пять секунд, ему бы не сдобровать. Но он прошел дальше, просто шмыгнул мимо меня. Левая щека его, повернутая к пассажирам, была деловая, суровая, а правая — ко мне — словно сдобная лепешка, намазанная маслом.

Ах ты клоун!

Я хотел двинуться за ним, но в салоне начался скандал. Усач с большеглазой спутницей решили выжить с сиденья толстяка с арбузом и пихали его, кричали про такси и про то, что нельзя ездить в трамвае с вещами, которые пачкаются. Как будто внутри арбуза не красный сахар, а черный мазут.

На остановке в салон вошел водитель.

— В чем дело?

В проходе стоял Мирвали с красной повязкой.

— Ты, брат, кто такой? — изумился водитель.

Мирвали побледнел и отступил. Водитель двинулся на него. Мирвали вылетел из трамвая и пустился наутек. Пассажиры в основном были заняты перебранкой, но кое-кто, конечно, заметил бегство «контролера».

Я тихонько вылез в заднюю дверь.

— Пстой, дружище!

Я уходил от площадки в сторону пустыря.

— Пстой, говорю!

Что они липнут ко мне?

Я брел и думал: доберусь сейчас до седой травы, обобью ее от пыли, лягу и пусть над моим лицом качаются серые венчики. Изгоню из головы все досадные мысли, буду просто лежать, просто смотреть в небо.

— Пстой! Ты ведь сделал еще одно доброе дело. С моей помощью!

Руки мои сжались в кулаки, дышать стало тяжело. «Если сейчас остановлюсь, придушу его. Так проучу, что во сне будет кричать от страха. Из-за этого дурня полдня потерял».

Мирвали догнал меня и тронул за плечо. Я резко обернулся, и он чуть не сбил меня с ног.

— Ну, товарищ контролер, здесь-то что вам от меня нужно?

Он широко улыбался. Железнодорожная фуражка была сдвинута на затылок.

— Ты чего улыбаешься? Думаешь, еще одного зайца поймал?

Я схватил его за шиворот и притянул к себе. Улыбка слетела с его лица.

— Э-э, не глупи! — захрипел он.

Я изо всех сил потащил его к пустырю. Мирвали гораздо сильнее меня. Но не зря моя бабушка говорит: «Яростная овца может загрызть волка» — вот только как впасть в такую ярость? У меня, видно, настал такой момент.

— Отпусти!

Он уперся в пень. Я тащил его с такой силой, что оторвал воротник, и мы повалились в разные стороны.

— Что я тебе сделал?

— Ты не знаешь, что?

— Нет.

— Сейчас узнаешь.

Я вскочил на него и прижал к земле. Мирвали ничего не мог со мной сделать. Он притих и вдруг жалобно зашептал:

— Что ж, ладно. Я сейчас умру, и на тебя ляжет этот грех... Не оставляй меня здесь, отнеси мой холод-

ный труп домой, к родным. Завещаю тебе мой портфель...

Он закрыл глаза, откинул голову и перестал шевелиться. На побледневшем лице ярко выступили веснушки.

Я испугался.

— Эй, ты!

Вскочив, я потрогал его ногой — не шевелится. Лежит, как куль.

— Мирвали!

Да у него лоб ледяной!

— Вставай, проклятье тебе!

Схватив за плечи, я принялся трясти его. Голова у него моталась, будто плохо пришитая. Во мне все оборвалось, я затрясся и кинулся бежать куда-то, ничего не соображая и ничего не видя перед собой.

Сделав круг по пустырю, я вернулся к Мирвали. Он лежал в той же позе. У меня в горле застрял ком, я не мог дышать. Потом я сообразил: расстегнув рубашку, я приложился ухом к его груди. И ничего не услышал, то есть услышал, как стучит в моем собственном сердце и шумит у меня в висках.

Что я наделал! О-о-о! — всхлипывая, я взвалил Мирвали на плечи и куда-то понес. Иду, реву, из глаз текут слезы, не вижу дорогу — куда иду? К людям. В больницу. А может, надо его домой?

— Эй, фуражка упала.

Какая сейчас фуражка, при чем здесь фуражка, пусть она падает к чертям на дно, фуражка...

— Кэму говорю, отцова фуражка!..

Я так и сел.

Мирвали слез с меня, подобрал железнодорожную фуражку, выколотил ее об коленку и устроился на пеньке. И стал скалить зубы, смотреть на меня и приговаривать:

— Я проверил тебя на доброту, на человечность, на дружбу, на мужество...

— Чтоб ты сдох со своими проверками, — сказал я, почувствовав, что язык снова повинуется мне. — Не понарошке, а взаправду.

Встал и направился с пустыря.

— Стой, говорю! Ты с моей помощью доказал, что почти честный человек...

— Только подойди ко мне, я тебе и не то докажу! — И без оглядки пошел в сторону дома.

Алиджан Валиевич уроки объясняет коротко и ясно. На вопросы отвечает тоже коротко и ясно. И быстро просматривает домашние задания.

И, потирая руки, говорит:

— А теперь побеседуем.

В классе наступает оживление. Такие минуты нравятся всем. Беседы дело добровольное: не хочешь — сиди, помалкивай.

Алиджан Валиевич часто шутит, смеется и вообще в это время всем нравится.

Вопросы можно задавать любые. Что такое дружба? Существует ли снежный человек? Почему кошка не падает на спину? В каком году человек полетит к ближайшим звездам?

Мальчишки любили разговоры о спорте.

Девчонок интересовало более странное. «Можно ли в детстве влюбиться?» — как-то спросила Мунира. Мы все засмеялись.

— А что тут смешного? — спросил нас Алиджан Валиевич.

А действительно, что? Ну что смешного в этом вопросе, скажите мне. «Можно ли в детстве влюбиться?» Хи-хи-хи!

О чем нам сегодня хочется поговорить?

Мирвали поднял руку.

— У меня несколько вопросов к вам, учитель. О проступках и о чувстве вины.

Алиджан Валиевич торопливо протер стекла очков и посадил их на нос.

— Это интересно, давайте послушаем.

— Например, я или кто-то совершил проступок, — Мирвали покосился на меня, — и мне очень хочется скрыть...

— Есть хорошая народная поговорка, — сказал Алиджан Валиевич, — «Если скроешь болезнь, температура выдаст».

Мирвали кивнул и продолжал:

— Этому человеку надо сразу признаться, или он должен сначала исправить свою ошибку?

Алиджан Валиевич, подумав, сказал:

— Это все не так просто. В некоторых случаях надо сразу признаться, и иногда бывает так, что признаться некому, кроме себя. В других — надо исправ-

дяться. И потом, Мирвали, путаешь ты ошибку с виной. Это разные вещи.

Мирвали упорно гнул свою линию. Он уже не глядел на меня, но я-то знал, за что он так старается.

— Виновный обязательно должен быть наказан?

— Я вспомнил одну сказку,— начал Алиджан Валиевич.— Как-то была страшная засуха. Наступил голод. Собрались звери и стали решать, кто из них согрешил. Лев сказал: «О, на мне тяжкий грех! Я недавно убил быка и съел». «Что ты, лев! — сказали другие звери.— Разве это грех!» Леопард сказал: «Я недавно козу убил». «Ну, это не грех» — успокоили его. Шакал признался, что поймал и съел курицу. И это, оказалось, не грех. Тут овечка призналась, что щипала траву на склоне. «Вот это грех! Это страшный грех!» — закричали все звери, бросились на овцу и разорвали ее. Я рассказал это к тому,— продолжал учитель,— что наказание должно быть не просто ради наказания. Ясно?

Садясь на место, Мирвали подмигнул мне. Я отвернулся от него. Я его и знать не хотел после трамвая, пустыря и такой провокационной беседы. И что он вьется вокруг меня, как иголка вокруг проехи! Язык бы ему, проклятому, вырвать. Улыбается еще!

Кто-то спросил учителя «Что такое счастье?», но в это время прозвенел звонок. Алиджан Валиевич сказал:

— Вот и задание на дом. Напишите сочинение на тему: «Что такое счастье». Попробуем все вместе разобраться в этом.

Проходя мимо меня, Мирвали шепнул: «Пойдем, разговор есть». Я нарочно задержался. И, конечно же, попался на глаза Алиджану Валиевичу.

— Ты передал отцу письмо?

У меня забилось сердце. Я объяснил, что отец уехал в командировку и вернется, наверное, не скоро. Потом вынул из портфеля письмо и положил его на стол.

— Нет, нет, держи его при себе,— сказал он.— Когда-нибудь ведь отец придет, тогда и отдашь.

Я снова сунул письмо в портфель и вышел из класса.

Счастливые дети резвились, шумели, визжали, бегали по двору. Я же, как та злосчастная овечка, стоял на крыльце, ощущая в руке тяжесть портфеля.

Он бы, наверное, без дополнительных камней пошел ко дну, такая тяжесть. Утонул бы портфель с письмом, с меня бы и взятки гладки. А что, может, попробовать?

Кто-то потянул меня за рукав. Я обернулся и увидел Умиду.

— Что тебе?

— Беда, — прошептала она, — идем.

Оказалось, глупышка опять заработала кол по арифметике...

* * *

Лежа во дворе на айване, я размышлял о счастье. Бабушка сидела рядом, вышивала сюзане и сама по себе улыбалась.

— Папа твой приедет в субботу.

Вот и подумай после этого о счастье.

Я перешел в комнату и лег на диван. О счастье хорошо думать когда... ты счастлив. Например, когда лежишь у реки, на теплом песке, а совсем близко от тебя варят обед и в небо лениво поднимается синий дымок. Не так уж плохо помечтать об этом на бахче, особенно после ужина. Сверкают миллионы звезд, чудесно пахнут спелые дыни — андижанские и еще разные.

Что-то мне мешало думать в полную силу, будто над ухом вилась муха. Я встал и выглянул в окошко. Так и есть: за забором пела Мунира.

— Эй ты, певица! — крикнул я, и когда она выглянула через забор, посоветовал: — Выключись! Я тут уроки делаю, а ты блеешь, как коза.

Она обиженно скрылась. У, чтоб глаза мои не видели тебя!

Счастлив ли вон тот кот, что развалился во дворе? Пожалуй, нет. Он молотит хвостом и точит когти при виде голубя на дереве. А ползет за ним — или сорвется, или получит палкой от бабушки, или голубь улетит. В этом отношении мы с ним одинаково несчастны. Вот голубь или Мунира — другое дело. Поклюют, крылышками похлопают, песенку споют — и счастливы.

От таких дум у меня голова распухла.

— Бабушка, — окликнул я, — скажи: что такое счастье?

Она отложила вязание и взглянула на меня поверх очков.

— Для меня?

— Да, для тебя.

— Скорое возвращение домой твоего отца.

Это что ж, счастье бабушки — мое несчастье, что ли? У меня совсем все в голове смешалось. Я ощутил себя страшно одиноким.

Был у меня хороший, верный друг...

Вскочив с дивана, я ринулся во двор, оттуда за ворота и побежал к дому Мирвали. Где ты, мой единственный друг? Прости меня и распахни ворота своей души. Я иду к тебе!

* * *

— Говорит, подождем отца?

— Да.

— Видимо, твои проступки настолько тяжелы, что...

— Наверное.

— Но до приезда твоего отца еще шесть дней...

— Вот именно.

— Ты еще справишься, будешь, как стеклышко..,

— Конечно.

— С моей помощью!

— Хм.

— Но и от тебя самого зависит многое...

— Я понимаю.

— Учись хорошо.

— Хорошо.

— Какие у тебя отношения с Мунирой?

— Сам знаешь, какие.

— Ты ее не обижай.

— Нужна она мне.

— Бабушку и маму слушайся.

— И так слушаюсь.

— Никого не обижай.

Я не выдержал:

— Да кого я могу обидеть!

— А меня? — горько сказал мой друг Мирвали. — Да уж ладно, я тебя прощаю, у тебя сейчас голова, как тыква.

— Я где-то читал, что если человеку постоянно

говорить «Ты свинья», он в конце концов будет хрюкать. Я потрогал свою голову.

— Болит?

Я тупо кивнул.

— Ничего, сейчас развеется. — Мирвали достал свои тетради и разложил передо мной. — Делай уроки. Сначала здесь, потом перепишешь в свои. Мне некогда, голова забита, как тебе помочь. Ты занимайся только уроками, обо всем остальном позабочусь я.

* * *

Еще никого нет не только в классе, но и во всей школе. Я сижу один, ранний дурак, и глазею в окно. Зачем Мирвали просил меня прийти в школу пораньше? Где он сам?

Я уже хотел пойти на улицу, как дверь распахнулась.

— Никого еще нет? — запыхавшись, спросил меня Мирвали.

Я пожал плечами. Как будто он сам не видит — есть или нет.

— Уроки сделал? То есть, переписал с моих тетрадей?

— Да, — сказал я.

— Покажи! — потребовал он и похвалил: — Молодец! Э-э! Идет! — и полез под последнюю парту. — Меня здесь нет, понял?

В двери появилась Мунира. Я вытаращился на нее. Она сияла, как новогодний шар из тонкого стекла. На ногах — красные чупячки. И улыбается.

— Здравствуй!

— Привет, — буркнул я.

— Вот я и пришла.

— Ну и что?

Она радостно:

— Ты думал, я не приду так рано?

— Ничего я не думал.

Она посмотрела на меня с удивлением и призадумалась. Но потом громко рассмеялась и произнесла:

— Смешной ты, Батыр. Ты что, не мог сказать это устно, обязательно надо писать?! Здесь ничего страшного или странного нет. Разве не могут дружить мальчик с девочкой?..

Ох, не нравятся мне эти загадки. Я уже открыл

рот, собираясь послать ее к черту и таким образом прояснить наши отношения, как из-под парты с грохотом вылез Мирвали.

— Могут! — выкрикнул он. — Конечно, могут дружить, Мунира! Не обращай на него внимания, он онемел от радости. Вот тебе от нас подарок! Оп!

Выхватив из кармана яблоко, он протянул Мунире. Она покачала головой. И уже не улыбалась.

— Бери, пока дают! — Мирвали насильно всунул ей яблоко. — Уроки сделала? А то вот, переписывай. Давай, давай, долг платежом красен.

Мунира села за парту и, что-то вспомнив, принялась хохотать. И передала мне записку: «Мунира, давай с тобой дружить. Ты не думай, на самом деле я хороший мальчик. Приходи завтра в школу в полвосьмого. Батыр».

Она выбежала из класса.

— А иначе как можно было ее заманить пораньше! — сказал Мирвали, отводя от меня глаза.

* * *

У нас был пустой урок, и мы ошалело гоняли во дворе мяч. Я стоял на воротах и прыгал, как тигр, а мне кричали: «Растяпа!» Я расшибал коленки, доставая мячи, а мне показывали — разиня, куда смотришь!

А когда Мирвали — нападающий нашей команды — вколотил мяч в наши же ворота — мне! — я плюнул и покинул ворота.

Мирвали побегал за мной.

— Я же не нарочно!

На крыльце школы стояла Умида. У нее было испуганное лицо.

— Папа попросил передать, — сказала она и протянула мне свернутый листок.

— Что это?

— Письмо учительнице, — прошептала она.

— Ну и отдай учительнице.

Умида боязливо залепетала:

— Вы прочитайте, там ужас что написано.

Я решительно взял листок.

— Читать чужие письма...

— Дай мне! — сказал Мирвали, и я передал листок. — У меня совесть чистая, ничего, если появится маленькое пятнышко. «Уважаемая Салимахон, примите от меня букет самых лучших пожеланий». Ишь, как написано!

— Читай дальше.

— «Извините, что не могу зайти к Вам и узнать лично, как занимается наша дочь Умида».

— Спросил бы нас, — сказал я.

— «Меня очень смущают ее оценки. Тетради Умиды похожи на коврики, расшитые синими и красными нитями. Нет ни одного неисправленного слова. А оценки, тем не менее, хорошие. Мне кажется, к детям можно и нужно предъявлять больше требовательности. Или, может, сейчас новая методика обучения? Не сочтите письмо за дерзость. С бесконечным к Вам уважением».

— У тебя отец кто, поэт? — спросил я.

Она шмыгнула носом.

— Нет, шофер.

Мирвали с растерянным видом держал письмо в руках.

— Ну, дела-аа...

— Да, — сказал я.

— А все ты виноват.

— В чем я опять виноват? — закричал я, обозлившись.

— Если бы в первый раз не переправил кол на четверку, ничего бы не было.

— А кто повел меня? Кто подталкивал за руку?

— Не кричи на меня! — закричал он. — У меня голова кругом идет, я уже ничего не соображаю — где твоя вина, где моя.

Я ткнул в письмо.

— Здесь твоя вина!

— Все твои проделки гроша не стоят по сравнению с этим! — Он потряс письмом. — Это преступление, понимаешь? Давай выпутываться.

В конце концов, немного успокоившись, мы стали думать, как исправить положение. Записку отдали Умиде, она не передаст учительнице до тех пор, пока не придумаем какого-нибудь выхода.

И придумали.

Был один путь — из Умиды сделать отличницу. Настоящую. Заниматься с ней до седьмого пота. Хотя кулаками вдолбить в нее арифметику с грамматикой.

А чтобы ее отец не пришел в школу не ко времени, нужно самим прийти к ним домой. Мы и отправились. У меня в кармане лежало «рекомендательное письмо». «Уважаемый Аскарджан! (Имя отца мы узнали от Умиды.) Я бы хотела попросить Вас прийти в школу через месяц. Видимо, я и правда снизила требовательность к Вашей дочери. Это потому, что она очень ласковая девочка и нравится мне. Сейчас я посылаю к Вам двух отличников, они — гордость нашей школы. Ребята дисциплинированные, по знаниям им нет равных (Мирвали настаивал на таких фразах: «Они очень сообразительны. Головы у них полны мыслей»). Я с трудом убедил его не писать такую чушь.) Если Вы им разрешите, они после уроков будут заниматься дополнительно с Умидой».

Через синие ворота мы вошли в большой двор. В центре двора стоял айван с резными подпорками. Вокруг него росли крупные розы, источавшие сладчайший аромат. Как здорово, наверное, спать на этом айване. Сутками можно не вставать.

На айван падала тень грушевого дерева. Высоко в ветвях щебетали птицы. Где-то журчала вода.

Во дворе никого не видно.

— Умида! — позвал Мирвали.

Под грушей качнулся гамак и показалась голова Умиды.

— Бессовестная девчонка! Дрыхнешь? — сказал я. — Где мать или отец?

— Она протерла глаза.

— Дома.

— Зови.

Мирвали буркнул мне:

— Не умеешь держать себя в руках. Учись у меня.

— Ладно, ладно.

— Внимание, — вполголоса сказал он, — мать идет.

На дорожке, выложенной красным кирпичом, показалась молодая женщина. Где-то я ее видел. Волосы собраны на затылке в пучок, глаза большие, подведены синей тушью... Очень приветливо она пригласила нас на айван, проворно поставила столик на малень-

ких ножках, постелила белую скатерть, и тут же появилась всякая всячина — сладости, сдобные лепешки, виноград, фрукты.

— Да, с сегодняшнего дня мы обязательно возьмем над Умидой шефство, — время от времени приговаривал Мирвали, отхватывая громадный кусок торта.

Потом он пустился расхваливать Умиду, сидевшую напрогив нас — какая, мол, она способная, но только способности у нее скрытые, внутренние. Умида прижимала к себе такую страшную, затрепанную куклу — без волос и одного глаза, что мне становилось тошно и кусок в горло не лез.

Умида усиленно моргала нам, когда мать не смотрела в ее сторону. Ну не дурочка ли!

Мирвали намазал мед на масло.

— Через месяц, пусть я умру, если она хоть одну четверку получит!

Хозяйка принесла чай.

— Я очень рада, что вы решили помочь Умиде. И отец будет рад. Единственная дочка...

Мирвали пододвинул себе под бок подушку. Мне казалось, что он уже разбух, а все ел и ел. Я не знал, куда деть глаза, и уставился на розы.

И тут в воротах показался отец Умиды. Тот маленький кусочек лепешки, что я отщипнул, встал у меня поперек горла. У него были очень запоминающиеся усики. Поэт, шофер, отец Умиды, безбилетник... Нет, такие задачи не для моей бедной головы.

Не видя хозяина, остановившегося за его спиной, Мирвали благодушествовал. Он уже сам себе казался важным лицом и говорил, значительно выставив перед собой палец. То есть, он не просто говорил, а держал речь.

— ...учителя часто советуются со мной. Прямо так вызывают и говорят: «Без тебя, брат Мирвали...»

И вдруг лицо его вытянулось, побледнело. Кусок лепешки, уже политый медом, он принялся солить, перчить, поливать соевым соусом. Все смотрели на него. Закрыв глаза, как во сне, Мирвали поднес лепешку ко рту... Ожидание взрыва захватило меня. А чего еще ждать, если человек откусывает стабилизатор бомбы?..

Но протянулась рука отца Умиды, он вежливо отнял кусок у Мирвали и с укоризной сказал жене:

— Следи за гостями, дорогая, угощай нормально.

И пошел к крану ополоснуть руки.

Мирвали бочком сполз с дивана и сказал, глядя в сторону:

— Мы пошли, спасибо.

— Куда же вы? — удивилась хозяйка. — Сейчас обед будет готов.

— Нет, нет! Нас ждут!

Он свирепо посмотрел на меня: вставай! А я все сидел, и бессмысленно улыбался, и вспоминал бабушкино изречение: «Одна ложь тянет за собой другую, но всему на свете приходит конец».

Узнал ли Мирвали отец Умиды?

За воротами, когда мы торопливо свернули за ближайший угол, Мирвали мрачно сплюнул и прохрипел:

— Теперь все! Отступать некуда! Или умри, или сделай из нее отличницу.

* * *

Мне думалось: хорошо, должно быть, живется на свете учителям. Их встречают стоя, разговаривают с ними почтительно. Ученики дрожат, а учителю это приятно: захочет, вызовет к доске, захочет, оценку не поставит. Он всех погоняет, а его — никто.

Мирвали мне сказал:

— Мы с тобой разделим работу поровну.

Я кивнул: правильно.

— Но я возьму на себя самую тяжелую часть: я буду объяснять Умиде уроки.

Благородный у меня друг.

— Тебе остается многое: ты будешь отвечать за ее отметки.

Я машинально кивнул, а потом опомнился.

— Э-э, так не пойдет.

— Я тебя знаю, ты не умеешь работать с детьми! — продолжал он. — Уроки буду давать я.

— А отвечать — я?

Мы начали переругиваться. Так и вошли в первый класс, где нас ждала Умида. Она глядела в окно и что-то мурлыкала себе под нос.

Мирвали важно кашлянул в дверях. Как будто не слышит. Я тоже кашлянул. Ноль внимания.

— Вот такую невоспитанную девочку придется нам учить! — громко сказал Мирвали.

Умида с улыбкой обернулась, достала из кармана

три шарика курта и протянула нам. Мирвали с суровым лицом прошагал мимо нее и сел на учительское место.

— Ты сядь с ней рядом! — велел он. — Для начала поговорим о дисциплине. С этим делом шутить нельзя, дисциплина должна быть хорошая, а еще лучше — отличная...

И пошел, и поехал... Клянусь приездом отца, я бы так не смог. «Ученье держится на дисциплине, это фундамент науки, знания даются только дисциплинированным ученикам...» Тьфу! Вырастет, плут, будет морочить своими речами.

Умида тихонько подвинула мне курт. Я положил белый шарик на язык и начал перекачивать его во рту. Кисленько стало во рту. Умида тоже катала за щекой шарик курта.

— Эй, я для кого говорю! Ты что мне рожи корчишь?

Умида растерянно заморгала.

— Вот он тоже так делает.

Мирвали хлопнул по столу.

— Я тут из кожи лезу, а он!..

— Ты не очень лезь, а то и правда вылезешь! — сказал я.

— Что?

— Ничего.

Мы опять стали переругиваться и довели дело до скандала. Мы кричали, замахивались друг на друга кулаками. А когда опомнились и замолчали, Умида часто моргала, морщилась и держалась за голову.

— Ой, раскалывается... сейчас лопнет!

— Завтра ты должна получить первую пятерку, — приказал ей Мирвали, — по дисциплине.

Она послушно кивнула.

— Хорошо, получу.

И подхватила портфель.

— Куда?

— Домой, — плачущим голосом сказала она. — Ой, моя голова!..

У меня у самого разболелась голова, прямо гудела, как пустой барабан. Да и у Мирвали, наверное, тоже. Мы разрешили ей идти домой.

А когда мы вышли из школы, Умида с веселым смехом гоняла во дворе в «классики».

На другой день мы устроились так же, только Мирвали был краток.

— Доставай тетради!

Умида сморщилась.

— У меня опять голова...

— Видишь? — Мирвали показал ей кулак. — Не пройдет голова, возьмусь лечить. Пиши пример!

И сам на доске крупно написал: $5-2=7$

Умида сунула палец в рот и уставилась на доску.

— Ну! Сколько будет?

Молчание.

— Я жду! Какой ответ?

Она пожала плечами.

— Убери палец, дуручка!

Умида положила руки на парту.

Я увидел, что она вот-вот захнычет. Поэтому подошел к Мирвали и прошептал ему на ухо:

— Ты чего орешь? Учитель! Говори мягко, с улыбкой.

Мирвали насильно улыбнулся.

— Сколько получится?

— Чего получится?

— Вот! Вот! — заорал Мирвали и ткнул мелом в вопрос. Сколько здесь получится?

— Чего получится?

Мирвали закатил глаза. Мне показалось, что из его ушей повалил дым. Я вскочил и громко объявил:

— Перерыв пять минут. — Вывел Мирвали в коридор.

Он шипел и тряся, как чайник на огне.

— Чего тебе?

— Так нельзя! — решительно сказал я.

— Что нельзя?

— Ты сам не лучше Умиды. Во-первых, успокойся.

— Мне хочется надавать ей пинков! — Он принялся бегать по коридору. — Кэ-эк дать ей!

— Арифметика очень капризная наука, — сказал я. — Надо проводить урок с наглядными пособиями.

Мирвали дико посмотрел на меня и пошел в класс. И я за ним. Умида весело, за обе щеки, уплетала сэмсу.

— Что у тебя еще в портфеле?

Она подумала, что мы решили ограбить ее, и прижала портфель к груди. Я еле успокоил ее. Портфель сластены был полон «наглядных пособий»: орехов, миндаля, конфет и печений. Это целый буфет, а не школьный портфель.

Мирвали раскусил один орех. И я раскусил. Орехи были вкусные.

Мы сидели и грызли орехи. Долго сидели.

Потом я спохватился. Выстроив на парте пять миндалин, я заставил Умиду пересчитать их и отвернулся. Мы две миндалины спрятали.

— Сосчитай, сколько осталось?

Умида посмотрела на миндалины.

— Вы украли...

— Сколько тут осталось? — закричал на нее Мирвали.

— Не кричи на ребенка! — закричал я на него. — Сколько же тут осталось, девочка?

— Вы думаете, я не знаю?

— Что ты знаешь?

— Что вы спрятали в карман.

— Молодец, правильно, — сказал я. — Мирвали спрятал в карман. Украл и спрятал. Сколько косточек он украл?

— Я — вор?! — закричал Мирвали. — Нате ваши косточки!

— Мирвали украл две косточки! — Умида захлопала в ладоши.

Я не давал ей опомниться.

— А сколько осталось на парте?

— Три.

— Молодец, умница! Теперь другой пример: возьми одно печенье, три ореха, две конфеты и вот этот курт... Сколько всего получается?

Ха, да она такие примеры, оказывается, решала, как семечки щелкала.

Я в конце так устал, что с трудом ворочал языком. Распух он у меня, что ли? Грузчиком легче работать, чем учителем. Как им, беднягам, достается от нашего брата!

На наших глазах Умида сделала все домашние задания.

Нас с Мирвали качало от усталости. Умида, помахивая сумкой, уже мчалась домой, а мы еще остались в классе, не могли отдышаться.

Вот это работа!

* * *

Вот и все! Приехал отец. Ну что ж, когда начинаются наказания, уходят прочь страхи. Как видите, и за две недели, ожидая отца, стал философом.

Рано утром кто-то потянул меня за ухо. Легонько так. Я подумал, что это бабушка, и пробормотал, чтобы отстала. Потом потянули одеяло. Я гневно открыл глаза и увидел обросшего бородой улыбающегося отца.

Я уже не помню, как встал, умылся, завтракал. Очнулся только в школе.

— Отец приехал,— убито сообщил я Мирвали.

— И ты отдал ему письмо,— понимающе сказал он.

Мирвали обнял меня.

— Правильно сделал. Вечером отдашь. При мне. Потому, что я свидетель, как ты исправился. С моей помощью! Не трусь! Я буду рядом с тобой.

* * *

Не зря говорят, что у людей, сидящих в одной лодке, одна судьба. Мы с Мирвали два часа дожидались отца. Молча. Мирвали только сочувственно смотрел на меня и вздыхал.

Вот загремела калитка, отец пришел с работы. Умылся под краном во дворе. Вошел в комнату. Поздоровался с нами. Сел за стол. Мама налила ему шурпу.

— А где ваш аппетит, богатыри?

И я подсунул конверт. Отец повертел его в руках, отложил, но потом попросил ножницы.

Я просто не успел заметить, куда и как исчез из комнаты Мирвали. Растаял, как дым. Бросил меня, паразит! Ну что ж, за все, что делаешь в жизни, надо платить самому. Как за проезд в трамвае.

Я приготовился.

Папа отложил письмо в сторону и продолжал ужинать. Ничего себе, нервы у него! Наконец, он отодвинул тарелку и сказал:

— Передай Алиджану Валиевичу, что можно в любое время.

— Что можно... в любое время?..

— Прийти на завод с экскурсией. Разве ты не знал, о чем письмо? — удивился он.

Я знал, о чем **МОЖЕТ БЫТЬ** письмо. Но не угадал.

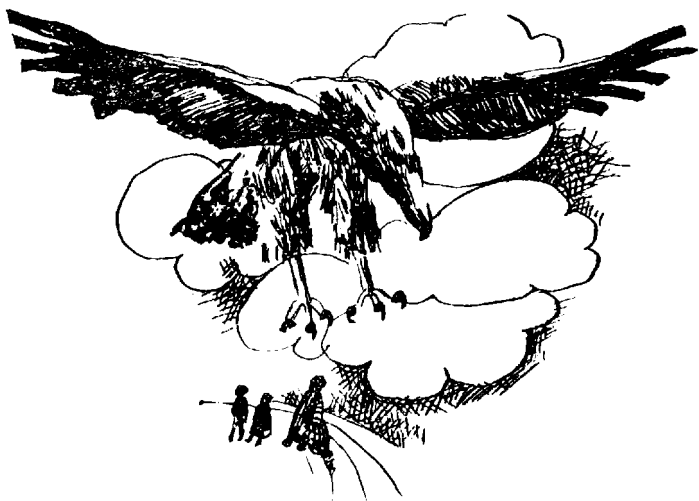
Алиджан Валиевич внес в класс стопку тетрадей.

— Да, каждый понимает счастье по-своему,— задумчиво сказал он, садясь на свой командный стул.— Но мне хочется прочитать всем, что сказал о счастье один из вас.

— Он выбрал тетрадь и прочитал:

— Счастье — жить с чистой совестью.

Это была моя тетрадь...

Что мне дождик проливной...

Зря не послушал я утром мамы, советовавшей прихватить с собой зонт. И чего, спрашивается, противился — портфель-то все равно полупустой был...

— Вот еще — зонт! — потешался я. — Скажешь тоже! Девчонка я, что ли... И к тому же жарница как в пустыне. Такую жару, если хочешь знать, и самые заядлые аксакалы лет этак шестьсот не помнят! А ты про зонт заладила. Несерьезно!..

Тем временем мама, прищурившись, придирчиво оглядывала легонькое и вполне смиренное облачко, что кокетливо кудрявилось близ солнышка, явно набилаясь ему в приятели. Так основательно хозяйки разве что картошку на базаре выбирают, да и то если знают: вечером придут гости дороге — кавардаком лакомиться. Мама покачала головой:

— Гляди сам. Да смотри, как бы твои аксакалы не пересмотрели свои синоптические записи за последние шестьсот лет!

И не ожидая моего ответа, она принялась шуметь посудой на кухне. После молнии ее слов бедные ложки да вилки так и загромыхали...

— Да-да! Вот точно так же громыхало сейчас небо и, словно потешаясь надо мной, обрушивало на застигнутый врасплох весенний город лавину дождя. Похоже, там, наверху, кто-то зло и мешадно то-

же мыл посуду... Робкая утренняя тучка страшно постарела и превратилась в прожорливую черную каргу, заглотнувшую солнышко. Поделом мне! Неси теперь пустой свой и вовсе не виновный портфель под мокрую плетку стихии. Хорошо еще, что портфели не разговаривают. Уж мой-то вполне бы мог гневно прорычать: «Ну и лентяй же ты, Батыр! Зонт в пустой портфель поленился положить. У-у, лентяй! Знал бы, что ты такой — сам бы выпросил зонт у мамы...»

Выскользнув из школы, я помчался к остановке, решив проехать хоть малость на автобусе. Где же вы, спасительные автобусы? Неужто карга-туча заодно и вас проглотила?

Куда там — улицу будто заколдовали. У меня даже мелькнула озорная мысль: а не проделка ли это мамы, решившей проучить меня за утреннюю ершность по-настоящему и, возможно, обзвонившей все автобусные парки города с просьбой не ездить сегодня по улице, где я учусь и где стою сейчас под дождем.

Самое досадное, что и до дома-то рукой подать. Три остановки — как говорится, всего ничего... Но это — если совершать сухопутное путешествие.

Я вдруг усмехнулся, вспомнив утренний разговор с мамой про памятливых на небывалую жару аксакалов. Наверное, совсем другие аксакалы, чья память специализируется на небывалых атмосферных осадках, тоже не припомнят другого такого дождичка. Лет шестьсот... М-да... Еще пяток минут прозябания под этим историческим дождем, и меня можно будет завтра пристегнуть прищепками к бельевой веревке — сушиться.

Я огляделся. Шагах в пятнадцати от меня гордо высился кражистый карагач, раскрывший над тротуаром свой зеленый зонт. И тут я едва не расхохотался. Под карагачем стояла девочка лет семи, держа над головой зонт. Главное, у нее был ужасно несчастный вид. Честное слово, я бы куда меньше удивился, если бы сейчас, соперничая с дождем, по улице важно поехала поливомочная машина, отмывая улицу от дождя.

Ну и чудачка! Если у нее зонт, так чего же она стоит и дрожит? Ведь с зонтом можно на край света добраться и головы не замочить. Это у меня вы-

бора не было. Не станешь ведь выкорчевывать карагач, чтобы его над собой вместо зонта нести...

С такими вот мыслями, уже изрядно разбавленными дождевой водой, поспешил я под карагач, где ютилась девочка с зонтом.

— Привет, малышка! — подмигнул я. — Загораем?

Она зябко повела плечами и вздохнула.

— Живешь, наверное, далеко? — продолжал я.

— В-возле «Д-детского м-мира...» — простучали зубы.

Я удивился. А ведь и точно чудачка. У нее роскошный зонт, а она, видишь ли, под деревом мерзнет. Да отсюда до «Детского мира» с какой-нибудь километр будет, не больше. Это же пятнадцать минут хода. Я и сам там проживаю.

— Сидишь-то чего здесь? — не выдержал я. — Идти надо, замерзнешь. Гляди, как нахохлилась...

— А тапочки? — спросила вдруг она. — Запачкаю ведь, промокнут.

Только тут заметил я на ее ногах легкие спортивные тапочки. На плече ее висела спортивная сумка. А ведь верно говорит: в такой неважнецкой обуви по лужам шлепать — живо промочишь.

— С тренировки, что ли?

Малышка кивнула.

— А ведь дома, небось, заждались, волнуются?

Сказал — и тотчас же пожалел об этом. Девочка всхлипнула:

— Б-бабушка подарила. Д-для тр-р-ренировок. Лучше бы я б-ботинки одела, а их с собой взяла. В ботинках хор-р-рошо! Вон у тебя какие, — кивнула она на мои ботинки.

Что верно, то верно: ботинки добротные. В таких, наверное, море можно перейти и не промокнут. Если, конечно, мелкое море попадетсЯ. Мне почему-то стало чуточку стыдно за мои непромокаемые ботинки.

— Зато у меня нет зонта! — похвастался я.

Девочка заморгала, испуганно оглядывая мои изрядно промокшие волосы, а я серьезно продолжал:

— Зонт, если хочешь знать, в сто раз лучше любых ботинок.

— Это почему? — недоверчиво покосилась девочка.

— Сама видишь — разве в ботинок можно спрятать голову от дождя?

— Это верно! — вздохнула девочка. И тут она размечталась:

— Вот бы мне твои ботинки, а тебе мой зсэтик!

— Это тебе мои-то ботинки? — усмехнулся я.— Тридцать восьмого размера? Да ты и в одном-то из них будешь как Дюймовочка на кувшинке.

Вдруг она протянула мне зонт.

— Возьми!

— Вот еще! — опешил я.

— Возьми!.. — не унималась она.— А я под сумкой укроюсь.— И она стала снимать с плеча набрякшую сумку.

И тут меня осенило. А ведь она права! Что если и впрямь объединить ее зонт и мои ботинки? Это ведь очень просто!

Я подхватил легонькое мокрое тельце малышки, и она вместе со своим зонтом взлетела на добрых два метра.

— Вот так-то будет лучше! — прокричал я.— Теперь у нас с тобой и обувь, и крыша над головой!

И уже не оглядываясь на пустынную дорогу, упрямо не сулившую автобуса, я зашагал по тротуару, на котором по-прежнему весело приплясывал дождь. И так нам обоим стало весело и хорошо, что мы запели песенку, которая ну словно про нас с ней и была написана. Ее все знают. Вот эту:

Что мне снег, что мне зной,
Что мне дождик проливной,
Когда мои друзья со мной!..

А если учесть, что снега и зноя и вовсе не было, а один только дождик, то выходило, что мы с девчушкой были сейчас не вдвое, а даже втрое сильнее и дождя, и злющей карги-тучи, проглотившей солнышко. Впрочем, когда мы уже подходили к дому девчушки, по небу вдруг пробежал робкий лучик. Шум дождя немного стих, и вскоре солнышко разодрало тучу на лохмотья.

Из подъезда выбежала бабуся, прижимая к груди одеяло. И я понял, что это бабушка моей спутницы. И еще я понял, что ни одна туча, как бы она ни пыжилась, ни важничала, вовек не проглотит солнца. Уж это любой аксакал аксакалов помнит и знает лет этак шестьсот.

Если не больше...

Тыква муллы Дадавой

В свое время я написал немало рассказов о лентяях Мирвали и Батыре. Вот, думал, почитают другие лентяи, стыдно им станет, и они начнут исправляться. Конечно, не как в сказке — раз! — и сразу стал хорошим, а потихоньку так, к зрелым годам, глядишь — нормальный человек.

Но потом и я с удивлением заметил, что перо мое все тяжелее движется по бумаге. Ну какое удовольствие, какая радость — скажите — все время писать о лентяях? Ф-фу! — надоело! Исправился ли он после прочитанного рассказа — этого я не видел, а на душе становилось очень тяжело.

Нет! Буду писать о хороших людях. Бежит перо по бумаге, душа радуется, самому хочется творить только хорошее и жить для хорошего.

Но вот однажды я встретился с таким лентяем из лентяев, таким лодырем из лодырей, что он мог бы запросто стать королем в стране бездельников. И я удивился и долго ходил вокруг него и думал — неужели он ни разу не спросил себя — почему я такой, кто, зачем живу на свете?

Имя его было — Дадавой.

Познакомились мы с ним так. Я работал в пионерской газете и по заданию своей редакции приехал в одну школу. Там, во дворе, девочки играли в баскет-

бол. Шум, гам, тьма болельщиков, которые волнуется больше игроков.

— Банка! Чистый! — кричат. — Молодец, Айша!..

Мальчик рядом со мной так надрылся, что охрип.

— Мазила!.. — хрипел он. — У-у!.. Молодец!..

И от восторга, что мяч попал, куда ему было нужно, как стукнет по плечу товарища рядом. Тот отпрыгнул в сторону.

— Ты чего?

— Прости, друг, я думал, это моё плечо.

Несмотря на небольшой рост, Айша была проворней всех, не терялась даже в трудных ситуациях. Прыгала она высоко, замечательно прыгала.

Но вот во время прыжка ее слегка подтолкнули, она потеряла равновесие и упала. Двор притих. Айша, чуть прихрамывая, покинула площадку.

Я пошел за ней. Думаю, напишу-ка я о ней спортивную заметку.

В углу двора тек арык. На пеньке у арыка сидел толстый мальчик, склонив голову на лежащий портфель. Может, он задумался, мечтал, а может, спал.

Или — болен? Чего бы ему сторониться общего азарта?

Айша подошла к нему и тронула за плечо.

— Дадавой!

Он не поднял головы.

— Ну? — спросил.

— Иди домой, брат.

— Не хочу.

— Ну почему не хочешь! Дома хорошо, бабушка обед сготовила!.. — уговаривала она.

— Далеко.

— Эх ты! — горько сказала Айша и двинулась было к спортплощадке, но вернулась. — Ты же, наверное, есть хочешь?

— Хочу.

— А что мне сделать?

— Бутерброд.

Айша вытянула у него из-под головы портфель — в нем оказался настоящий продуктовый склад. Ножичком она тоненько нарезала холодное мясо, положила на хлеб. Дадавой медленно принялся жевать бутерброд.

— Иди! — буркнул сестре.

Айша убежала.

Я не верил своим глазам. Бог ты мой, такого королевского лентяя мне еще не приходилось видеть. Нет, это же чудо (первая часть слова «чудовище»), надо обязательно познакомиться с ним.

Я тихо присел рядом.

Дадавой с безразличием взглянул на меня, подобрал губами мясо с хлеба, лениво сжевал его — так, как жует солому корова.

— Опять один хлеб остался! — пробормотал он, осматривая кусочек.

Я кашлянул.

— А здорово играют! Особенно Айша! А?!

— Хм... — отозвался он.

— Ты, братец, не интересуешься баскетболом?

— Не-ет, — протянул он.

— А футболом?

Он слегка поморщился.

— Э-э, странный вы, дядя!..

— Почему?

— Зачем, скажите, бегать, кричать, ноги бить?

Надо тихо-мирно жить.

Мулла! Точно, мулла Дадавой! Редкий экземпляр человека. Я еще ближе придвинулся к нему.

— Можно, я буду звать тебя муллой Дадавоём?

На его лице появилось что-то, похожее на улыбку, глазки совсем закрылись.

— Ладно, — разрешил он.

— Что тебя в жизни интересует, мулла Дадавой?

Без всяких раздумий он сказал:

— Самое интересное — спать и есть.

— А книги читать любишь?

От съеденного бутерброда у него, видимо, поднялось настроение, он даже хихикнул.

— Ну да, еще! Все книги о том, как люди суетятся. Если бы хоть одна была про сны...

Он вытащил из кармана конфету, не спеша развернул и сунул в рот. И стал посасывать, причмокивая и закрыв глазки.

— Если уснуть с конфетой во рту, обязательно приснится сладкий сон.

— А не прилипнет за ночь язык к небу? — спросил я.

— Э-э! — сказал он наставительно. — Надо такой язык иметь, который не прилипает.

Да, глубокомысля у него было хоть отбавляй.

В конце концов мы с ним разговорились, и он поведал мне о своей жизни. То есть не о всей, не со дня рождения, а о последнем годе. О своих удивительных сладких снах.

— Вы с блокнотом... вы что, писатель? — спросил он.

Я скромно сказал, что хочу стать писателем.

— Когда будете писать обо мне, положите в рот конфету, — посоветовал он.

Тогда это меня удивило. Но вот я сел за стол и чувствую, что не идет рассказ, не пишется так, как я бы хотел. Вспомнив совет муллы Дадавоя, набил рот конфетами. И — пошло! Мысли потекли сладенькие. Лентяи, подумал я, люди незлобные, безвредные, от природы мечтательные. Почему они помногу спят? Да ведь все просто: то, что они не успевают совершить наяву, доделывают в своих снах.

Они хорошие люди! — думал я, запивая конфеты чаем.

Итак!..

* * *

Мулла Дадавоя, конечно же, родился не муллой, а обыкновенным ребенком.

Муллой его сделала бабушка. Из большой любви к нему.

— Смотрите, как мой внучек спит!.. Сейчас он встанет, персиков покушает!.. Ой, внучек, не ходи сам, споткнешься!.. Эй, Айша, чего сидишь, принеси брату то, подай другое!..

Маленькая сухонькая бабушка вилась вокруг внука, словно пчелка, с ласковым жужжанием. Но была готова сразу ужалить всякого, кто посмотрел бы на ее Дадавоя косо.

Айша, младшая, должна была трепетать перед братом и отвечать: «Хоп, ака-джан!» Бабушка за этим следила строго. Когда Дадавоя пошел в первый класс, шестилетняя Айша понесла его портфель. Ну, принесла, да так и осталась в классе вместе с братом. И вместе с ним перешла во второй.

А сейчас уже в шестой ходят вместе.

Ну сегодня-то им никуда не идти, сегодня воскресенье. Любимейший день муллы Дадавоя. «Почему

мир так нескладно устроен? — размышлял он, лежа в постели. — Почему в неделе только одно воскресенье? Если бы было наоборот!.. Шесть воскресений и одна суббота!..» — и снова уснул.

Бабушка напекла слоеных пирожков, самые румяные отложила для внука, накрыла их полотенцем, чтобы не остыли к тому моменту, когда он встанет.

Айша тоже поднялась рано и уже много успела сделать по дому. Развела огонь в тандыре, подмела двор, нарезала большой букет чайных роз, источающий сладкий запах.

День был хорошим, небо — чистое, высокое.

— Эй, Айша, скоро проснется Дадавой, захочет пить. Нарви ему персиков!

И здесь Айша сказала:

— Пусть сам нарвет!

Это было так необычно, что бабушка не поверила своим ушам.

— Что ты сказала?

— Пусть сам нарвет!

— Что с тобой? — с тревогою спросила бабушка. — Ты заболела?

— Я здорова, а вот он — больной! — дерзко ответила Айша. — Ему лечиться надо!

От горького изумления бабушка едва не заплакала.

— Чем лечиться?

— Трудом.

— Та-ак! — сказала бабушка, прищуриваясь и глядя в упор на взбунтовавшуюся девчонку. — Что же это за лекарство такое?

Айша дрогнула.

— Веник и лопата, — сказала она.

Бабушка уперла руки в бока.

— Ваши мать с отцом всю жизнь в командировках... Я вам отдаю все силы... И вот — дождалась... Никакого уважения... Ни почтения... — И пошла, и пошла.

Айша молча взяла чашку, подтащила стул к персиковому дереву и нарвала плодов с нежной пушистой кожицей. Какой вкусный, мятный запах шел от персиков. «Хоть бы ты подавился косточкой! — сердито подумала Айша про брата, ставя чашку на стол в его комнате. — В школу пора, юннаты ждут, а он дрыхнет!»

Дадавой посапывал под одеялом.
Айша попробовала разбудить его.

— Вставай!

Он что-то проворчал и перевернулся на другой бок.

— Ну вставай же! — повторила Айша и потрясла его за плечо. — В школу пора!

Ни звука в ответ.

Тогда Айша взялась за него по-настоящему. Вложила в приоткрытый рот брата персик — проглотил вместе с косточкой, еще и почмокал. Потянула за ногу, торчащую из-под одеяла — оглянулся. Ущипнула за нос — нырнул с головой под одеяло.

Она задумалась — не принести ли холодной воды. Взгляд ее упал на будильник.

— Ага! — сказала она. — Сейчас ты у меня вскочишь!

Закрутила пружину будильника до отказа, сунула его под подушку Дадавою и сама спряталась за кровать.

Будильник затрещал так, что голова Дадавою запрыгала на подушке.

Он вскочил с воплем.

— Бабушка!

Тут же в дом вбежала бабушка с криком:

— Что, внучек, что?

Она испугалась, увидев взмокшего Дадавою, хватающего ртом воздух.

— Что случилось?

Дадавою едва шевелил языком. У него рот не захлопывался...

— Я... я... я...

— Что, внучек? — кричала бабушка. — Боже, у меня сердце разорвется! Что?

— Я видел...

— Что ты видел?..

— Сон...

— Какой сон?

Бабушка яростно огляделась: может, сон еще здесь, в комнате, — ух, она ему сейчас задаст, сну!

— Сон... — прохныкал Дадавою и пошатнулся. — Я будильник проглотил!..

Бабушка облегченно вздохнула.

— Ну, внучек, — сказала она, — вот же будильник! — и повернулась к столу.

Рука ее повисла в воздухе.

— Где же он? Б-боже!

— Я же тебе говорю! — закричал Дадавой и схватился за живот. — Здесь он!

— Значит, это был не сон? — прошептала бабушка. — О-о!

— О-о! — кричал Дадавой, держась за живот и делая круг по комнате. — Он здесь!

— Держите меня! — прошептала бабушка, падая на кровать.

Она едва не потеряла сознание.

— Айша! — крикнула бабушка из последних сил.

Айша появилась из-под кровати. Молча нагнулась над бабушкой и вытащила из-под подушки будильник, поставила его на стол.

— Та-ак! — сказала бабушка, сразу придя в себя. — Ты нас в могилу свести хочешь скверная девочка?!

— Я всего навсего хотела, чтобы он встал. Пусть зарядкой займется.

— Чем-чем?

— Она, бабушка, хочет, чтобы я, как индюк, бегал по двору! — пожаловался Дадавой.

— Неужели это так?

— Я хочу, чтобы он пошел со мной в школу, — сказала Айша.

Бабушка возмущенно всплеснула руками.

— Какая школа, если сегодня выходной!

— Мы сегодня с пришкольного участка собираем урожай и организуем выставку. Все придут.

— Зачем ему ваша выставка-мыставка! Я ему сделаю выставку дома... Вон у нашего соседа Нугмана-бо-бо тыкв — больше нашего казана...

— Так ты не пойдешь? — спросила Айша брата.

— Нет.

— Так лежи дальше и пухни. Все равно уже раздулся, как воздушный шар.

— Э-э, шар это хорошо, — сказал мулла Дадавой, забираясь опять в постель. — Шар в небе летает.

— А потом лопается, — сказала Айша и пошла.

Дадавой попыттел и жалобно так говорит бабушке:

— Видите, бабуля? Никакого уважения!

— Вижу, внучек, вижу! — согласилась она. — Но ничего! Отец придет из командировки, я ему все расскажу. Ничего, мой жеребеночек! Я тебе маставу при-

готовила, фарша много положила, чтобы вкусно было. С травкой, с кислым молоком!

Дадавой послушал про маставу и спросил с недовольным видом:

— Это что же, опять вставать?

— Можно и не вставать,— сказала бабушка.— Я сейчас умыться принесу...

И пошла за тазиком и полотенцем.

Дадавой прикинулся спящим. И даже захрапел.

— Опять моему жеребеночку что-то снится,— умильно проговорила бабушка, унося обратно тазик с водой.— Пусть поспит, мой ненаглядный!

Когда шаги ее стихли во дворе, Дадавой открыл глаза. Вставать или обождать? А куда, вообще-то, отправиться? Воскресенье же! Это глупая Айша суетится, убежала в школу. У них выставка, ха!..

Однажды — это было год назад — мулла Дадавой случайно зашел на пришкольный участок. Арбузы там — тьфу! — нормальному едоку одного арбуза не хватит. А помидоры?.. В рот положишь, и сам не заметишь, как проглотишь.

Вон, не вставая с постели, можно увидеть тыкву дедушки Нугмана. Плети тыквы забрались на урючину, и там висит така-ая тыква — ого! Больше того котла, в котором на сто человек плов делают. Вот это фрукт!.. Или овощ? В общем, громадная тыква.

Дадавой сунул в рот конфету. И лежал, чмокал языком. Как вдруг его осенило, и он от неожиданной мысли даже проглотил конфету.

— Это моя тыква,— сказал он себе.

Он принесет эту тыкву в школу, прямо на выставку. Директор с волнением пожмет руку Дадавою и прикажет поставить тыкву на самое почетное место. А потом с упреком скажет этому строгому Салиджану Балтаджановичу: «Как же так, малоуважаемый мною Салиджан Балтаджанович? Бедный мальчик думал о чести нашей школы, вырастил такую тыкву, а вы морочите ему голову, допекаете его ненужными придирками! И нисколько не стыдитесь ставить двойки в дневник такого человека! Может, вы не умеете воспитывать, может, вы не настоящий учитель?» Бледный Салиджан Балтаджанович стал бы умолять Дадавою: «Милейший, драгоценнейший Дадавою! — сказал бы он.— Верните мне дневник, я переправлю все мои двойки на ваши пятерки».

А потом они привели бы Айшу и заставили ее встать перед ним на колени: «Молись на брата! Такие братья не валяются под ногами, такие братья сейчас — редкость!»

Такую сладостную картину нарисовал мулла Дадавой.

Постойте, а как же эту тыкву взять? Украсть? Нет, урючина склонилась к самой крыше дома Дадавой, и он мог считать, что тыква наполовину принадлежит их дому. Ну, а уж вторую половину... не будет же Нугман-бобо бегать за ним с криком: «Отдай мою половину тыквы!»

Дадавой встал, не спеша оделся и вышел во двор. Бабушка возилась в летней кухоньке, не видела его. Дадавой по приставленной лестнице полез на крышу. Тыква оказалась немного дальше, чем он думал. Единственное, что можно было сделать — прорезать ножичком дырку в ее боку и добыть немного семян.

Они оказались сладкими.

Пока Дадавой, обсасывая семена, ломал голову — как же снять тыкву, не разбив ее, — в соседском дворе раздались голоса. Дадавой спрятался за трубой.

Внизу, заложив руки за спину, стоял Нугман-бобо.

— Ну, старуха! — говорил он с радостным удивлением. — До восьмидесяти лет дожил, а такой тыквы не видел.

— Я тоже, старик, — ответила его жена.

— Теперь всю зиму будем лакомиться!

— Да, старик, из тыквы можно тысячу блюд приготовить.

— Например, тыквенную самсу.

— Или тыквенные манты.

— Или сварить с молоком.

— А уж если пожарить, да с перцем — падишах позавидует такой еде!

Так они стояли и громко, но мирно говорили о лакомствах из тыквы.

Дадавой сидел, скорчившись, за трубой.

— Эта тыква увеличивается не по дням, а по часам, — задумчиво произнес Нугман-бобо. — Она скоро урючину свалит или крышу соседям разобьет. Надо ее снять, старуха!

— Не надо, старик, — сказала жена. — Давай подождем немного.

— Я вот о чем думаю: может, секрет этой тыквы в семенах?

— Да что ты, старик, секрет в наших руках! — ласково сказала жена и спохватилась: — Ой, идем обедать, у меня уже все готово!

Они вошли в дом.

Все соседи завидовали и радовались дружной жизни этой пары. Нугман-бобо на расспросы соседей ствечал коротко: «Что посеешь, то и пожнешь!» Понимай, как знаешь. То ли о тыкве, то ли о жизни вообще.

«Как же все таки снять тыкву?» — размышлял Дадавой. Вдруг он заметил на земле возле урючины кетмень. «Ага!» — сказал он себе и начал спускаться с крыши.

Ручка кетменя была отполирована до блеска. Дадавой взял кетмень, размахнулся...

...и тыква с грохотом сорвалась с дерева и упала ему на голову.

— Что там произошло? Что загремело? Урючина свалилась? — с такими вопросами, мелко семена, выбежал из дома Нугман-бобо. — Старуха! Эй, старуха! — закричал он. — Тыквы нет!

Выбежала жена Нугмана-бобо.

— Что с вами, старик! Вон же она лежит!

И верно, в трех шагах от урючины лежала тыква.

— Слава аллаху! — сказала старуха. — Кажется, целая, и не треснула даже.

— Да! Избавил нас аллах, сам снял для нас тыкву.

Нугман-бобо хотел щелкнуть по тыкве.

Она шевельнулась.

Нугман-бобо раскрыл рот.

— Старуха, это ты трогаешь тыкву?

— Да ты что, старик, я же за тобой стояла! Не трогала я!

Тыква качнулась.

— Старуха, ты видишь? — свистящим шепотом спросил Нугман-бобо и попятился.

— Вижу! — тоже шепотом отозвалась она, отступая от тыквы быстрее мужа.

Они отошли на порядочное расстояние и остановились.

Тыква не шевелилась.

— Тьфу, тьфу! — сплюнула старуха через левое

плечо. — Показалось нам, старик. Шайтан глаза отводит, пугает нас, чтобы тыкву самому забрать. Где это видано, чтобы тыква прыгала?

Услышав это, Нугман-бобо ободрился.

— Ты права, старуха! Конечно, это проделки шайтана!

Подумав немного, он сказал:

— Сейчас принесу нож, разрежу тыкву... Оббо!!!

Тыква двинулась вокруг урючины.

— Шайтан! — взвизгнула старуха и припустила со всех ног к конюшне, куда и вскочила, захлопнув за собой дверь.

У Нугмана-бобо не было сил для быстрого бега, он с ужасом смотрел, как тыква приближается к нему.

— Назад! — вдруг страшным голосом вскричал он, когда до тыквы осталось совсем немного. — Марш на кухню!

Он подумал, что, наверное, сходит с ума.

Но тыква попятилась от него и действительно скрылась за дверью кухни. Нугман-бобо подскочил и мгновенно захлопнул дверь.

— Эй, старуха! — обессилевшим голосом позвал он. — Выходи!

Старуха боязливо выглянула из конюшни.

— Ты жив, старик? — со слезами в голосе спросила она. — Я уж думала, она тебя проглотит.

— Не болтай! — оборвал ее Нугман-бобо. — Иди сюда!

Старуха с опаской сделала несколько шагов. Про себя она поклялась, что если эта проклятая тыква опять начнет плясать на их глазах, она побежит так быстро, что за ней не угонится ни одна птица: она добежит до станции, сядет в поезд и уедет к сыну в Андиганскую область — там шайтан ее не найдет.

— Неси веревку!

Но, когда старуха принесла веревку, мужество Нугмана-бобо улетучилось.

— Жена! — сказал он. — У тыквы — ноги!

— Ой, что ты говоришь, старик!

Нугман-бобо прислушался — не шевелится ли тыква за дверью? В кухне было тихо.

— Ты иди вперед, жена...

— Ну!

— Иди, говорю, вперед, схвати тыкву и держи крепко. А я...

— А ты?

— Свяжу ей ноги!

Старуха замахала руками.

— Что ты, что ты, старик! Она с нами, знаешь, что сделает! Никуда я не пойду!

К Нугману-бобо временно вернулась решительность. Он топнул ногой.

— Нет, пойдешь!

— Ты мужчина, старик, ты и иди первым! — слезливо сказала старуха. — А я уж, ладно, свяжу ей ноги!

— Нет, ты пойдешь!

— Нет, ты первый!

Они спорили долго, разгорячились, но не пришли к единому решению.

— Знаешь, старик, давай созовем соседей. Говорят, толпой и зайца поймать можно. Пойдем!

Нугман-бобо заколебался. Конечно, с соседями было бы лучше. Ну а если эта тыква, узнав, что они ушли, начнет здесь бушевать? Хотя... если она станет бушевать, уж лучше убраться со двора.

— Ты стой здесь, старуха, карауль, а я пойду за соседями.

— Пустое ты говоришь, старик, — отозвалась она, уже семена к воротам. — Я пойду.

Нугман-бобо припустился за ней.

— Нет, я!

Они застряли в воротах и еще дергались, спорили — кому выйти первым, когда стукнула дверь из кухни. Старики разом вывалились на улицу и с криком вбежали в соседний двор.

Дадавою было нелегко. Тыква сидела крепко, влившись твердым изломом в плечи. Можно бы попытаться ее разбить, ударяясь о стену или дерево. Но ведь внутри тыквы не чужая голова, а его собственная, родная. Хватит того, что она пережила удар самой тыквы.

А все же он оказался сильным, раз носит такую тяжесть!

Ха, а почему бы прямо сейчас не пойти в школу? Тыква упала так, что отверстие, которое он прорезал ножом, — против глаз. Дорогу он видит, идти можно.

Тем временем старики рассказывали бабушке Дадавою о странных происшествиях в их доме.

Она — удивленно:

— Боже мой, неужели правда?

Нугман-бобо даже обиделся.

— У меня седая борода, соседка, я давно уже не придумываю сказки, а врать — никогда в жизни не врал.

— И ноги, говорите?

— Какие ноги?

— У вашей тыквы!

— И ноги, и руки, и когти, как вилки... — зашептала жена Нугмана-бобо. — Чуть в глаза мне не вцепилась, соседка! До сих пор дрожу! Еле спаслись со стариком!

— Взяли бы кочергу, огрели ее!..

— Да ты что, милая! — сказала соседка, немного отстранившись. — Ее огрешь!.. Самой жарко станет!

Чем больше они рассказывали бабушке Дадавою, тем красочнее и страшнее становился рассказ. Уже, оказалось, тыква хотела схватить старика за бороду и втащить в себя. А ноги у нее кривые и волосатые, как у обезьяны. И глаз сверкает на желтом лбу. И вообще — жуть!

Они сидели в летней кухоньке и не заметили за горячими разговорами появления тыквы во дворе. Тыква медленно добралась до двери и скрылась в доме.

— Мы проклятую заперли в кухне, решили позвать соседей на помощь!..

Бабушка Дадавоя вздрогнула.

— Чем же я могу вам помочь? В милицию идите, пусть Атаджан в фуражке придет... тыква его испугается.

— Ничего, соседка, вы постоите в стороне, будете громко разговаривать: шайтан подумает, что нас много, и убежит.

— Не могу я! — слабо защищалась бабушка Дадавоя. — У меня внучек еще спит, как одного оставить?

Нугман-бобо обрадовался.

— Дадавою?

— Да.

— И его разбудим! Вот уже и много нас!

— Да еще такой богатырь будет с нами! — польстила соседка бабушке. — Шайтан, как только увидит его, умрет на месте от страха!

— Ну хорошо! — сказала бабушка и встала.

Старики, опережая ее, кинулись в дом.

— О-ой! Дадавой! Дорогой! Вставай!

Но через минуту в доме раздался истошный крик и мимо бабушки, входящей в дверь, проскочила соседка.

— Ой, спасите, нечистая сила!

— Думайте, о чем говорите! — вслед ей сердито сказала бабушка. — Уже и мой внук для вас — нечистая сила? Это мой-то жеребеночек, мой славненький?!

Она вошла в комнату и без сил опустилась на пол. Тыква ходила по дому.

Нугман-бобо, вспомнив молодость, выпрыгнул в окно.

Дадавой, тяжело ступая, прошел мимо бабушки, сидящей на полу, и вышел во двор. По пути он захватил из плетеной корзины у тандыра горячую самсу, но, не имея возможности съесть ее, бросил у ворот.

Бабушка сидела на полу, раскачиваясь и причитая:

— О мой краснощекий, внучек! Куда ты подевался, что с тобой сделала эта тыква?!

Нугман-бобо, быстро и мелко перебирая ногами, стремился в милицию, за суровым милиционером Атаджаном, чьей красной фуражки шайтан должен испугаться. Дорогой он грозил кому-то кулаком и приговаривал похожее на: «Ну, тыква, погоди!»

Его старуха, кинувшаяся в дом и закрываясь там, понемногу успокоилась. Ни шума, ни гама, все тихо. Она выглянула на улицу, потом боязливо пробралась к соседям.

Бабушка все сидела, причитая:

— Значит, тыква проглотила моего внука?.. То-то ноги у проклятой похожи на его ноги!.. Кто же разобьет ее, кто вызволит моего жеребеночка?!

Вдруг она встала, глаза ее засверкали. Проворно метнувшись к сарайчику, она схватила молоток и воскликнула:

— Я! Кто же, кроме меня, вызволит его!

И кинулась бежать по улице.

Соседка за ней. Чуть сзади. У нее был не один страх, а два: страшно остаться одной и страшно гнаться за тыквой. Она гналась за... бабушкой Дадавою.

Дадавой, уже открывший, что семена тыквы сладки, словно затвердевший мед, ловил их губами и сплевывал шелуху под ноги.

Шла по улице тыква, плевалась.

Чья-то собачонка, пробиравшаяся вдоль забора с поджатым хвостом, не поверила своим глазам. Она сначала тявкнула пару раз, а потом решила, что лучше лечь в арык и притвориться неживой, а то желтое чудовище может ее съесть.

Дадавой все больше выедал внутренность тыквы и все глубже влезал в нее. В конце концов он решил совсем залезть в тыкву и покатиться по дороге. Зачем ее таскать, когда в ней можно ехать!

Ощущая, как внутри его все слиплось от сладких семян, он подумал вслух:

— Попить бы!

Собственный голос услышался ему густым, могучим.

— Почему бы не спеть? — спросил он себя.

И запел.

Вот это да-а!

Ни по радио, ни по телевизору Дадавой не слышал такого голоса.

Это что же делается на белом свете? Какие-то писклявые дяди и тети называются артистами, а он, Дадавой, обладатель могучего голоса, никому не известен! Да ему пора петь в больших концертных залах. Он станет самым знаменитым певцом на свете. Будет выходить на сцену в белой рубашке, черном костюме и узконосых, похожих на клюв ворона, лакированных туфлях. На улице будут собираться толпы людей — тех, что не смогли попасть на его концерты.

И среди них — вредные учителя, плачущие: «Как же мы такому соловью ставили двойки, а?» А директор бьет их указкой по спинам и ругает за это же самое.

А когда Дадавой запоет «Яллама ёрим» — все пустятся в пляс. И учителя, у которых опухнут глаза от слез, тоже.

То-то будет у него и славы, и потехи.

Кто же сегодня в школе? Там ли директор? Хорошо бы достать какую-нибудь бричку для торжественного въезда.

И только он так подумал, на дороге раздался скрип колес. Ослик тащил маленькую арбу, доверху нагруженную овощами. Рядом с осликом шел пышноусый арбакеш. Намотал на голову белый шелковый платок, словно он мулла.

— Йе! — удивился он, увидев на дороге громадную тыкву.

Дадавой кашлянул.

— Оббо! — испугался арбакеш.

Дадавоя разбирал смех. Он захохотал, и тыква загремела и подпрыгнула.

— А-а! — в ужасе закричал арбакеш.

Он с силой потянул осла за уздечку, но тот заупрямился — надо же и отдохнуть немного, хозяин!

— Как тебя зовут? — захохотала тыква.

Ноги арбакеша подкосились, он сел посреди дороги.

— Ну?

Арбакеш закрыл глаза, чтобы не видеть чудовище.

— Ну? — Голос был страшен, словно говорил сам джин.

Арбакеш дрожал.

— Что? — спросил он.

— Не болтай лишнего, нет такого имени «Что»! Как тебя зовут?

— Не помню, — прошептал арбакеш, — ничего не помню, все из головы вылетело...

— Ну-ка иди сюда ближе! — приказала тыква.

— Хорошо, хорошо, не сердитесь!

Беспрерывно кланяясь, арбакеш продвинулся немного и застыл в поклоне.

— Вспомнил свое имя?

— Да, да, вспомнил! Мардонкулом меня звать, Мардонкул я!

— Что это за имя такое! — страшно закричала тыква, — Кул, это раб, а рабов сейчас нет!

— Как прикажете!.. — прошептал арбакеш.

— Или ты этого не знаешь?

— Знаю, знаю!

— Ты будешь Мардонбоем!

— Хоп, ака-джан, хоп! — быстро согласился арбакеш и спросил с затаенным дыханием: — А кто вы?

— Кто я? — задумчиво произнесла тыква и снова загремела: — Это ты скажи — кто я?

Усы арбакеша, похожие на птичьи хвостики, задергались.

— Вы, вы... очень похожи на прекрасную тыкву. Раздался громовой смех.

— Ты прав!

Мардонбой, сидя, стал понемногу отолвигаться, надеясь спрятаться за арбу и удрать.

— Ты куда?

Арбакеш замер.

— Знаешь ты человека по имени Дадавой?

— Нет, ака-джан, не знаю.

— Не знаешь? Такого челове-ека?!

— Конечно, я о нем слышал...

— Что слышал?

— Что он знаменитый...— Арбакеш не знал, что сказать.— Трудолюбивый. Э-э!..

— Правильно! — ухнула тыква.— Иди сюда поближе! Дай руку!

У арбакеша сердце ушло в пятки.

— Зачем?

Из тыквы высунулся желтый язык.

— Я хочу с тобой поздороваться!

«О, аллах! — подумал арбакеш.— Язык у тыквы похож на человеческую ладонь!»

Отвернувшись, арбакеш робко протянул руку.

Дадавой схватил его твердую мозолистую ладонь и потряс.

— Ака-джан! — завопил арбакеш.— У меня дома дети, пожалейте их, не отрывайте руку!

— А ты сделаешь то, что я скажу? — глухим голосом спросила тыква.

— Клянусь! — Арбакеш свободной рукой бил себя в грудь.— Прикажете прыгнуть в воду, идти в огонь... все сделаю!

Дадавой отпустил его.

— Что у тебя в арбе?

— Дыни и арбузы ученики собрали. Говорят, ве-зи в школу, у нас выставка...

— Вот как?

— Да, ака-джан, выставка, говорят.

Тыква качнулась, в ней что-то булькнуло, похожее на приглушенный смешок.

— Ну-ка освободи арбу для меня!

Мардонбой поспешно влез на арбу и принялся сбрасывать дыни, арбузы. Они раскалывались с сочным хрустом. На дороге рос красно-желто-зеленый холмик обломков.

Вот тебе твоя выставка, Айша!

— Эй, Мардонбой!

— Слушаю, ака-джан!

— Будешь возвращаться, скорми это своему ослу.
А теперь помоги мне влезть!

Арбакеш со страхом наклонился к тыкке, кряхтя, поднял на арбу.

— Дальше что, ака-джан?

— Садись на ослика — и в школу! На выставку!

Ослик тронулся.

Колеса поскрипывали, Дадавоя стало укачивать, и он едва не задремал. Внутри тыквы было не очень просторно, зато мягко. Может, остаться жить в тыкке, не ехать на какую-то выставку, а приказать арбакешу отправиться на край света? Если все так боятся его, дрожат и молятся — можно стать падишахом всей земли. Без всякого труда. Крикнешь: «Эй, персиков!» — и сто человек на коленях поползут к тебе с очищенными персиками.

Или халву и мармелад целыми ящиками несут.

Или...

— Эй, Мардонбой, у тебя конфеты есть?

— Ой, ака-джан, нету! — запричитал арбакеш, ожидая немедленного наказания за неимение конфет.

— А песни какие-нибудь знаешь?

Арбакеш обрадовался вопросу.

— Знаю, много знаю.

— Ну спой что-нибудь!

Арбакеш открыл рот и... не смог произнести ни слова. Все песни вылетели из головы.

— А-а-а! — затанул он от отчаяния без слов.—
О-о-о! Ы-ы-ы!

— Что это за песня! — рявкнула тыква.— Пой:
«Это — тыква Дадавоя!»

— Это... это...

— Ну!!! ...тыква Дадавоя!

Арбакеш запел. Голос дрожал, услышать можно было, только идя рядом с арбой.

— Громче! Во все горло!

Арбакеш стал кричать:

— Это тыква Дадавоя! Это тыква Дадавоя!

Он надрывался все больше и больше, пока наперез им с другой улицы не выскочила группа людей.

Нугман-бобо, его жена и бабушка Дадавоя бежали в их сторону.

Впереди всех крупными строгими шагами двигался милиционер Атаджан в красной фуражке и с планшеткой на боку.

— Где тыква? — смело кричал за его спиной Нугман-бобо.

— Где Дадавой? — кричала бабушка.

— Тихо, не пой! — кричал Дадавой арбакешу. — Укрой меня!

Но тот от глухого рева тыквы так перепугался, что стал орать еще громче:

— Эй, эй, это тыква Дадавой!

— Стой, спрячь меня! — надрывался Дадавой.

А арбакеш, совсем обезумев, погонял ослика.

Но на середину дороги вышел строгий милиционер Атаджан и поднял руку.

— Остановитесь, граждане!

И, растегивая планшетку, доставая из нее на ходу бумагу и ручку, подошел к арбе.

— Что везем, граждане?

Арбакеш, увидев близко красную фуражку, вдруг зарыдал, свалился с ослика и кинулся к милиционеру, обнял его и закапал слезами серую форменную рубашку.

— Спасите меня! — рыдал он. — От этого, от этого!.. — и тыкал пальцем в сторону арбы.

— Где тыква? — кричал Нугман-бобо, только что подбежавший, хватая арбакеша за руку.

— Где Дадавой? — вопила бабушка, хватая арбакеша за другую руку.

Из арбы вдруг послышался скорбный могучий голос:

— Я здесь!

Все вздрогнули и попятись. Только строгий милиционер Атаджан не шелохнулся, лишь слегка побледнел.

Арбу тряхнуло, тыква покатила, покатила, упала на дорогу.

Среди твердых желтых черепков, словно среди тонких пластин обожженной глины, лежал Дадавой, по хожий на желтую мохнатую гусеницу.

С минуту никто не мог вымолвить слова.

Первым пришел в себя, конечно, милиционер Атаджан.

— Да, гражданин Дадавой, — сказал он печальным, но официально строгим голосом, — придется нам вместе пройти в отделение милиции. Там составим протокол. Вставайте, гражданин Дадавой...

Поставив три точки, я задумался. Как дальше сложилась (или сложится) судьба муллы Дадавой? Положил в рот конфету, задумался, но ясности никакой не было.

Я даже не знал — что же с ним произошло в милиции?

Тогда я опять отправился в школу. А Дадавой в этот день приболел, не пришел на уроки.

Потом у меня было много других дел. Но каждый раз, как только возьму в рот конфету, вспоминался Дадавой.

Прошло лето, снова настала осень, осыпала землю листьями.

И я еще раз пошел в ту школу.

Ребята играли на спортплощадке в футбол. Я подошел ближе и не поверил своим глазам. — Дадавой гонял мяч! Да он ли это? Похудел, подтянулся.

— Дадавой! — неуверенно позвал я.

Он подбежал.

— Здравствуй, мулла Дадавой! — сказал я и протянул ему конфету.

Он отрицательно покачал головой.

— А я ведь написал о тебе рассказ, — сказал я и дал ему тетрадь с рассказом.

— Знаете, дядя, — сказал он, полистав ее, — я не тот Дадавой.

— Как не тот? — удивился я. — Вон идет Айца, это твоя сестренка?

— Сестренка, — кивнул он. — Только того, Дадавая тыква проглотила. А я — другой!

И, подхватив портфель сестренки, убежал с веселым смехом.

Вот так раз! Ничего не понимая, расстроенный, я отправился домой — есть конфеты, запивать их чаем.

Понемногу я забыл эту историю. Тетрадь валялась в столе. И другие, исписанные и неисписанные, тоже валялись. Хорошо — не писать: хорошо — лежать на диване, мечтать о том о сем. Например: «Вывести бы такого паука, чтобы он веревки или канаты вил». Или так: «Придумать бы такие семена, из которых дома растут... посадил, и через два года — двухэтажный дом, через десять лет — десятиэтажный». И так дальше.

Лежал и мечтал.

А однажды конфеты кончились. Поискал в доме— ни одной. И в магазин лень идти. Пожил я день, другой без конфет, и вдруг горько мне стало. Сколько же это я времени убил на бесплодные мечтания? Много!

— Конфеты — долой! — сказал я себе. Сладкие мысли — долой!

Надо работать! Надо писать рассказы о хороших людях.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Алексин. Весело и всерьез	3
Миллион штук урюка.. Перевел Ф. Камалов	5
...И два ведра груш Перевел Ф. Камалов	10
«Отдохнули» Перевел Ф. Камалов	15
Ленивый ветер Перевел П. Шуф	22
Новоселье. Перевел П. Шуф	30
«Прощай, шеф!» Перевел Ф. Камалов	36
Сели в галошу. Перевел Э. Умеров	40
Удар вка. Перевел П. Шуф	48
Очкарик. Перевел Э. Умеров	55
Кто будет старостой? Перевел Ф. Камалов	63
Волшебная сила искусства. Перевел П. Шуф	69
Гол в свои ворота. Перевел П. Шуф	83
Тайна чинары. Перевел Э. Умеров	88
Жеребенок. Перевел Э. Умеров	96
Звезда упала. Перевел Ф. Камалов	104
Беркут. Перевел Э. Умеров	109
Дневник, письмо и первоклассница. Перевел Ф. Камалов	119
Что мне дождик проливной... Перевел П. Шуф	149
Тыква муллы Дадавоя. Перевел Ф. Камалов	153

Для среднего школьного возраста

ЛАТИФ МАХМУДОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕНТЯЕВ

Рассказы

Перевод с узбекского

Редактор Н. Бондаренко
Худ. редактор М. Карпузас
Художник Т. Шумская
Тех. редактор М. Мирраджабов
Корректор Г. Махмудова

ИБ 2878

Сдано в набор 18.11.83. Подписано в печать 06.04.84. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская №2. Школьная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 94. Усл. кр.-отт. 9,66. Уч.-изд. л. 9,51. Тираж 120 000. Заказ №1625 Цена в мягкой обложке 30 к. В твердом переплете 45 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Г.П.ТППО «Матбуот» Государственного Комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Ташкент—700129, ул. Навои, 30.

Набрано и сматрицировано в типографии изд-ва «Таврида», г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.